

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН
ГБУ РД «ДАГЕСТАНСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ПЕДАГОГИКИ ИМ. А. А. ТАХО-ГОДИ»

ТЕМА ВОЙНЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДАГЕСТАНСКИХ ПОЭТОВ, ПИСАТЕЛЕЙ И ЖУРНАЛИСТОВ

К 80-летию Победы советского народа
в Великой Отечественной войне

Махачкала
2025

УДК. 82/821.0+94(100)
ББК. 83.3(2=Даг)– 4+63.3(2р–6д)622
К – 93

Печатается по решению Ученого совета ГБУ РД «Дагестанский научно-исследовательский институт педагогики им. А. А. Тахо-Годи» (*протокол № 4 от 29 апреля 2025 г.*).

Курбанова Заира Гаджиевна. Тема войны в произведениях дагестанских поэтов, писателей и журналистов. (К 80-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне). – Махачкала: Формат, 2025 г. – 189 с.

Составитель

Курбанова Заира Гаджиевна – старший научный сотрудник сектора родных литератур ГБУ РД «ДНИИП им. А. А. Тахо-Годи», канд. филол. наук, доцент.

Ответственные редакторы

Арухова Альбина Сефербековна – директор ГБУ РД «Дагестанский научно-исследовательский институт педагогики им. А. А. Тахо-Годи», канд. филос. наук:

Сафаралиев Низами Эседуллаевич – заместитель директора ГБУ РД «Дагестанский научно-исследовательский институт педагогики им. А. А. Тахо-Годи», канд. филол. наук.

Рецензенты

Шабаетова Лейла Абдул-Кадыровна – заведующий кафедрой дагестанской литературы, канд. филол. наук, доцент ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова»;

Магдиева Пиразат Магомедовна – старший научный сотрудник сектора родных литератур ГБУ «Дагестанский научно-исследовательский институт педагогики им. А. А. Тахо-Годи».

Редактор

Адилъгиреева Заида Сельдерхановна – старший научный сотрудник сектора родных литератур ГБУ РД «ДНИИП им. А. А. Тахо-Годи», канд. филол. наук.

В новом сборнике, посвященном 80-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне, представлено творчество тех дагестанских мастеров пера, которые отдали свои жизни, приближая Победу, и тех, кто дожил до нее, возвратившись домой, чтобы увековечить бессмертный подвиг нашего многонационального народа, победившего «чуму двадцатого столетия» – фашизм. В переизданный сборник включены новые имена, публицистические произведения журналистов о фронтовиках-дагестанцах, расширены художественные тексты, которые были даны в сокращении.

Настоящий сборник окажет большую помощь педагогу в проведении внеурочных мероприятий по формированию у подрастающего поколения чувства патриотизма, интернационализма, гордости за великую Победу и преемственности поколений.

Издание адресовано учащимся, учителям образовательных организаций, студентам, аспирантам и широкому кругу читателей.

© ГБУ РД «Дагестанский научно-исследовательский институт
педагогики им. А. А. Тахо-Годи»

ПРЕДИСЛОВИЕ

*Подолгу шли к нам письма из Отчизны,
Тайком мы проникали в города.
Бросались к дзотам, не жалея жизни,
Чтоб уничтожить войны навсегда.*

Заки Нури

В этом году наша страна торжественно отмечает 80-летие великой Победы многонационального советского народа над нацистской Германией. К сожалению, редуют ряды тех, кто ценой своей крови защищал Родину, ветераны уходят, вливаясь в журавлиную стаю, уходящую в небо. Восемьдесят лет прошли, и за этот небольшой по историческим меркам отрезок произошли разные события: политические и исторические, трагические и радостные, победные и печальные.

Незаживающей раной для всего постсоветского пространства, сотни миллионов людей, стал факт подписания соглашения о распаде СССР тремя предателями советского народа. Страна, которая шла к победе во всех сферах человеческой деятельности: науки, образовании, медицины, искусства, экономики, политики – оказалась поделенной и преданной. Победители – те, кто заплатил десятками миллионов жертв в самой кровопролитной войне в истории человечества, оказались в роли побежденных. Германия, страна, неоднократно развязывавшая мировые войны на планете, залившая кровью полмира, государство, которого не должно было существовать на карте мира после тех преступлений, которые оно совершила против человечности, объединилось, вопреки всякому здравому смыслу. Зазвучали подлые призывы исторической переоценки событий Второй мировой войны, попытки принизить роль Красной Армии, опорочить советских воинов и их бессмертный подвиг. После объединения Германии выросли поколения немцев, мечтающих о реванше, лелеющих надежды на победу. Это потомки тех, кто зверствовал, убивал, истреблял мирное население нашей страны, сегодня во всех восточноевропейских и прибалтийских странах к власти приведены те, кто разделяет реваншистские настроения и нацистские лозунги своих западных кураторов.

Россия – преемница СССР, российский народ, несмотря на все тяготы и трагические сложности постперестроечного периода,

выстоял, выжил, окреп, возродился, как птица феникс. Сегодня перед лицом угрозы со стороны Североатлантического блока НАТО, наша страна вынуждена защищать на СВО свой суверенитет, свои ценности и бессмертную память о миллионах тех молодых и не очень, бесстрашных, нестигаемых, героических советских людей, которые отдали свои жизни за то, чтобы мы сегодня могли просто жить. Только благодаря сплоченности и братству, дружбе всех народов и несокрушимой вере в светлое будущее наша страна выстояла и победила жестокого и безжалостного врага.

9 мая – День Победы советского народа в Великой Отечественной войне над фашистской Германией.

Большой вклад в День Победы над врагом внес и Дагестан. В годы Великой Отечественной войны направил он в ряды Советской Армии более 143 тысяч своих лучших сынов и дочерей, в тылу ковал победу, отдавая все силы, все лучшее фронту, по-братски принимал население, эвакуированное с оккупированных территорий.

Дагестанцы храбро и самоотверженно сражались на всех участках фронта. Более 50 из них заслужили высокое звание Героя Советского Союза, десятки тысяч награждены орденами и медалями.

На фронт уходили представители самых мирных профессий – учителя, художники, деятели литературы. Тысячи и тысячи из них с оружием в руках защищали Родину. В минуты перед боем сменяли они свое оружие — «штык на перо», в промежутках между боями, в сырых и холодных окопах, вели торопливые записи, пытались донести до нас, потомков, беспощадную ненависть к ужасам войны, к врагам, горечь утрат и непоколебимую любовь к Родине.

С пламенными публицистическими статьями выступали А. Толстой, И. Эренбург, Л. Леонов, И. Тихонов, В. Василевская, Б. Горбатов, М. Джалиль и мн. др. Пишут поэмы М. Алигер «Зоя», «Пулковский меридиан», А. Твардовский «Зоя», появляется пьеса В. Корнейчука «Фронт». Многие литераторы стали военными корреспондентами, пропагандистами армии и флота, работниками армейской печати.

Высоким патриотизмом пронизаны стихи народных поэтов Дагестана Сулеймана Стальского и Гамзата Цадасы.

Настанет день, настанет час.
Страна на подвиг кликнет нас,

Всю силу сердца, зоркость глаз
Мы отдадим борьбе достойно...
Сулейман Стальский

Отчизна счастливою жизнью живет.
Предавший отчизну — себя предает.
Смерть нас отыщет в дому и в бою,
Отчизну в беде не оставлю свою...
Гамзат Цадаса

Боль, страдания, нежная любовь к Родине, к своему маленькому Дагестану звучат в стихах Тагира Хрюгского «Наказ матери», «Наказ отца» и мн. др.

Народный поэт Дагестана Абуталиб Гафуров на митинге в 1942 году, в самое трудное время, когда враг подошел к воротам Кавказских гор, заявил: «Я поэт. Мое оружие — пятиструнный чунгур и тонкая камышовая жалейка — балобан. А сегодня я вижу, что хотя я стар, пришло время менять оружие. Поэтому я откладываю в сторону свой чунгур и беру в свои старые, но еще крепкие руки винтовку».

Достойными звания горца, гражданина и поэта проявили себя и молодые дагестанские литераторы. Многие из них ушли на фронт. Они не только с оружием в руках сражались за Родину, но и писали стихи, очерки, рассказы.

12 дагестанских литераторов из 35 погибли в боях. Многих, вернувшихся израненными и искалеченными, смерть вырвала из рядов живых уже после войны.

Имя Эффенди Капиева знакомо в Дагестане каждому школьнику. Раджаб Дин-Магомаев — основоположник аварской прозы, талантливый, одаренный писатель, погиб под украинским городом Тернополем. Добровольцем ушел на фронт Мусаиб Стальский — сын прославленного поэта Дагестана Сулеймана Стальского. Он подавал большие надежды и он мог бы стать известным поэтом.

Даргинский поэт Багатир Магомедов похоронен в братской могиле советских воинов. Он был убит незадолго до окончания войны.

Аварский поэт Мухтар Абакаров пал смертью храбрых в двадцать шесть лет. На его стихи сложены народные песни.

В сборник вошли произведения Мухтара Абакарова, Мануваха

Дадашева, Балакардаша Султанова, раскрывших литературное дарование в начале 40-х.

Как сказал Абуталиб Митаров: «Они замолкли, подобно оборванным струнам чунгура. Но то, что было ими спето при жизни, не может не интересовать нас сегодня».

Сюда же вошли произведения А. Иминагаева, Д. Атнилова, Ю. Аминханова, С. Абдуллаева, А. Амаева, М. Бахшиева, Н. Власова, М. Магомедова. Каждый из авторов этого сборника считает тему Великой Отечественной войны своей кровной, самой дорогой и главной. Много произведений о войне было написано уже в мирное время нашими замечательными поэтами Р. Гамзатовым, Ф. Алиевой, К. Хаппалаевым. Разные по характеру и творческому почерку, по возрасту и жизненному опыту, они, вместе с тем, похожи в самом главном – в своей вере в причастность к судьбе Родины, в своем священном долге защищать ее честь и независимость, в своем праве отстаивать справедливость и мир на земле, в своем безмерном мужестве и самопожертвовании ради всенародного дела, в своей готовности к подвигу.

В сборник вошли не только произведения поэтов, писателей – фронтовиков, но и публицистические статьи журналистов об участниках Великой Отечественной войны – дагестанцах, героически сражавшихся с врагом.

Подвиг поколения, прошедшего через все ужасы войны, войны самой кровопролитной в истории человечества, отдавшего свои жизни за светлое будущее своей Родины, своего народа, навсегда останется в наших сердцах.

Сегодня правнуки тех, кто погиб, тех, кто выстоял и победил, снова сражаются с нацистами, снова льется кровь и гибнут мирные люди на нашей земле. Возвращенные Западом бандеровские боевики Украины пытаются навязать народу свои подлые и низкие идеи и лозунги, силой и беззаконием установить власть над народом Донбасса, заставить предать память предков, сделать из людей манкуртов. Говорят, что история повторяется до тех пор, пока не будут выучены ее уроки, сделаны выводы и исправлены ошибки.

Будущее невозможно без прошлого, потому что каждое новое поколение несет ответственность и историческую память перед теми, кто не дожил до великого дня Победы, кто был растерзан, замучен, убит, кого не дождалась родные и близкие, оплакивая до конца своих дней.

БАГАУТДИН МИТАРОВ

Н. Островский говорил: «Кто не горит, тот коптит». Ярким факелом табасаранской литературы явился в свое время Багаутдин Митаров. Он прожил короткую жизнь, но успел сделать так много доброго, был так предан Советской Родине и так бескорыстен в своих устремлениях и поступках, что имя его навсегда осталось в памяти народа.

Жизнь Б. Митарова была прекрасным образцом трудолюбия и служения социалистической Родине.

Багаутдин Митаров родился в селении Кондик Хивского района в бедной крестьянской семье.

В период учебы в сельской школе он собирает народные песни, пословицы, поговорки.

В 1930 году Багаутдин вступает в комсомол и активно включается в общественно-политическую жизнь селения. Вскоре начали появляться его первые стихи.

С мая 1932 года стала выходить газета «Красный Табасаран». Таким образом, для поэта открылась возможность печататься на родном языке. Стихи, публикуемые Митаровым в газете, приобретают год от года все большую популярность. В 1941 году Б. Митаров издал сборник – антологию табасаранской поэзии «Новые цветы».

Поэт старался утвердить в своих стихах каждый росток нового, передового. Но вместе с тем кругозор его был достаточно широк, чтобы видеть и темные стороны жизни. Он яростно боролся против жульничества, бюрократизма, очковтирательства, равнодушия. Его перу принадлежит сатирическая поэма «Удав» и целый ряд стихов, высмеивающих различные антиобщественные явления.

Багаутдин Митаров по праву считается одним из основоположников советской табасаранской литературы. Наряду с созданием собственных произведений он много работал над переводами на табасаранский язык Пушкина, Лермонтова, Низами, Фадеева, Чуковского, Л. Толстого, Стальского, Цадасы и многих других.

В первый же день войны он пришел в Махачкалинский горвоенкомат с просьбой отправить его в действующую армию. 27 июня 1941 года Багаутдин Митаров уезжает в военное училище.

Серьезно больной и контуженный, уволенный из армии возвратился поэт домой. Он поселился в родном селе, где стал работать

директором школы. И начался новый этап его творческой деятельности, когда возросло обостренное чувство высокой гражданской ответственности перед страной и народом.

В своих выступлениях в печати и на митингах Багаутдин Митаров призывал советских людей к сплочению всех сил для укрепления военной мощи страны. Он был непримирим к тем, кто в пору общего несчастья заботился только о себе.

Здоровье не позволяло поэту вернуться в армию. И Багаутдин Митаров уходит на трудовой фронт.

Фашисты рвались на Кавказ, земляные работы нужно было ускорить. Однажды вечером Багаутдин Митаров собрал коммунистов и комсомольцев своей колонны.

– Разве бойцы на фронте не воюют ночью? Почему мы должны отставать от них? У нас ведь тоже фронт! — сказал он.

Этот почин был подхвачен всеми — в результате задание Государственного Комитета Оборона было выполнено досрочно.

За проявленный трудовой героизм Багаутдина Митарова наградили Почетной грамотой Государственного Комитета Оборона и представили к правительственной награде.

К весне 1943 года здоровье поэта улучшилось, и он стал проситься в действующую армию.

И вот в августе 1943 года в тупике махачкалинского вокзала остановился на несколько часов воинский эшелон, в котором ехал на фронт Багаутдин Митаров.

Воспользовавшись остановкой, он решил навестить своего друга — талантливого лезгинского литератора Сейфедина Шихалиева.

Из его воспоминаний:

«Рано утром вдруг появился на пороге моего дома Багаутдин. Вид у него был очень болезненный. На мой вопрос «Почему такой худой и бледный?» Багаутдин ответил, что сейчас не время лечиться. Что он счастлив, что едет, наконец, снова на фронт и не решается обращаться к врачам, потому что они, наверняка, помешают ему ехать».

Уходя от Шихалиева, Багаутдин Митаров оставил у него две тетради стихов, впоследствии переданные брату поэта. В письме с дороги он писал: «Мы едем по широким украинским степям, мне кажется, что они для меня такие же дорогие, как и земля родного Дагестана».

Размышляя над фронтовыми тетрадями Багаутдина более чем 40-

летней давности, задумываешься над каждой строкой и ощущаешь живой пульс солдата-бойца и теплоту его душевных чувств, оптимизм и веру в победу.

Горячие патриотические чувства, высокая гражданственность были свойственны всем произведениям Митарова военного времени. Талант его мужает день ото дня, он пишет не только хорошо, но и много. Поэтическая индивидуальность его с особой силой раскрывается в военной обстановке. Примечательно то, что между поэтом-воином и народом устанавливается сердечный контакт. Его стихи военного периода становятся песнями народа. Вот передо мной лежит с пожелтевшими от времени страницами простая ученическая тетрадь, та, которую, я получил в ноябре 1943 г. с обратным адресом – полевая почта 91 – 125. Вместе с тетрадкой, исписанной фиолетовыми чернилами, было и наспех написанное карандашом письмо, в котором Багаутдин сообщал: «Муталиб, пятно, что на тетради, – это кровь из раны, к счастью, рана небольшая, и я опять буду бить фашистов... Только об этом маме ни слова».

Чем труднее становилась обстановка на фронте, тем сильнее звучал голос поэта. В этой окровавленной тетради, по-видимому, после одного из жестоких боев написано стихотворение, где говорится:

Свистит свинец, весь мир в огне пылает,
Срывает кровь чугунные мосты,
И руки протянув, земля взывает:
– За смерть, за боль, за муки отомсти!..

В январе 1944 года советские войска развернули на Украине наступательные действия. Но немецко-фашистское командование поставило задачу любой ценой отстоять важнейший стратегический узел на Украине, военный район Винницы.

1 января фашисты предприняли ряд яростных контратак. Советские войска, в составе которых была 389-я дивизия, где воевал Багаутдин Митаров, перешли в контрнаступление. В одном из жестоких боев у сел. Нарцизовка 12 января 1944 г. он пал смертью храбрых.

Благодаря поисковой деятельности замечательного украинского писателя-фронтовика Дмитрия Григорьевича Дереча обстоятельства гибели поэта Багаутдина Митарова установлены до мельчайших

подробностей. Впоследствии останки поэта были захоронены в районном центре Липовецке.

Украинский народ воздвиг здесь памятник-обелиск, у подножия которого горит Вечный огонь. Надпись золотыми буквами гласит:

*Славному сыну Дагестана поэту-воину
Багаутдину Митарову*

12

1912—19—44

1

Вечная слава герою!

В праздничные и торжественные дни пионеры и комсомольцы Липовецкой средней школы у могилы поэта несут почетную вахту.

Именем Багаутдина Митарова названа одна из улиц Липовецка. Общественность Липовецкого района широко отмечала 60-летие и 70-летие со дня рождения поэта. Много стихотворений Митарова в переводе на украинский язык опубликовано в периодической печати и коллективных сборниках.

Поэт верил:
Что жить на века остаются
Герои, Погибшие на войне.

Сделанное Б. Митаровым для родной литературы, родного народа весьма значительно. Струна певца оборвалась в разгаре высокого вдохновляющего порыва.

СООБЩИТЕ ДРУЗЬЯМ

Если вас обо мне
Будет спрашивать старый знакомый,
И друзья, и подруги
С вопросами явятся к вам,
— Передайте друзьям,
Что на фронте среди гула и грома
Я спокоен и счастлив,
— Сообщите об этом друзьям.

Передайте друзьям:
С отделением пехотного взвода
Я иду по тревожным лесам и степям.
Я — советский солдат,
Я воюю за нашу свободу.
Я спокоен и счастлив,
— Сообщите об этом друзьям.
Сообщите друзьям,
Что здесь небо гудит и дымится,
Что, взлетая навстречу
Своим чернокрылым врагам,
Над землею летят
Краснозвездные птицы
И горят «хейнкеля»,
— Сообщите об этом друзьям.
Мы тверды и спокойны:
Под грохотом мин и фугасок
Солнце Родины светит приветливо нам,
И я чувствую, как с каждым днем,
С каждым часом
Становлюсь я сильнее и сильнее,
— Сообщите об этом друзьям.
Передайте друзьям,
Что, наверное, скоро приеду,
Поклонюсь я родимым горам и лугам.
Передайте друзьям,
Что уже недалеко победа,
— Мы шагаем на запад!
Сообщите об этом друзьям.
Сообщите друзьям,
Что не хвастают счастьем герои,
А в тяжелое время
Из глаз их не капать слезам...
Вот уж кончилась ночь.
Мы готовимся к новому бою...
Мы и в этом бою победим,
— Сообщите об этом друзьям.

ВОЙНА

Друзья, пожаром мир охвачен.
Как лошадь, вздыблена земля.
И кровь народов разных наций
В один поток слилась, бурля.

И поднялись знамена, вместе,
Взывая к мести: как один,
Мы станем под знамена чести.
Жизнь за Отчизну отдадим.

И каждый сын сегодня — воин.
В лесах, полях, на дне морей.
Минута трусости достойна
Проклятья наших матерей.

Дружище, к мщению взывая,
Спеши на ратные поля,
В кровавом зареве пылает
Твоя любимая земля.

МУХТАР АБАКАРОВ

Он родился и вырос на Хунзахском плато, среди суровой и мужественной природы гор. Среди людей, у которых самыми большими достоинствами почитались честь и храбрость.

Все, кто знал его, говорят, что у него был характер настоящего горца: горячий, мужественный, открытый.

Мухтар очень рано лишился отца и воспитывался у своего дяди Аду Хизроева. После окончания начальной школы в родном ауле Амитли он учится в Хунзахе, а затем поступает в Буйнакское педагогическое училище.

В девятнадцать лет Мухтар оканчивает училище. Помимо твердых знаний у него есть еще и такое ценное качество, как организаторские способности, поэтому Мухтара Абакарова и направляют работать заведующим отделом в Хунзахский райком комсомола.

Здесь он с жаром отдается комсомольской работе и начинает

пробовать свои силы как журналист и поэт. Потом он стал редактором районной газеты.

Начиная с 1937 года, его стихи регулярно печатаются в республиканских газетах и журналах.

В ноябре 1939 года молодого поэта призвали на действительную службу в ряды Красной Армии и направили в пограничные войска охранять западные рубежи нашей Родины. Мухтар был одним из тех дагестанцев, кто первый принял бой с фашистами.

Уже летом 1941 года он был тяжело ранен и после лечения в госпитале вернулся в свое родное селение.

Еще раны его как следует, не зарубцевались, а Мухтар уже просится на фронт. Так он становится бойцом Дагестанского кавалерийского эскадрона, получает звание старшины.

Мухтар Абакаров погиб в 1944 году. Ему было всего двадцать шесть лет. Его лучшие стихи – об армии, о друзьях-однополчанах, о боевых походах.

Память о Мухтаре Абакарове до сих пор жива. Многие из его стихов стали народными песнями.

ПИСЬМО БОЙЦА

Я служу на западной заставе,
Где на соснах снеговой наряд,
Постигаю правила Устава
И на сутки ухожу в наряд.

В эскадрон лихих кавалеристов
Принят я, как в дружную семью.
Здесь учусь я выдержке и риску,
Воинскую дружбу познаю.

Мы мишени поражаем метко,
Скакунов пустив в лихой намет.
Сам комдив товарищ Борисенко
Нам пример достойный подает.

Бил не раз он вражеские орды,

Беляков клинком рубал сплеча.
И недаром носит красный орден.
С профилем родного Ильича.

Вам пишу в Хунзах я, комсомольцы,
Враг грозит стране со всех сторон.
Всех, в ком сердце пламенное бьется,
Приглашает красный эскадрон.

БАЛЛАДА О КАПИТАНЕ ГИМБАТЕ ГАНИЕВЕ

На склонах гор насквозь промокли травы,
А дождь проклятый льет, и льет, и льет.
И до утра у дальней переправы
Трясет озноб тяжелый пулемет.

Он хлещет в лоб, он смерть захлеб торопит,
Нащупывая сердце наугад.
Он в полный рост на бруствере окопа
По праву коммуниста стал Гимбат.

« За Родину!» – И вот за ротой рота
Поднялся полк, и страх, и смерть поправ.
И тонет злобный рокот пулеметов
В раскатистом и яростном «ура».

Кто честь хранит, тот жизни не жалеет,
В атаку горский полк ведет Гимбат,
И первые фашистские траншеи
Захлестнуты разрывами гранат.

О, сколько вас, безвестные высотки,
Где ряд могил, где бой жестоким был.
Вперед, Гимбат! Но, выплюнув осколки,
Взметнула мина землю на дыбы.

И на бегу еще раскинув руки,
Еще шепнул «Вперед!», перед концом,
Как к матери в предчувствии разлуки,
Припал Гимбат к земле сырой лицом.

Ударил в небе жаворонок звонко.
И там взгорок весь минами изрыт,
Как самая обычная девчонка,
Врач полковой заплакала навзрыд.

Светает небо. Бой вдали стихает.
Но чуть пониже левого плеча
Кровь на траву по капелькам стекает,
Светясь, как маки, в солнечных лучах.

Прощай, орел! Прощай навеки, милый!
Меня одну оставил ты в беде.
Моя душа теперь в твоей могиле,
Твой автомат теперь всегда при мне.

От залпов воздух троекратно дрогнет,
Война не ждет. И мы пройдем вперед.
И как бы ни была трудна дорога,
Она нас до Берлина доведет.

БАГАТЫР МАГОМЕДОВ

Даргинский поэт Багатыр Магомедов похоронен в братской могиле советских воинов в далекой Силезии у села Кебельн.

«Дорогая Райханат! – писал он в январе 1945 года своей жене. – Сейчас я нахожусь в Германии. Все время идем вперед. Пришло время прикончить раненого зверя в его же берлоге. Я горжусь, что принимал участие в освобождении моей Родины, а также соседних государств. Я горжусь, что сражаюсь сейчас на территории врага. Если даже не вернусь, живите так, как будто и я с вами.

Ваш Багатыр».

Багатыр Магомедов родился в селении Гапшима, в бедной крестьянской семье. Голодным и беспросветным было детство

будущего поэта. Любознательный и смывленный, он рано научился читать и писать по-арабски.

С радостью встретил юноша Великую Октябрьскую социалистическую революцию, которая принесла горцам свободу. Он был первым учителем в селении Муги Акушинского района. Затем Багатыр стал работать в областной даргинской газете. Здесь он пробует свои силы не только в журналистике, но и в поэзии. Все чаще и чаще появляются его стихи в печати. Молодой поэт писал о новой свободной Родине, об Октябре, который преобразил жизнь бедняков, о своих современниках. Поэт высоко ценил лучшие традиции горцев и воспевал их.

Даргинцы знали его стихи наизусть и пели их, как народные песни.

С середины тридцатых годов Багатыр Магомедов стал работать директором школы в родном ауле.

Багатыр Магомедов был смелым борцом за обновление жизни, ненавидел тех, кто цеплялся за старые адаты.

Он знал русскую литературу и литературу народов Востока. Ему принадлежит большое количество переводов из этой литературы на даргинский язык.

Стихи Багатыра Магомедова помнит и любит его народ.

ЕСЛИ ЗАВТРА ВОЙНА

Ты – круча,
Что к небу возносится гордо,
Ты – в море кипучем
Крутая волна.
Страна, ты могуча
Единством народов
И лучшими в мире сынами сильна.
Душа континентов
Пропеллер планеты,
Размашист и крепок
Уверенный шаг,
Источник всех знаний
Хранище света,
Ты – дружбы и мира
Недремлющий штаб.

Как горный гранит
Нерушимы границы,
Как птица
Пилот над тобою парит.
И если война
Полыхнет как зарница
Враг будет разбит!
Враг будет разбит

МОЯ ЗЕМЛЯ

Была красотою Отчизна горда,
На труд и на подвиг шла с песней веселой.
Как в сказке, вставали твои города,
Как солнце, светились далекие села.
Нам партия счастье найти помогла,
Дала нам орлиные крылья и силы.
Она нас сквозь все испытанья вела
И жизнь путеводной звездой озарила.
Но грянула черною бурей война...
Седлайте горячих тулпаров, джигиты!
Вставай, поднимайся, родная страна,
Для мести священной, для праведной битвы!
За счастье народное битва идет.
Так пусть же узнает безжалостный враг,
Что даже костей от него не найдет
На поле сраженья жестокого ворон.
Победа нам в схватке с врагом суждена.
Пусть грянут орудья, пусть танки помчатся.
Вставай, поднимайся, родная страна,
На смертную битву за правду, за счастье

МАНУВАХ ДАДАШЕВ

Осенью 1942 года, в самые тяжелые для Родины дни, Манувах Дадашев писал с фронта:

«Друзья! Больше трех месяцев я не подавал вестей о себе, а я знаю, как это тревожно в наши тяжелые дни. Представляю ваши вытянутые физиономии – думали: погиб паренек, а, честное слово, был уж не такой плохой... Нет, жив Манувах! Жив и будет жить, чтобы обязательно увидеть победу. И не только увидеть, но и самому ее добыть. Ведь гитлеровская Германия – это тот кувшин, о котором говорит наше старинное изречение: падает камень на кувшин – горе кувшину, падает кувшин на камень – горе кувшину, так или иначе – горе кувшину!

Быть, быть кувшину разбитым, ибо крепче камня, чем наша Красная Армия, я не знавал».

Глубокий оптимизм был, пожалуй, характернейшей чертой татского поэта Мануваха Дадашева.

Манувах начал писать стихи еще студентом рабфака в Москве. По возвращении в Дагестан Манувах работает в татском альманахе, в татской газете, а затем в научно-исследовательском институте, где с огромной любовью занимается собиранием и изучением богатого татского фольклора.

Старший лейтенант Манувах Дадашев храбро сражался на фронте, был награжден за отвагу в бою.

Пуля вражеского снайпера оборвала его жизнь под Ворошиловградом. Ему шел тридцать первый год. У него было столько планов, столько надежд... Почти все они были связаны с литературой.

ПЕСНЯ О РОДИНЕ

Могучим вихрем мчится время,
Встает счастливая заря.
Народы сбросили, как бремя,
Самодержавного царя.

И в руки взяв оружие смело,
Пошли за партией труда
Туда, где яростно горела
Пятиконечная звезда.

И, поднимаясь из пожарищ,
Рождаясь в муках неземных.
Сказала Родина: — Товарищ!
Мне нужен твой правдивый стих.

Он в год сражений пулей станет
И защитит родимый дом.
А в мирный год кипящей сталью
Он вырвется из наших дозн.

О Родина, ты бесконечна,
Как наши горы и поля,
И образ твой пятиконечный
Горит над башнями Кремля.

Я отточу свой стих кинжальный
И стану с ним в солдатский строй,
Чтоб враг смертельный спрятал жало
За пограничной полосой

АБДУЛ-ВАГАБ СУЛЕЙМАНОВ

Абдул-Вагаб Сулейманов – поэт, прозаик, драматург и переводчик – родился в феврале 1909 года в сел. Аксай нынешнего Хасавюртовского района.

Стихи печатать начал с 1926 года на страницах областной газеты «Елдаш». В 1930 году Даггосиздат издал два сборника его стихов – «Волны революции» и «Из темноты в свет».

Абдул-Вагаб Бекбулатович ушел добровольно на фронт. После завершения войны с фашистской Германией он принимал участие в войне против милитаристской Японии.

ПРОВОДЫ НА ФРОНТ

Не плачь, любимая, не плачь,
Со мной навек не расставайся.
Глаза печальные не прячь,
Назло прощанью улыбайся!
Я не хочу, чтоб ты ждала

Вестей войны – с великим страхом.
Я не хочу, чтоб ты звала
Смерть победить единым махом.
Не знаю, сколько мы пройдем,
И где со смертью разминемся,
Но, победив, счастливым днем
Мы все на родину вернемся.
И – кто убитый, кто живой –
Придем в родимый край однажды.
Родимой матерью, женой,
Детьми – в бою жив воин каждый.
Но знай: коль вести обо мне
Примчатся в траурном конверте, –
Что выбирает на войне
Лишь трус – меж Родиной и смертью.
Заплачь, любимая, заплачь!
Со мной навек не расставайся.
Поплачь, потом тоску запрячь,
Назло прощанью улыбайся!

ВЕРНИСЬ

Звякнул резко вагон, задрожала
Дверь вагона, пошел паровоз!
Ты меня на войну провожала
Без мольбы, причитаний и слез.

Только цеплялись пыль и ветер
За скользящее в вечность окно,
Разве знал я тогда, что от смерти
Сбережет меня слово одно.

Это слово — волшебное слово,
Перед ним на колени склонись...
Был я ранен... Но снова и снова,
Как в тумане, я слышал: «Вернись!»

Мы спасали страну и планету

Нашей кровью, как мак, огневой...
И звучало по белому свету:
«Где ты, милый? Вернись! Ты живой?»

Я к родному пришел очагу,
Я вернулся, огнем опаленный,
Пылью тысяч дорог запыленный
И за все отомстивший врагу.

Но пришел – чтобы стать одиноким...
Не с тобой, а с могилой твоей
Поделиться, любимая, многим
После стольких потерь и смертей!

Почему ж, не дождавшись рассвета,
Поднялась ты в Бездонную Высь?
Я вернулся... Любимая, где ты?
Через тысячу лет, – но вернись!

МУТАЛИБ МИТАРОВ

Табасаранский поэт, прозаик и переводчик Муталиб Митаров родился в 1920 году в сел. Кондик Хивского района. Еще до Великой Отечественной войны печатал свои стихи и переводы стихов народного поэта Дагестана С. Стальского.

С первых дней Великой Отечественной войны он на Северном фронте в качестве политработника. После тяжелых ранений и скитаний по госпиталям вернулся домой инвалидом первой группы.

В 1954 году в Дагестанском книжном издательстве вышел в свет его первый поэтический сборник «Счастье».

БАЛЛАДА ОБ ОТЦЕ

На костылях — он к ним уже привык,
От боли и тоски изнемогая,
В родимый дом, где мать ждала седая,
Израненный вернулся фронтовик.
Что он живой – не верил даже сам,

Иссеченный, истерзанный войною...
И злой, кровавою слезою
Сочился на груди – у сердца шрам.

Едва родной порог переступил –
Мать бросилась, забыв про все, навстречу...
И долго-долго не кончался вечер –
С ним весь аул в тот вечер говорил.

И взгляд соседок стал теплей, светлей:
А может, он их видел сыновей?
И взгляд невест уже не так суров:
А. может, он их видел женихов?

– А может, ты письмо сынка принес?
– Соседка задала ему вопрос,
– Уже полгода он не пишет мне...
Все, знаете, бывает на войне...

Как молния:
— Приехал фронтовик! –
Молва летела...
Снова – встречи, встречи.
И вот однажды в тихий майский вечер
Пришел к нему почтеннейший старик.
Он плотен был, с обветренным лицом,
С глазами, что смотрели вдаль устало...
Все в нем, и незнакомом и чужом.
Знакомые черты напоминало.

И мысли в голове фронтовика
Смешались вдруг...
И ощутил он радость!
Он в старике увидел паренька,
Которого искали для награды.
Еще припомнил,
Как в землянке пар
Тепло струился...
Тлел фитиль, мерцая...

И обнял его сына комиссар,
Медалью «За отвагу» награждая.

Потом его он больше не встречал
Война людей решительно разводит,
«Но как старик на паренька походит!»
В нем фронтовик солдата узнавал.

И он отцу солдата все сказал,
Потом солгал – хоть лгать не приходилось,
Что видел его после...

И светились

Надеждою усталые глаза.

– Так, значит, видел сына каждый день?

– С его лица сходила тут же тень.

– Так, значит, мой, как и ты, герой? –

И он касался ордена рукой.

...И с той поры немало лет прошло,

Но каждую цветущею весною,

Став ниже ростом,

Старик приходит в тот же день в село

И в дверь стучит иссохшею рукою.

И, взглядом быстрым горницу окинув,

Он снова обращается к мужчине:

– Так, значит, видел? Значит, сын – герой?

– Да, да, отец... – ответит фронтовик

(И воцарится трудное молчанье),

И все глядит на старика с печалью,

И видит, как его светлеет лик.

Поговорит и наберется сил,

И вновь пойдет неспешными шагами...

И повторяют губы его сами:

«Он седину мою не осрамил...»

МАГОМЕД СУЛИМАНОВ

Магомед Сулиманович Сулиманов – поэт, прозаик, драматург и переводчик – хорошо известен дагестанским читателям. Родился он 30 июня 1919 года в сел. Хунзах.

В 1942 году Магомед Сулиманов ушел на фронт добровольцем, сражался на Северном Кавказе. После окончания Тбилисского артиллерийского училища в качестве командира артиллерийской батареи воевал на Белорусском и Прибалтийском фронтах. Был ранен. Награжден боевыми и памятными наградами.

ПО ДОРОГАМ ВОЙНЫ

Памяти погибших на войне посвящаю
(Отрывки из поэмы)

Мы когда-то молодыми были,
Пели и мечтали, и любили.
Только, пеплом на висках осев.
Отпылали годы, вдаль уплыли,
В сапогах солдатских отпылили...
На «ничейно» смертной полосе,
Где врагов прямой наводкой били,
Где своих погодков хоронили,
Пролегли бетонные шоссе.
Но под шрамом старые осколки
Шевелятся в тишине ночной
Снятся вновь забытые проселки,
Колкий снег, разбитые двуколки,
Горький дым и вкус последней корки,
Вой истощный бомб над головой.
Не ослабнуть нестерпимой боли
По навек утерянным друзьям.

Что там хлеб – патроны из обоймы.
Выходя из окруженья с боем,
Мы не раз делили пополам.
За планету до конца в ответе
Те, кто шли по ней навстречу смерти.
Метр за метром проползли по ней.

Страшно мне, что, проносясь, как ветер.
Кто-нибудь посмеет не заметить
Звездочку на скромном постаменте
И рубцы воронок и траншей.
На могилах подрастают вязы,
В мирном небе голуби скользят,
Но солдатской совестью обязан
Я вам о минувшем рассказать:
О дорогах, танками разбитых,
О живых, но больше – об убитых.

АБДУЛМАЖИД ХАЧАЛОВ

Абдулмажид Хачалов — аварский поэт, прозаик, драматург и переводчик – родился 4 июня 1925 года в старинном дагестанском ауле Согратль Гунибского района. После окончания средней школы в 1943 году ушел на фронт. Война явилась для Абдулмажида, как и для тысяч его сверстников, испытанием на верность Родине. Он выдержал это испытание в жестоких боях на Донском фронте.

Первые стихи Хачалова появились на страницах районной и республиканской газет в 1946 году.

ДРУГУ, НЕ ВЕРНУВШЕМУСЯ С ВОЙНЫ

Со времени войны уже прошло
Так много лет.
Твой сын подрос.
Созвать бы
На свадьбу сына нынче,
Да невеселой будет эта свадьба.
Жена и сын все ждут тебя, поверь,
С утра надежду отложив на вечер.
Не закрывают и сегодня дверь,
А чуть шаги – уже спешат навстречу.
На том же месте бурка, как всегда.
И там же, где всегда, седло осталось.
Лишь твой скакун не выдержал
Года!

В конце концов и одолела старость.
Что рассказать тебе еще?
Домой
Уж не вернутся женихи к невестам.
Могилы их позаросли травой,
А то и вовсе людям неизвестны:
Тем, кто не вернулся, друг мой, кто не мог
Не возвратиться, тоже нынче тяжко.
То пуст рукав, а то пустой сапог.
Заполнен не ногою-деревяшкой.
Любили их — и вот они пришли.
Но до сих пор еще и так бывает:
За суженного дочь Чучу-Али
Однажды не пошла.
Мол, не хватает пальцев.
Подать такому руку, мол, она стыдится,
...Кому коня не довелось терять,
Тот и подкову обронить боится.
Но это — случай.
Главное же в том,
Что молодежь в селе у нас взрослеет,
И мы на равных ей передаем
Жизнь и 'любовь свою:
Пускай сумеет
Продолжить нас и повторить во всем.
И на чунгуре под чужим окном
Уже играют, друг мой, наши дети.
Но это все понятно.
Не понять
Лишь, почему ты мне не отзовешься.
Иль правда нет тебя...
Иль опять
Над нами шутишь, а потом вернешься?
«Он без вести пропал...»
О, это ложь!
Не верю я, что ты пропал куда-то.
И вижу: с автоматом ты идешь,
И девочка к груди твоей прижата.
Чужой ребенок.

АБАЧАРА ГУСЕЙНАЕВ

Абачара Гусейнаевич Гусейнаев – поэт, прозаик, литературовед – родился в 1921 году в сел. Хосрех. Великую Отечественную войну Гусейнаев встретил курсантом Орджоникидзевского Краснознаменного пехотного училища. В январе 1942 года двадцатилетний офицер Абачара Гусейнаев принял участие в боях командиром стрелкового взвода на Донском фронте.

Первые стихи Гусейнаева появились в печати в 1937 году.

МАТЬ

Следы заметая, бушует пурга,
Лицо обжигают шальные ветра.
За белой пургою — окопы врага,
И пули свистят над холмами с утра.

Мне легче скалу пополам расколоть,
Чем вырвать из мерзлой буханки кусок.
Но я отогрел под шинелью кусок,
И пшеничного супа налил котелок.

На суп этот тошно глядеть мне порой,
Но выбора нет у солдат на войне.
Усталый, прилег я в землянке сырой,
И сон незаметно подкрался ко мне.

И мать появилась...
Ей жизнь не мила:
Три сына на фронте, и весточки нет.
– Ах, милая мама, видать, ты на свет родила
Меня не для счастья, для горя и бед!

Пристыженно мать опустила глаза,
Заплакала, низко голову склоня.
— Для радости каждый из вас родился,
Себя показать и утешить меня...

И тут я проснулся, страшась про себя:
Как мог я во сне про такое сказать,
Как мог я, тоскуя и нежно любя,
Обидеть ни в чем неповинную мать?

За эту высотку мы день напролет
Сражались, как черти, теряя друзей.
А сколько еще их невзятых высот,
На трудной и славной дороге моей?!

Не я ли мечтал, что пройду этот путь
— За что же я мать, неразумный, корю?
И вышел я прочь, чтобы сон тот стряхнуть,
Проверить дозоры и встретить зарю.

АЗИЗ ИМИНАГАЕВ

Командир партизанского отряда в период гражданской войны, с первых же дней участник Великой Отечественной войны, один из основоположников даргинской советской литературы Азиз Иминагаев родился в 1892 году в сел. Аймау-Махи.

В 1944 году, вернувшись с войны израненный и больной, он воспевает героизм советского народа на фронте и в тылу. Но состояние здоровья с каждым днем все ухудшается, и он, не дожив до светлого Дня Победы, умирает.

ПОБЕДА ЗА НАМИ

Если в доме нет опоры,
Он в беде не устоит,
И любая буря скоро
Сквозняком его пронзит.
Если нет у фронта тыла,
Не продержится и дня.
Крепкий тыл – источник силы
И надежная броня.
И пока бойцы устало
Бьются на передовой,
За Москвой и за Уралом

Фронт проходит трудовой.
Наши женщины и дети.
Там воюют дотемна.
Приближает нас к Победе
Вся огромная страна.
Танки, пушки и снаряды,
Рукавицы и кашне
— Это все солдату надо,
Будто воздух, на войне.
И кисет, расшитый детской
Неумелою рукой,
Согревает наше сердце
Перед бурей огневой.
И в годину битвы грозной
Помни, наш заклятый враг,
Что разжать совсем не просто
Пальцы, сжатые в кулак.

САЙГИД АБДУЛЛАЕВ

Сайгид Нухкадиевич Абдуллаев – один из первых даргинских советских писателей – родился в 1902 году в ауле Муги.

Когда началась Великая Отечественная война, Абдуллаев добровольно уходит на фронт. Вернувшись домой, он продолжает литературную деятельность.

ПЕСНЯ ФРОНТОВИКА *(Отрывок из стихотворения)*

Здесь на линии фронта
Бой жестокий идет.
На гвардейскую роту
Здесь один пулемет.
Ах, «максим», друг железный,
Выручай из беды,
Бей по черному лесу,
Обжигая кусты.
А в минуту затишья

Меж сожженных ветвей
Я внезапно услышал,
Как поет соловей.
Эта песня нелепа,
Но прекрасна вдвойне
Среди серого пепла
На родной стороне.
Что ж ты плачешь, сердечный,
Ведь не знает никто,
Чей снаряд искалечил
Родовое гнездо.
И не ведает сердце,
Чьим жестоким свинцом
Обожгло твоих серых
Беззащитных птенцов.
Ну уж плакать – так вместе,
Боль одна на войне –
По жене, по невесте,
По родной стороне.
Только слезы, ты слышишь
Неприличны бойцу,
И подходит затишье
К роковому концу.

И гвардейская рота
Поднимается в бой,
А за линией фронта
Этот лес уже твой.

Пой, соловушка, громко,
Соловьиху зови,
Для грядущих потомков
Соловьиной любви.

НИКОЛАЙ ВЛАСОВ

Махачкалинец Николай Власов встретил войну студентом четвертого курса биологического факультета Московского государственного университета. С первых дней Великой Отечественной войны молодой поэт на строительстве оборонительных сооружений под Москвой.

На фронте он был разведчиком и артиллеристом, прошел славный боевой путь от Вислы до Эльбы. Умер от старых ран в московском госпитале, ему едва исполнилось двадцать восемь лет.

«Мой Дагестан» – так называется книга поэта, изданная посмертно в Махачкале в 1956 году.

ПИСЬМО ДРУЗЬЯМ

Когда-то в Дагестане, дома,
Где склоны серебрят ковыль,
Прислушиваясь к шуму грома
В ущельях гор, друзья, не вы ль
Сказали мне: «Ты дагестанец!
И в годы службы фронтовой
Ты жизнь поймешь на поле брани
И станет громом голос твой.
Иди! На бой зовет Отчизна,
Земля родимая в огне...
Ты был в труде безукоризнен,
Будь безупречным на войне».
И я сегодня с поля брани
Пишу друзьям, пишу домой:
Друзья мои, я дагестанец.
Стал грозным громом голос мой.

ДАНИИЛ АТНИЛОВ

Татский поэт Даниил Атнилов родился в 1913 году в городе Дербенте в семье кустаря-сапожника. После семилетней школы учился в Московском полиграфическом техникуме, позже закончил Дагестанский педагогический институт. Участник Великой Отечественной войны, на фронте Атнилов был разведчиком, работал

корреспондентом фронтовых армейских газет.

ПАМЯТНИК ГЕРОЮ

Мрамором поблескивает на краю дороги
Памятник герою, памятник высокий,
Отдал жизнь за Родину он в разгаре боя,
Но не отдал Родину— заслонил собою...
Бьется по соседству под густой травой
Родничок, как сердце юного героя.
Вот малыш гоняется, потеряв папаху,
За веселой бабочкой да за быстрой птахой...
Замер возле памятника, с восхищением глядя
На лицо героя. Прошептал он: «Дядя...»
Горец произносит с уваженьем: «Сын мой...»
Ощущая пламень славы негасимой.
Девушка застыла с памятником рядом,
Говорит подружке: «Он похож на брата...»
Так герою каждый сердце открывает,
И родным героя каждый называет.

МИРЗА МАГОМЕДОВ

Мирза Магомедов — поэт, прозаик — родился в 1922 году в сел. Хосрех. Ушел на фронт со школьной скамьи. В 1942 году после тяжелого ранения вернулся в родной аул.

Первые стихи М. Магомедова появились в районной газете в 1940 году.

Мирза Магомедов мало прожил, но успел прочно закрепить себя в памяти лакского народа и родной литературы.

ОТЕЦ ГОВОРИЛ

Семнадцать было мне.
Взрослее отец мой
Был на семнадцать.
Под огнем врага
Мы разговор вели в окопе тесном,

Как дома у родного очага.
Рвались снаряды,
Пули тесно пели,
Впиваясь в бруствер — в каменистый горб...
А он их слушал, как напев свирели,
Как барабана свадебную дробь.
Он был спокоен,
Бритый, черноглазый.
Рука – в земляных паутинках жил.
Он сыном не назвал меня ни разу
–Так молод был!
Он говорил обыденно и просто
О пастбищах, о заливных лугах...
Казалось, не оружие, а посох,
Плетущий посох был в его руках.
Он говорил мне:
— Если ночью темной
С пути собьешься – на гору взойди.
Путь будет крут,
Но только сверху, – помни!
–Ты огонек увидишь впереди.
Еще сказал:
– Упав, не дай кому-то
Тогда себя топтать.
А упадет другой –
Не наступи!
И в эту же минуту
Подняться помоги,
Возьми с собой.
А бой кипел.
Ударил залп тяжелый,
В сырой окоп упал отец ничком...
И только перед смертью бледный, желтый,
Он ласково назвал меня «сынком»...
Теперь отец на год меня моложе...
Порой сынишку на руки беру –
На деда удивительно похож он –
И так ему негромко говорю:
— Сын! Если упадешь,

Не дай кому-то
Себя топтать.
А упадет другой –
Не наступи!
И в эту же минуту
Подняться помоги,
Возьми с собой!

АЛИЛ АМАЕВ

Алил Гаджибутаевич Амаев — прозаик и драматург — родился в 1911 году в сел. Унчукатль.

После демобилизации по окончании Великой Отечественной войны, участником которой он был, его произведения публиковались в альманахе «Дружба» на лакском языке.

СОН

В преддверии ночи я всякий раз,
Вспоминая далекий дом,
Нестерпимо желаю увидеть вас.
Хотя и молчу о том.
Закрою глаза, и вы предо мной,
Как будто разлуки нет.
И вновь я с вами во тьме ночной
Встречаю в беседах рассвет.
А утром опять прозвучит сигнал
Походной трубы: «Подъем».
И все, что вам за ночь не досказал,
Я еще доскажу потом.
Суровые ждут впереди бои,
Не знаю, закончим ли путь,
И вас наяву, родные мои,
Увижу ль когда-нибудь.

ЮСУП ХАППАЛАЕВ

ЗОВ МАТЕРИ

I

Когда узнала, что идут с войны —
С победой возвращаются герои,
Я вышла сына своего встречать.
С вершины островерхого холма,
Как на ладони, «царская» дорога¹,
Что вьется через поле, через бор
(Его в войну срубили на дрова),
И мимо памятников, еле-еле видных,
Уходит в мир неведомый, огромный.
По ней ушли джигиты воевать,
По ней спешат в родимые аулы,
Кто цел, кто ранен, — к очагам родным,
К счастливым матерям своим и женам.
Я всматривалась в каждое лицо,
Давно я проглядела все глаза
— Нет моего соколика меж ними.
Я спрашивала каждого: «Скажи,
Не видел ли ты сына моего?»
И каждый мне с поклоном отвечал:
«Нет, мать, была так велика война,
Что, видно, разминулись мы. Прости!».
...О сны мои, не верю вам, не верю,
Вы сына мне пророчите потерю..
И ныне, когда скорбь и радость
В потоке общем, словно две реки,
— Одна темна, светлым-светла другая,
— Сойдясь, но не смешавшись, вдаль текут
В едином русле — я одна меж ними,
Как отмель, как скалы обломок...
В родном ауле только у меня
Не пир и не поминки...
И сердце омывает только мне
И темная вода беды и светлая Надежды...

¹ «Царская» дорога — шоссе, проложенное в годы Кавказской войны (1818— 5864).

Спасибо всем твоим друзьям, сынок,
Они надежде не дают иссякнуть.
Превратности войны, — твердят они,
— Пути и судьбы — неисповедимы.
Как пламя, жжет меня
Одна и та же боль
— Любовь к тебе, сынок!
Ты смог бы мне — лишь ты!
— Помочь. И день и ночь,
Как в засуху земля,
Моля: «Воды! Воды!»
— Потрескалась и ждет,
Когда же дождь пойдет,
— Так небесам и я
Кричу, грожу, твержу: «Верните сына мне!»
И горькие слова,
Из сердца исходя,
На части рвут его,
Несчастья моего
Посланцы и гонцы...
Они мой рот сожгли...
О, утоли, сынок,
Всю жажду долгих лет.
Ведь ты не умер, нет?!
Ты мать свою не мог
Оставить навсегда.
Когда придет мой час,
В глазах померкнет свет,
Кто их закроет мне?
— Нас двое на земле.
Сынок, твой долг прийти,
Свою утешить мать.
...Как долго я стою
И вдаль смотрю с холма
Но пусть пройдут года,
Ждать не устану я.
Моя надежда, жизнь,
Вернись, родной, вернись.
Очей погасших свет,

Войди в мои глаза.
Вернись – верни мне мир,
Я без тебя слепа.
Я тело без души,
Спешу, мой сын, спешу.
Преграды сокруша,
Вернись, моя душа...

III

За долгой ночью – день, за темнотою – свет,
Так испокон велось, так и пребудет впредь.
Двуглавый страж зари, гора Вацилу, ты
Вставала на пути рассветного огня,
Но солнце каждый раз всходило над тобой.
Так испокон велось, так и пребудет впредь.
Земная твердь, зимой, как мертвый камень, ты.
Но как ни зол мороз, ни глубоки снега,
А дремлет жизнь в зерне и в семени цветка.
И вешнюю порой воскреснет Улла-ар*
– На зелени травы цветов не сосчитать...
А ты ушел, мой сын, в прекрасный месяц роз:
Когда, как злой мороз, ударила война.
Кто, если не сыны, врагу заступят путь.
И мой джигит ушел – в прекрасный месяц роз.
И показалось мне, что вся земля в снегу...
Он все тепло унес.
И опустел наш дом.
И не согреться в нем.
Так ветка, потеряв
Шумливую листву, молчит, заочнев,
На северном ветру.
...Но за весной – весна, пусть все цветет вокруг,
А ветка та черна, а дом все темен, пуст...
Будь вестником весны, вернись! – Увидишь ты,
Тебя встречая, вновь очнулись все цветы.
О, если б, голубь мой, ты прилетел домой,
Я б золотом зерна наполнила ладонь,
Из рук свое дитя кормила бы, любя.

Нет, ни святой Коран, ни всемогущий Бог, –
Ты слышишь, сын, – тебя не мог мне заменить.
Святее книг святых, дороже чем Аллах –
И в мыслях и в делах ты для меня всегда.
Нить времени длинна, на ней года, года,
Перебирая их, как четки, жду тебя.

IV

И этой весной ты опять не вернулся...
Долины цветущие плачут росой,
И солнечный свет от меня отвернулся.
...Сынок мой не может добраться домой...
А луг Улла-ар для тебя нарядился.
Приди, полюбуйся его красотой.
У друга-ровесника сын родился.
А ты все не можешь добраться домой.
Ты крылья расправил на воле под небом,
И с детства, орленок бесхитростный мой,
Делился с другими и сердцем и хлебом,
Так мог ли забыть ты дорогу домой!
Здесь помнят тебя и деревья и камни,
И старые люди, лишённые сил,
– Ты медный кувшин молодыми руками
С водой родниковой для них приносил.
Тебя я учила: отдай, что имеешь,
Будь щедрым. Но час приближается злой,
Ты смертную жажду мою одолеешь,
– Успеешь ли, сын, возвратиться домой?
... Ты был среди первых в жестоком сраженьи,
Ты честью не мог поступиться, родной,
А доблестный – смерть предпочтет униженью.
И все же, сынок, возвращайся домой!

V

Нет оплота на старости лет у меня,
Нет богатства другого, –
Только ты – драгоценный огонь от огня

Очага дорогого.
Непроглядны бессонницы злые мои,
Бесконечны тревоги.
О, приди! Многолетнюю ночь освети,
Солнцем встань на пороге.
Я была рождена ради жизни твоей,
Мир открылся мне дважды:
Землю видит глазами своих сыновей
Сердце матери каждой.
Ради сына не знала усталости я,
Все осилить умела...
Оскудела река моей жизни, дитя,
Обмелела...
Ты бы весточку подал, словечко сказал,
Письмецо переправил.
Материнскому сердцу, усталым глазам
Сил прибавил.
Чтоб могла я твой путь до конца рассмотреть,
Прилететь на подмогу.
Но молчишь ты...
Глаза застилает
мне смерть.
И глядеть не дает на дорогу.
Коль умру, так любовь моя встретит тебя,
Птицей бросится в ноги.
Наши души обнимутся, сын мой, скорбя,
На родимом пороге.

VI

И вот, сынок, я все еще жива,
Все тридцать лет ждала я неустанно,
Что ты вернешься...
А твои друзья,
Те, что Победу встретили живыми,
– Так странно это – стали пожилыми,
Совсем седыми, мудрыми, большими.
И мать твоя иных пережила...
А сыновья ровесников твоих –

Теперь твои ровесники, сыночек.
Ведь для меня ты молод и красив,
Сил и отваги полон, тополек мой.
Далек твой путь, а жизнь моя длинна:
Я сотни раз оплакала тебя,
Но, выплавав отчаянье, просила,
Чтоб мне судьба неверие простила
И воскресила сына моего —
В душе моей хотя бы воскресила.
И ты воскрес.
Так где ж ты, отчего
Не слышишь зова матери усталой,
Не перестала ждать я, дорогой!
Мои объятия для тебя открыты,
Не дай при жизни в камень обратиться
От мысли, что пропал ты, как и не был.
Что небо и земля тебя не помнят,
Что имя твое, взятое другими,
Тебе уж больше не принадлежит...
Не покоряясь, об одном мечтая:
Дождаться сына вопреки всему,
Мать, грезя, из окна глядит во тьму.
Ночь звездами дороги отмечает.

VII

О сын мой, свет мой, радость лучших дней!
Как луч, сверкнув, рассек ты темноту,
Пришел домой и матери своей
Всю жизнь вернул, всей жизни полноту.
Из дальних стран ты шел и шел домой.
Как долог путь! Да мне ли говорить!
Не ноют раны? Отдохни, родной!
Ах, боже! Грудь вся в орденах горит!
Сейчас, сейчас! Друзья сойдутся в дом,
Окажут честь тебе, сынок, и мне.
Мы угостим их мясом и вином
— Все в доме есть, достанет всем вполне.
Сыночек милый, стосковался ты

– Жил столько лет от родины вдали.
Вот сын Алила – он собрал цветы
Родных лугов. Подносит дочь Вали
Кувшин балхарский, полный, словно жизнь.
Вода из родника, что под горой.
Подарок царский, – выпей, освежись,
Усталость, грусть, как пыль дороги, смой.
Не стоит огорчаться, – не беда,
Что сморщилась я, будто курага,
На что мне, ненаглядный, красота,
Мне только жизнь твоя и дорога.
Зато смотри, под небом наших гор
Красавицы на диво расцвели.
Поговори — ученый разговор,
Скромны, учтивы, все как на подбор.
Скажи мне, ради бога, дорогой,
Тебе какая по сердцу из них?
– Мы свадьбу сладим, справим пир горой.
Пойдет любая, – чем ты не жених!

VIII

Умрет под снегом старая трава,
Взойдет весною новая трава,
– И в этом жизнь всегда была права...
К чему, сыночек, лишние слова!
– Свет догорает, на пороге ночь.
Пусть у тебя родятся сын и дочь,
И бог мне силы даст моих внучат
Понянчить, в колыбели покачать!
Мы внуку имя дедово дадим,
– Так и отца на землю возвратим.
Свое же имя внучке я вручу:
Остаться с вами навсегда хочу,
Хоть и придется саклю покидать.
Спасибо, сын мой, ты услышал мать.
Спасибо небу и земле – поклон:
Вернули сына, рядом с сердцем он.
Пусть не убудет в роднике вода,

Очаг да не погаснет никогда,
Исчезли б только черные слова:
«Война», «сиротство», «нищета», «вдова». ...
Сынок, стой! Куда же ты, куда!
Ах, отлетает на небо звезда,
Чистейшим светом с высоты маня,
Возьми с собой, не оставляй меня!

IX

В стекло ударилась рука.
Осколков звон.
В окне — звезда.
— Так это снова только сон...
Тоска сжимает горло мне.
Ах, душно! Сердце, трепеща,
Вещает: смертный час настал.
Душа к пределу подошла.
Очаг мой стынет без огня,
И перестала нить сбегать
С веретена земных забот.
Хочу, сынок, догнать тебя:
Отныне звезды нам родня.
Иные ждут меня края.
Но, покидая милый дом,
Я оставлю плач о том,
Что наш очаг навек погас,
Нет сил согреть его огнем.
Но, покидая край родной.
Горю заботою одной:
Проклятье тем проклятым шлю,
Кто отнял все, что я люблю.
Мать — за дитя свое клянуп
Тех, кто войну в наш дом привел.
Чтоб не видать им светлых дней!
В крови детей своих враги
Да захлебнутся!
Да сгорят Дома их!
Рухнут очаги!

Прости, ненаглядный сыночек, прости...
Истлела душа моя — пепел в горсти.
Негоже с проклятьями мне уходить.
Прости свою мать, если можешь простить...

Х

Праздник Победы! – цветенья и солнца пора.
Праздник Победы! – аул словно улей гудит.
Праздник Победы! – ликует, поет детвора.
Праздник Победы! – блестят ордена на груди.
Праздник Победы!..
Одиноко в сторонке от всех
Мать под чинарой в глубоком сидит забытья,
Слыша – не слыша – задорные песни и смех.
С кем говорит?
Но тому уж домой не прийти...
– Не позабыть твои детские игры, сынок.
Юность твою, твои песни, забавы, слова.
Мучит меня до сих пор еще каждый упрек,
Что баловник ты. Сынок, я была неправа.
Ты говорил: «Подрасту и летать научусь.
Конь огнекрылый поскачет высоко среди туч.
По небу, мама, до самой Москвы я домчусь!»
Я лишь сердилась: «Ступай-ка с кувшином на ключ».
Ты говорил: «Золотые приходят года.
Сбудутся сказки: из речек, сбегаящих с гор,
Светом волшебным войдет в наши сакли вода».
«Что ты болтаешь! – не верила я. – Фантазер!»
«Дай подучиться, – еще говорил ты порой,
– Людям открою все тайные клады земли».
«Будь поскромнее, – не станет пригорок горой»,
– Я наставляла.
А ты, мой родной, издали
– С детства – предвидел сегодняшний день.
За него
Ты положил свою голову в смертном бою.
Чист мой сынок чистотой поднебесных снегов,
Таким его, Родина, вновь я тебе отдаю.

Точно упала с заплаканных глаз пелена:
Разве забудутся павших сынов имена?
Доля погибших – в делах и заботах земных.
Жизнь бесконечна – ты вечно, мой сын, среди живых

РАСУЛ ГАМЗАТОВ

СОЛДАТЫ РОССИИ

Спят в Симферополе в могиле братской
Семь русских и аварец, мой земляк.
Над ними танк, их памятник солдатский,
Еще хранит следы былых атак,
И благодарно вывела страна
На мраморной плите их имена.
Пусть память их товарищи почтут,
Пусть недруги их имена прочтут,
Благоухали Крыма ароматы,
Пылал в степи в ту пору маков цвет,
Шел старшему в ту пору двадцать пятый,
А младший жил на свете двадцать лет.
В Крыму весенние стояли дни,
Когда в разведку двинулись они.
У каждого была далеко где-то
Знакомая, невеста иль жена.
Душа была надеждами согрета,
Мечтаньями и планами полна,
Когда они в машине, на броне,
Поехали по крымской стороне.
Они любили ветер побережий
И свет зари, играющий в волне.
У всех воспоминанья были свежи
О первой взволновавшей их весне,
Об осени, ронявшей позолоту,
О материнских ласковых глазах,
О мирных днях, о птичьих голосах,
Скликавших на учебу, на работу.
И, может быть, в тот смертный, трудный час

В огне войны сквозь смотровые щели
Они вперед, в грядущее, глядели
И видели тогда себя средь нас
Обороня русскую страну
В горящем Сталинграде, на Дону,
Они себя искали на канале,
С просторной Волгой Дон соединяли,
Читали счастье мирного труда
В словах чеканных воинских приказов
И видели себя уже тогда
Средь наших плотников и верхолазов
И строили дома и города.
Из люка приподнявшись на мгновенье,
В пыли руин, в пороховом дыму,
Себя с семьею видели в Крыму,
Когда прекрасно так его цветенье,
И выбирали, в первый раз взглянув,
Для отдыха Алушту иль Гурзуф.
Наш мирный день, горячий, долгий, ясный,
Мерещился им в каждом кратком сне.
Они за мир боролись на войне,
И подвиги их были не напрасны.
Их в сорок пятом не было в живых,
Но это им цветы бросали в Праге,
Но подписи друзей их боевых
Весь мир прочел в Берлине, на рейхстаге.
София посылала им привет.
Из пепла подымалась к ним Варшава.
Их чествуя, советская держава
Зажгла своих великих строек свет.
До скорого, танкисты! Путь счастливый!
А этот путь ведет в фашистский тыл.
Степной закат, отчаянный, красивый,
Бойцов до ближней рощи проводил.
Они вдыхают крымской ночи воздух
И вспоминают о далеких звездах,
Тревожное раздумье гонят прочь...
Последней оказалась эта ночь!
Их долго ждали в штабе, ждали в роте

И где-то там, в родных местах, вдали.
Назад бойцы живыми не пришли.
В душе народа вы теперь живете.
И памятник воздвигнут вам страной,
Друзья мои, танкисты дорогие!
И высится над вами танк стальной,
Могущественный, как сама Россия.

2

Был танк подбит при первом свете дня.
Оделась пламенем его броня.
Эсэсовцы танкистов окружили.
Но созданы, должно быть, из огня
Солдаты, и в огне, сражаясь, жили.
Сражались до конца. Но нет конца
Там, где, как солнце, светятся сердца,
И этот свет — вечно живая сила.
Сражались так, как родина учила
Своих любимых, любящих сынов,
Свою надежду — молодое племя...

3

Здесь хорошо гулять по вечерам.
Везде, во всем желанной жизни звуки.
Бойцы, стоят, и связаны их руки,
И на веревке льется кровь из ран.
На грани смерти, на последней грани,
Стоят... Не каждый видеть смерть привык.
И деланно-спокойно штурмовик
Сказал, держа свой револьвер в кармане:
«Вы молоды, и жаль мне молодых,
Смотрите, как чудесно жить на свете
И как легко остаться вам в живых:
Лишь на мои вопросы вы ответьте».
Тут Николай Поддубный произнес,
— Согласны были все с его ответом:
«Ты нам осточертел, фашистский пес,
Мы — русские, не забывай об этом!»

Такая сила в тех словах жила,
Такая гордость, ненависть такая,
Что до кости фашистов обожгла,
Невольно трепетать их заставляя.
«Мы – русские!»
Как видно, этих слов
Они постигли точное значение.
Захватчиков седьмое поколение,
Они от русских бегали штыков:
Знакомы им и Новгород и Псков,
Запомнилось им озеро Чудское,
И Подмосковья жесткие снега,
И Сталинград, и Курская дуга.
Они в чертах Матросова и Зои
Черты России стали различать.
И опыт им подсказывал опять,
Что не сломить характер тот железный,
Что будут уговоры бесполезны,
Что пытками не победить таких...
Поэтому убили семерых.

4

Они убили русских семерых,
Аварца лишь оставили в живых.
Вокруг лежат убитые друзья,
— Их кровь, еще горячая, струится,
— А он стоит, как раненая птица,
И крыльями пошевелить нельзя.
На смерть товарищей глядит без страха
Танкист, земляк мой, горец из Ахваха,
Глядит на них, завидует он им,
Он рядом с ними хочет лечь восьмым.
В его душе тревога и обида:
«Зачем я жив? Настал ведь мой черед!»
Враги не знают Магомед-Загида,
Им неизвестен горский мой народ,
Они лукавят: «Русские убиты,
А ты — чужой им, ты совсем другой,

К гибели ненужной не спеши ты». —
...Земляк, всегда гордились мы тобой,
И знаю: в это страшное мгновенье
Ты горцев вспоминал, свое селенье,
И реку, что несется между скал,
Ты именем аварским называл.
Но как в твоей душе заныла рана,
Всех ран твоих острей, товарищ мой,
Когда тебе, джигиту Дагестана,
Сказали, будто русским ты чужой!
Ты поднял черные свои ресницы,
— Нет, не слеза блеснула, а гроза!
Сначала плюнул ты врагам в глаза,
Потом сказал им, гордый, смуглолицый:
«Я – русский, я – советский человек,
С убитыми сроднился я навек.
Мы – братья, дети мы одной страны,
Солдаты родины, ее сыны».
Так он сказал тогда, на грани смерти,
Так он сказал врагам, и вы поверьте,
Что ради рифмы к тем словам его
Я не посмел прибавить ничего.
Так он сказал, и выстрелы раздались,
— Как русского, враги его боялись, —
И с выжженной на груди звездой
Упал на землю горец молодой.

5

Они теперь лежат в одной могиле.
Их, восьмерых, захватчики убили,
Убили, не узнав их имена,
Те имена, что свято чтит страна,
Что вывела на мраморе она,
Что матери дают новорожденным,
Что стало песней.
Эта песнь жива,
Она близка аулами отдаленным,
Ее поет Ахвах, поет Москва.

Мы восьмерых танкистов не забыли,
Цветы не увядают на могиле,
Могила эта далеко видна.
Но те, чья цель, чье ремесло — война,
Те позабыли эти имена.
Они забыли, что живут на свете
Лишь потому, что, жертвуя собой,
Вступили в правый бой танкисты эти,
Земля моя вступила в правый бой.
Они забыли ужас лихолетий
(Они-то ведь скрывались позади!),
Они забыли, эти бомбоделы,
О воинах, свершивших подвиг смелый,
О звездах, выжженных на их груди,
Они забыли стойкость Сталинграда,
Они забыли, кто вступил в Берлин,
Они забыли, что погиб от яда
Их выкормыш – фашистский властелин.
Они забыли о народной силе,
Они забыли нюрнбергский суд.
Они нарочно обо всем забыли,
Но от суда их бомбы не спасут.
Со всех сторон видна моя страна,
Чьим солнцем вся земля озарена.
Повсюду это солнце видят люди,
Повсюду людям от него светло.
Решетки банков и стволы орудий
Слабее, чем его лучей тепло.
Оно пожараща войны сильнее.
Оно сияет детям, матерям.
Есть «Молодая гвардия» в Корее,
Сражается Матросов за Вьетнам!
О дружбе человек не забывает,
Народы не забыли ничего,
– Поэтому-то Сашей называет
Гречанка мальчугана своего,
Француженка зовет своей сестрою
Ту мать, что миру подарила Зою.
Недаром в европейских городах

Есть площадь русской славы –
Сталинграда,
И есть на сельском кладбище ограда
– Хранит земля бойцов советских прах.
В ущельях тесных, рядом с облаками,
Давно живет мой маленький народ.
Он вырос вместе с горными орлами,
Сохою землю он пахал веками,
И пусть не видел от нее щедрот
– За эту землю бился он с врагами.
Захватчикам проклятье до сих пор
Звучит в сказаньях наших древних гор.
Народ мой к русским обратил свой взор,
Россией были спасены аварцы.
Пословицу сложили наши старцы,
И подтвердить ее весь мир готов:
«России люди – правильные люди».
Проверили мы точность этих слов
В дни радостей, сражений и трудов.
Мы никогда, вовеки не забудем,
Что из России счастье к нам пришло,
Что нас взлелеяло ее тепло.
Я буду повторять их неустанно,
Те светлые слова, что произнес,
Смерть презирая, не страшась угроз,
Абдул Манапов, горец Дагестана:
«Мы – братья, дети мы одной страны,
Солдаты родины, ее сыны».
О люди! Не простые те слова:
В них наша правда вечная жива.
Пред смертью их сказал солдат России,
И гордо повторяют их живые.

ФАЗУ АЛИЕВА

В ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Быть может, этих плит
гранитные ступени
Могли бы славой и моей звенеть,
И маки жгучие
в такой же день весенний
Могли бы кровью и моей гореть,
Могли бы на холме торжественные глыбы
Воздвигнуться и в память обо мне,
А эти головы скорбящие могли бы
И надо мной склониться в тишине, –
Так думается мне, когда, благоговей,
Склоняюсь у могил бойцов бывших,
И маки жаркие, что кровью не моею
Окрашены, кладу к надгробьям их,
Когда у тихих плит, где имена и даты,
Стою я трепетно, дыханье затая,
И так тоскливо мне, как будто виновата
Я в чем-то пред тобой, страна моя.
Но в пламя я не шла с героями твоими
Лишь потому, что маленькой была –
В те годы грозные твое святое имя
Еще и написать-то не могла.
Теперь же на меня ты можешь опереться,
– Мне завещали лучшие права.
Герои павшие, чей прах стучится в сердце,
Чья верность в нашей верности жива,
В чьей гордой гибели – истоки новой жизни,
Истоки силы и судьбы моей...
Священный жар души – любовь к моей Отчизне –
Багряных этих маков багряней!

МАЛЬЧИШКИ СОРОК ПЕРВОГО

Мальчишки сорок первого... Когда-то
Я с детской завистью им вслед взирала,
Когда из школы шли они в солдаты –
Сражаться с тьмой, с бедою небывалой.
Еще их щеки не узнали бритвы,
Еще подруг не целовали губы,
А на полях великой, страшной битвы
Уже их судьбы смерть косила грубо.
Мальчишки сорок первого... Когда-то
От них я с фронта письма получала...
О первый плач! О первые утраты –
Путей к победе тяжкое начало!
Да, сколько не вернулось в наши сакли
И сколько спит в земле чужих селений...
Их кровь, их сила — до последней капли –
Всех самоцветов мира драгоценней!
Мальчишки сорок первого... Когда-то
Их я дразнила, с ними я играла...
Теперь стареют прежние ребята –
В медалях, в шрамах наши аксакалы.
Растет мальчишек новых поколенья –
Веселых, честных, боевых, хороших,
Но не по ним учу держать равнение
Я четырех сынов моих подросших.
Мальчишки сорок первого... Когда-то
Я их ждала – и ждать не перестала,
Хоть и блестят их имена и даты
На молчаливых гранях пьедестала.
И чудится, что вижу повторенье
Их строгих черт, святых, неповторимых,
Когда гляжу с надеждой и волнением
На четырех сынов моих любимых.

ПАМЯТЬ

Да, скоро сорок лет, как кончилась война,
Но память о войне по-прежнему сильна, –
Как будто корни зла, она цепка, живуча,
Как угли под золой, невидима, но жгуча.
В одном пылает ночь от взрывов и ракет,
В другом живет тоска голодных детских лет,
А в третьем, в тысячном, как рана ножевая,
Сиротство и вдовство болят, не заживая.
Но память о войне не старый, мрачный склад
Лишений и разлук, ранений и утрат:
Война и мучит нас – той муки не измерить,
Война и учит нас – любить, сражаться,
верить.
Не потому ли мы сильнее с каждым днем,
Что в нас вливается упорством и огнем
И слава храбрецов, в сраженьях закаленных,
И скорбь о двадцати погибших миллионах.

Я НЕ БЫЛА ЕЩЕ СОЛДАТОМ

Когда фашистская орда
Ползла на наши города,
Я не была еще солдатом,
Не воевала я тогда.
И партизанкой не была,
Мосты у немцев не рвала,
И гитлеровца не убила, –
Уж слишком я была мала.
Страна родная,
Семилетней
Отца я проводила в бой.
Но каждый день я на рассвете
Вставала слушать голос твой,
Чтобы услышать о победе
Или потом не спать ночей,
Узнав о зверствах палачей...
О, как страдала я – не скрою, –

И ненавидя и любя,
Что не смогла я стать героем,
Чтобы порадовать тебя,
Чтоб ты была довольна мной,
Чтоб ты могла гордиться мной!..
Теперь то время за спиной,
Оно уже ушло давно,
Уже я взрослой стала,
Все ж подвигов за это время
Мной не было совершено.
Но он всегда во мне самой,
Порыв – грядущий подвиг мой.
Меня ты будишь:
«С добрым утром!»
И я встаю со всей страной,
Со всем своим народом мудрым
Вершить свой труд и подвиг свой
Свой скромный труд,
Свой незаметный...
Но я живу им и люблю.
Еще тебя я удивлю,
Отчизна,
Подвигом заветным.

РАДЖАБ ДИН-МАГОМАЕВ

Отличительными чертами характера Раджаба Дин-Магомаева были безграничная доброта, неиссякаемая любовь к людям.

В начале Великой Отечественной войны, окончив в городе Тбилиси офицерскую школу, он ушел на фронт.

Воевал Дин-Магомаев в должности комиссара батальона на одном из Украинских фронтов. О тех днях он писал домой:

«Я должен найти путь к сердцу каждого солдата и офицера, поддерживать их моральный дух. Во время боя обязан своим примером воодушевлять личный состав. У меня товарищи замечательные. Фронтная жизнь раскрывает лучшие стороны человеческого характера: любовь к близким, уважение к товарищам, верность. Ты уважаешь, и тебя будут уважать. Очень люблю я своих

однопольчан, и они платят мне тем же».

В начале апреля 1944 года в одном из жестоких кровопролитных боев коммунист, писатель Раджаб Дин-Магомаев пал смертью храбрых.

Ему было 39 лет. Он похоронен на Украине в селе Заболотнивка Тернопольской области.

Родился Раджаб Дин-Магомаев в селении Урма Левашинского района, в бедной крестьянской семье. Раджабу было три года, когда отец, сосланный в среднюю полосу России, забрал с собою и его. Раджаб еще ребенком овладел русским языком, узнал русские обычаи, знал массу русских народных пословиц, поговорок, присказок.

Вскоре после Великой Октябрьской социалистической революции отец, вернувшись на родину, заболел и умер, заболела и мать. Мальчик был предоставлен самому себе, много ходил по аулам в поисках куска хлеба. Потом он помогал партизанским отрядам, собирая нужные сведения о белогвардейских бандах, участвовал в боях за восстановление Советской власти в Дагестане. В его трудовой книжке значится: «1919—1920 годы – служба в Красной Армии».

КЛЯТВА

(Отрывок из рассказа)

IX

Солтанат проголодалась и, прежде чем идти на митинг, решила пойти домой перекусить. День стоял солнечный, теплый, на фоне светлого голубого неба торжественно темнели пики дальних скал.

«Благодать! — подумала Солтанат, поднимаясь по крутым улочкам аула. — Урожай собран, внучек родился крепенький, Патимат здорова, вот только как там, на фронте, сыновья? Господи, спаси, сохрани, возьми лучше меня, но им сохрани жизнь», горячо зашептала она, поднимая к небу глаза. Увидев родную саклю, она улыбнулась: «Вот здесь будет расти мой дорогой внучек».

В комнате стоял приятный полумрак.

— И здесь благодать, — сказала Солтанат, с удовольствием оглядывая празднично убранную кунацкую. Достала в кухне мягкий чурек, простоквашу и принялась за еду, глядя в окошко, думая: «Вон

там, под ореховым деревом, я ему, моему любимому мальчику, моему крошке устрою качели...»

На этом самом ореховом дереве ее муж устроил когда-то качели их первенцу, Шамсутдину. Каким он был веселым ребенком, как шумно всему радовался: яблоку, камушку, палке, стекляшке, игрушке. Как трудно было его уложить спать, все бы он бегал, все бы прыгал, секунды не мог устоять на месте. Младшие ее дети были поспокойнее. Как любила она вдыхать запах его волос, пахнувших медом и солнцем.

– И Шамсутдин уже отец, — произнесла она вслух и покачала головой, — Ох, время, время!

– Зачем ты пришел в наш дом, черный день! Орел наш Шамсутдин, ой, Шамсутдин! — раздалось во дворе громкое причитание.

Солтанат испуганно вскочила с ковра. «Аллах, какое горе нагрянуло на ее голову», — подумала она и открыла двери. На пороге стояла старуха-соседка и рвала на себе волосы.

– Вай, дир яц, весь аул говорит, что командир черное письмо прислал, убит Шамсутдин, разве ты не знаешь?

День померк в глазах Солтанат, лицо ее посерело, пошатнувшись, она прислонилась к двери:

– Кто сказал?

– Аман! Аман! Сейчас Саадат у меня плакала.

– Врешь! — закричала Солтанат, — еще не отлита нуля, которая могла бы пробить сердце моего сына. Не отточена сабля, которая бы отрубила голову Шамсутдину! Прочь! Прочь с моих глаз! — оттолкнула Солтанат старуху и бросилась вон со своего двора.

На улице она столкнулась со старым Юсупом.

– Ты куда? — остановил он Солтанат.

– Юсуп, мой Шамсутдин, — запнулась Солтанат, не в силах произнести страшное слово.

– Да, сестра моя, аллах забрал сына, но даровал тебе внука, старик думал, что Хадижат уже обо всем рассказала матери. Старик вспомнил, что частенько, когда он, бывало, просил у Шамсутдина папироску, тот давал ему целую пачку Беломорканала.

– Забрал... Так это правда?

Юсуп скорбно склонил голову.

Солтанат не проронила больше ни слова. И слезинки никто не видел в ее глазах. По обычаю аварцев, мать не в праве плакать по

погибшему сыну, пока убийца не отомщен. Она гордо выпрямилась, туго завязала платок и твердой походкой пошла по направлению к площади, все убыстряя и убыстряя шаги.

Вся площадь была запружена народом, собравшимся на митинг. Трибуна была украшена снопами пшеницы, букетами полевых цветов, кумачовыми лозунгами: «Все для фронта!», «Стой, что ты сделал для победы?», «Встанем на защиту Родины», «Самоотверженный труд – залог нашей победы!».

На трибуне стоял секретарь райкома партии и говорил речь:

– Ваши успехи превзошли все ожидания. Хлеб собран в три раза быстрее, чем до войны, и его засыпано в закрома в полтора раза больше, чем в прошлом году. Это залог победы! Но враг еще силен и кровожаден, на всех фронтах идет жестокая, кровопролитная борьба. И дня тому назад получено письмо о героической гибели одного из лучших бригадиров вашего колхоза Шамсутдина Магомедова. Шамсутдин добровольно сменил плуг на пулемет, штурвал комбайна на руль танка, он не пожалел себя, защищая Родину, защищая нашу жизнь и наше счастье, товарищи! Почтим же память героя минутой молчания!

На площади воцарилась тишина. Только тень орла, летевшего над аулом, скользнула по склоненным головам, по снопам на трибуне, по кумачовым лозунгам. Орла или облачка, плывшего вслед за ним?

– Кто хочет сказать слово? — спросил председатель колхоза Хабибула.

– Я, — отозвался молодой голос. Это был Фатах. Он торопливо искал в карманах присланное с фронта письмо о гибели брата и не находил. Все смотрели на него и ждали, и Фатах, так и не найдя письма, поспешно поднялся на трибуну. Окинул взглядом сгрудившихся возле трибуны односельчан и вспомнил, что Шамсутдин был первым борцом в ауле. Он всех до одного человека в ауле мог положить на обе лопатки и клал. Все мальчишки с уважением смотрели всегда на Фатаха. «Еще бы иметь такого старшего брата», — любил Фатах хвастаться перед товарищами. Как-то эти слова услышал Шамсутдин.

– Вот что, дружок, ты моей силой не хвастай, приобретай свою. Ну-ка, поборись с Омаром, кто кого? — И когда Омар победил расплакавшегося Фатаха, Шамсутдин сказал:

– Давай, буду учить тебя приемам борьбы, каждый человек должен уметь сам защищать себя...

Замешкавшийся Фатах только что хотел открыть рот, как увидел вбежавшую на площадь женщину. Он узнал мать. «Что же делать?» – изо всех сил стиснул он перила.

Солтанат добежала до задних рядов, толпа перед ней расступилась.

– Говори, Фатах, говори, сын мой! – тяжело дыша она остановилась перед трибуной. – Говори, это приказываю тебе я, мать твоего погибшего брата!

Фатах потрянул головой, провел руками по волосам, приложил руку к сердцу и начал:

– Товарищи! Мой брат, ваш брат Шамсутдин отдал свою жизнь, защищая нашу любимую Родину. Я должен отомстить за его смерть. Я уйду добровольцем на фронт, чтобы водить танк брата, гусеницами которого Шамсутдин, как жаб, давил проклятых фашистов. Я оставляю мать и сестру, невестку и племянника. Я знаю, в трудную минуту вы не дадите их в обиду.

По площади прокатился гул одобрения.

На трибуну взошла Солтанат, высоко над головой подняла руку.

Тишина обрушилась на площадь тяжелым бременем, сковала всех железом, сдавила дыханье.

– Проклятые из проклятых отняли моего любимого сына и осиротили моего первого внука...

– Вот он... – оборвал ее чей-то истерический крик.

Солтанат оглядела толпу, как будто спрашивая: «Кто посмел прервать меня?».

Все повернули головы на крик и застыли... В длинной, белой больничной рубашке, босая, подняв над головой завернутого в пеленки сына, шла, спотыкаясь, Патимат.

– Кто ответит за гибель отца моего малютки? Кто отомстит за кровь отца моего сироты?! — кричала она, приближаясь к аульчанам.

Женщины бросились к Патимат, укутали ее платками, почти на руках донесли до трибуны, что-то невообразимое начало твориться на митинге. Солтанат схватила внука, прижала его к груди...

– Я не плачу, мой сын погиб героем! Я горжусь. Мать не обронит слезы, пока враг жив, пока жив убийца! Кровь за кровь! Фатах, сын мой, благославляю тебя на подвиг в бою! Будь храбрым, крепко держи саблю в руках. Береги намус отца и брата. Если дрогнет твое сердце перед проклятым врагом, и ты покажешь ему спину, не видать тебе больше моего очага! Я прокляну тебя.

Мыть испытующе посмотрела сыну в глаза.

– Клянусь перед всеми аульчанами и перед тобой, мама, – сказал Фатах, – клянусь быть честным, бесстрашным воином и верным сыном твоим! Клянусь достойно отомстить гитлеровцам за брата, за пролитую нашу кровь, за сирот и вдов, за нарушенный покой нашей Отчизны! Победа или смерть! Другого пути нет и не может быть! Клянусь!

– И мы клянемся! — подхватили слова друга Омар и Расул. — Клянемся!

– Клянемся! – грозно вздохнула тысячеустая площадь. – Клянемся! Клянемся!

Могучим набатом ударило эхо и прокатилось громом вверх по ущельям, тревожа и поднимая все окрестные горы, от серых салаватских скал до сочно зеленеющих зубутлинских вершин.

ЭФФЕНДИ КАПИЕВ

Он родился 13 марта в старинном лакском ауле Кумух, в семье лудильщика и гравера Мансура Капиева.

Из века в век бытует среди лакцев отхожий промысел. Вот почему все детство будущего писателя прошло в скитаниях: отец кочевал в поисках заработка, семья следовала за ним. Под Сальском отец открыл маленькую мастерскую, семья поселилась в пригородной калмыкской деревушке Аргаки. В 1918 году Сальск заняли белоказаки, и семья Капиевых вынуждена была бежать на родину.

В десять лет мальчик превосходно говорил по-русски, детство, проведенное в России, сыграло решающую роль в формировании его творческой личности.

«Сын гор — я душой и мыслями, всем своим существом русский человек и без русского языка, без русской среды нет мне в жизни ничего родного...», — писал Э. Капиев.

Его судьба была типична для многих горцев – завоевания Советской власти отразились в ней, словно отблеск созидającego огня. Эффенди был принят в первую школу-интернат для горцев. В 1928 году он успешно окончил техникум и стал работать учителем русского языка и литературы в кумыкском селении Аксай.

Первые годы самостоятельной жизни закалили характер Капиева, укрепили его желание стать писателем. Правда, по комсомольской

путевке он поступил в Ленинградский машиностроительный институт, но скоро бросил его из-за болезни и возвратился в Махачкалу. Здесь работал в редакции кумыкской республиканской газеты «Едаш», секретарем журнала «За коммунистическое просвещение», редактором Дагестанского книжного издательства, ответственным секретарем республиканской писательской организации. В это время одна за другой выходят составленные или отредактированные им книги.

В литературную деятельность Э. Капиев активно включился с 1931 года. В это время в газете «Красный Дагестан» был опубликован его рассказ «Приговор приведен в исполнение». Спустя год были опубликованы книги о просторе и величии светлого человеческого духа, написанные в эпоху величайшей борьбы и победы, честные и глубокие книги».

«Друзья мои! – призывал Э. Капиев, – мы живем в суровое, великое время. Оно настолько необычно и неповторимо, что каждая правдиво написанная строка сегодня принадлежит истории. Позор и презрение тому подлецу, кто сфальшивит, кто вздумает кривить душой. Будем честны перед своей совестью, ибо совесть наша отныне есть совесть свидетелей на суде, к которым будут обращаться грядущие люди».

Память о Э. Капиеве увековечена. Его именем названы улицы в Махачкале, Буйнакске, Пятигорске, Лакский драматический театр, библиотеки и школы. О жизни и творчестве писателя написано много книг.

* * *

В БОЙ

Бывшим красным партизанам Ставрополя, сформировавшим
свою добровольческую кавалерийскую дивизию

На запад идут эшелоны,
В багровом дыму города.
Колонны, колонны, колонны,
И в небе далеком звезда.
По коням, орлиное племя!
Страна вас на подвиг зовет!
В суровое грозное время

Мы смотрим спокойно вперед.
Нам выпала доля святая,
В жестокой войне победить.
Фашистских стервятников стая,
Грозит наше солнце затмить.
Мы в смертельных боях возмужали,
Огнем и метелью клялись,
На наших железных скрижалях
Начертано: «Смерть или жизнь».
Вперед, партизанское племя,
На подвиг страна нас зовет!
Суровое славное время
Крылами орлиными бьет.
Горят наши давние раны.
Сердца наши гневом полны.
На подвиг, бойцы-партизаны,
Великой Отчизны сыны!
Не наша ли молодость снова
Бросает нас в седла, друзья?
Не голос ли Кости Трунова
Бушует, фашистам грозя?
Встает из могилы Ипатов.
– В поход, казаки, не робей! –
По вьюжным степным перекатам
Скликает бойцов Кочубей.
Не пепел ли прошлых пожаров
Щемит наше сердце опять?..
Ответим же, братья, ударом!
Неужто мы прожили даром?..
Костей палачам не собрать!
На запад идут легионы.
В багровом дыму города.
Колонны, колонны, колонны,
И в небе далеком звезда...
Палач не минует расплаты,
Идем мы бессмертной тропой,
Сверкающей славой объята,
В последний решающий бой!

(27/XII – 41 г. г. Пятигорск)

ИЗ ФРОНТОВЫХ БЛОКНЕТОВ

(1942 – 1944 гг.)

Когда говорят «фронт», в тылу екает сердце. Людям кажется, что здесь сплошной огонь и нужно сквозь него добираться до фронтовиков. А на самом деле здесь все гораздо проще, чем в тылу. И люди и дела. Есть какая-то граница – не географическая, а психологическая граница. Для рядовых она наступает с того момента, когда, покинув последнюю станцию, вступаешь в полосу фронта.

Семья, личные интересы – все позади. Отныне ты песчинка в буре – втягивает, ты немыслим один, без всех.

Перевязка раненому. Кость перебита, нога висит на мякоти. Ступня оторвана, из спины вырван кусок, и там застрял осколок. Врачи советуются, делать или нет наркоз.

Не надо. Делайте, что надо, только дайте закурить. В самую трудную минуту, когда перепиливали кость, вдруг запел, сначала тихо, потом громче и громче: «Раскинулось море широко... И волны бушуют вдали... товарищ, мы едем...».

– Ты что, Сергеев, немного того?

– Стыдно, товарищ комиссар! Я. в своем уме.

Соседний полк называется именем Шамяля. По телефону так и переговариваются:

– Шамяль? Да – я. Я Кочубей.

Полковника долго искали, наконец, сыграли на гармонике его любимый марш, а через несколько минут на взмыленном коне показался полковник.

На поле боя санитарка, маленькая девушка, вся в поту, тащит раненого.

– Как тебя зовут?

– Э... забыла, хоть убей,

В помещении, где разместился штаб полка, в люльке ребенок. Штаб совещается – завтра выступает на марш, к линии фронта. Комиссар докладывает, стоя у люльки и качая плачущего ребенка:

– И этим подлым фашистам никакой пощады! Смерть врагам!

Родился ребенок в тот день, когда уходили немцы. Мать назвала именем бойца, который первым вошел в хату напиться воды...

Строят мост. По пояс в ледяной воде. Их обстреляли автоматчики. Они, бросив строить, схватили автоматы и вступили в бой. Рассеяли врагов и потом снова продолжали строить мост. Надо

было спешить...

Подобно тому, как в Древнем Риме был обычай в разгар пира вносить мумию, чтобы люди помнили о смерти, надо после этой войны завещать человечеству приносить в разгар пира портрет Гитлера, чтоб люди задумывались и не забывали, помнили бы и учили опыт нашего поколения...

Человечество страшно забывчиво. На беду себе оно все прощает и забывает.

Два друга, оба горцы — на далеком Севере, в карельских лесах. Один убит. И чтобы не оставить труп товарища, второй привязал его к своему поясу — сначала наступал, потом отступал, отстреливаясь, ползком и волочил за собой труп товарища, пока не приволок к своей линии. Там он похоронил его и только потом, с мутными и красными глазами, лег на отдых.

Ворвавшись на коне среди бела дня в станицу, где горели элеватор, вокзал, грузовики с барахлом и немцы шныряли взад и вперед, готовясь покинуть ее, он воскликнул:

– Эй, кто это грабит народное добро?

– Тише, тише, это немцы!

– Ага. Их-то мне и надо, оцепить квартал!

Завязался бой. Через час станица была взята.

Первая роза, которую бросает мимоходом боец на спящую девушку-сандружинницу. Проснувшись, она недовольно хмурит брови, но тут же загорается вся:

– Спасибо, Витя! Вот спасибо! Девчата, уже розы!

Жена фронтовика получила от мужа телеграмму: «Поздравь с сыном». Затем прибыло письмо.

«Когда мы вошли в село, перед нами открылась жуткая картина. Кругом трупы, трупы, трупы. У одной хаты мы встретили 11-летнего мальчика, плакавшего навзрыд над телами матери и отца. Чудесный такой малыш. Я решил его усыновить, — воспитай его, это сын, добытый в бою, трофейный».

Сажается дерево, а кругом развалины. Даже стекол нет. Расти долго, расти благополучно!

Нас много! По одной лопате копни, и то ущелье будет. Гора будет, если каждый, наполнив свой сапог, ссыпет в одно место. Нас

много – то и дело приходит мысль, когда едешь по фронтовой дороге, оглядываясь направо и налево. Тут чинят мост, там засыпают воронки, подравнивают дорогу, там грузят эшелон, там обучаются резервы. Навстречу идут грузовики с ранеными, на лужайке сидят, отдыхая, артиллеристы...

Обстреливают. Как хочется быть маленьким, величиной с собственное сердце. Тело мешает, куда я его упрячу. Но вот обстрел кончился. Вздохнешь, и мало тебе вдоха — хочется быть великим и сильным, большим, большим, величиной опять-таки с собственное сердце, которому теперь тесно на земле...

Вперед и вперед. Дождь уже третий день... уже идти не могут, уже весь батальон полз на четвереньках и все-таки продвигался вперед, ибо таков был приказ, и ослушаться его никто не смел — в приказе была властная воля, эта воля слилась с волей сотен, и люди ничего, кроме этой властной воли, не чувствовали, не могли освободиться.

В этот весенний, сверкающий тихий день, стоя у своего орудия и глядя сквозь голые ветки деревьев вдаль, стоя на земле, желтой от увядшей прошлогодней травы, поет удивительную песню горец — единственный нерусский человек на батарее. Он поет, прищурив глаза, самозабвенно, стоя, положив левую руку на ствол оружия. О чем он поет? Вероятно, душа его обессиленная безнадежно тянется и видит горы, видит свою саклю, ручей, журчащий под мостиком, любимую жену...

Война, война! И молча, сидя по разным местам и думая каждый о своем, слушают его русские юноши – друзья, товарищи.

Разорвался вблизи снаряд. Певец умолк...

Да, брат, я знаю Шекспира, я люблю Чайковского, я читал всех мировых классиков от Флобера до Уолта Уитмена, я изучал законы физики, электричества, любил русских пейзажистов, знаком с философией, могу прочесть наизусть японские четверостишия, восточные притчи Омара Хайяма, Саади – о люди, как хорошо чувствую лирику, музыку и скульптуру... Но к чему все это? Кому интересно: знаю я или не знаю, чувствую или не чувствую? Никакого права рассчитывать на лучшую участь, чем другой рядовой, я не имею и не могу. Наоборот, раз я все это узнал и почувствовал, значит, я больше жил и постиг в жизни, чем тот рядовой, сын природы, ничего этого не знающий и не чувствующий...

Итак, в бой!

ШТУРМ

Во имя жизни! Во имя нашей победы!

Четыре дня лежали казаки в плавнях, распластавшись на льду. То были знаменитые приазовские плавни. Летом в них кишит жизнь, на десятки верст болота проросли камышом, камыши шумят и волнуются, как море. Зимой здесь тишина, и одни лишь заблудившиеся зайцы попадают в пустых зарослях...

Вдали, за Мертвым Донцом, на обрыве засел враг. Надо было сковать его силы, не дать ему овладеть переправами, удержать рубеж. И казаки удерживали...

Немцы укрепились на противоположном крутом берегу. Подступы к своим блиндажам они облили водой и превратили их в ледяные горки. Днем и ночью били оттуда минометы и автоматы. Казаки лежали неподвижно, вмерзая телами в лед, осыпаясь огнем и снегом. Цвет лица их стал подобен цвету железа; окоченевшие руки, однажды уже сжав, не выпускали оружия...

Четыре дня лежали казаки здесь. Воду они пили, прокалывая лед штыком и всасывая ее сквозь камышинку. Мерзлый хлеб хрустел на зубах. Ни стоны, ни единого слова...

Днем над камышами кружились самолеты (скрытые с боков густыми зарослями, казаки были видны лишь сверху). Самолеты спускались низко и сбрасывали бомбы. Разрывы бомб сотрясали вокруг землю, поднимая на воздух тучи темной воды и льда. В четвертую ночь грянула метель... И вместе с метелью, вместе с бурей пришел приказ: выбить немцев с высоты! Далеко за полночь взвилась в небо ракета. Казаки встали — на льду остались отпечатки их тел...

— На штурм!

— За Родину, в бой!

Тогда немцы ввели в действие все свои огневые средства. Мертвый Донец взревел. Шквалом огня и стали загородили враги подступы к реке. Казаки шли. Ярость их была несгибаема...

Немцы минометным огнем подожгли камыши. На десятки верст вокруг забушевало пламя, пенное и косматое. Оно перекатывалось через головы, подобно прибою, с треском и шипеньем кружило в камышах. Казаки шли... С винтовками наперевес, осыпаясь снопами искр, в дыму и пламени, шли они вперед, стоя во весь рост. Тающий лед гнулся и ломался под ними, казаки проваливались по грудь в ледяную воду, над ними клочкотал пожар; их лица были красны в

зареве, а навстречу летела метель и буря, но тела их были устремлены вперед...

Так шли они сквозь ад, шаг за шагом, шесть километров. Ничто не остановило бойцов. И, перейдя реку, они ринулись на штурм!

Оледенелые обрывы над рекой были высоки. Казаки гранатами взрывали лед, и лед крошился под их ногами. Как львы, бросались они все выше, не выпуская оружия из рук, с широко раскрытыми глазами, то приныкая к земле, то вновь вставая во весь рост. И поднялись, и опрокинули врага... Неудержимым, грозным потоком казаки прошли сквозь метель и огонь тридцать километров. И тела их были по-прежнему устремлены вперед, оледенелые одежды звенели на них, как кольчуги, лица были черны и остры, воистину познавшие бессмертие, но глаза в беспощадном и жадном гневе открыты и вдохновенны и как бы подернуты хмельным туманом в сиянии дня. И кони плясали под ними, вздувая шумные ноздри. Ресницы у коней были белы от инея...

И, может быть, никто бы не помыслил, что этих людей хватило бы еще не на один штурм, что запас молодости и силы был в них по-прежнему неисчерпаем, если б не заяц, поседевший на полях войны, обыкновенный заяц, заблудившийся в этих просторах. Он выскочил под вечер того дня откуда-то из-за перелеска и сперва было помчался навстречу скачущим развернутым строем казакам, но вдруг, повернувшись, запрыгал, затанцевал на месте. И тут казаки не выдержали. Могучим и раскатистым эхом отдался в перелесках их хохот.

– Держи косога! Ура!

И несколько минут, сдерживая разгоряченных пляшущих коней и откидываясь в седлах назад, хохотал весь эскадрон полным задорной молодости и озорства смехом над обалделым, мечущимся зайцем, который, вероятно, думал, что великая эта война и весь этот грохот затеяны из-за одной его бедной шкуры...

И кони, распластавшись над заснеженными полями, неслись подобно птицам вперед, пар валил из конских ноздрей, а всадники хохотали, наводя ужас необыкновенной этой атакой на обезумевших от преследования немцев.

Неудержимая лавина жизни катилась вперед, уничтожая врага.

Слава жизни! Слава богатырям земли советской!

АГАЛАР ГАДЖИЕВ

Талантливый лезгинский поэт, замечательный фольклорист и переводчик Агалар Гаджиев — человек сложной и трудной судьбы.

Родился он в селении Хурюк Самурского округа в бедной крестьянской семье. В 1915 г. Агалар поступил в пансионат для детей бедняков при Ахтынской тюркской пятилетней школе, по окончании которого стал учиться в Буйнакском педагогическом техникуме, а затем перевелся в Дербентский педагогический техникум. Здесь Агалар страстно увлекается тюркской, персидской и арабской литературой.

В 1930 – 1932 гг. Гаджиев работал учителем в школах Табасаранского района. Стремление к знаниям приводит его на учебу в Азербайджанский педагогический институт им. В. И. Ленина.

Получив диплом учителя, Гаджиев начал преподавать в одной из средних школ Баку.

В 30-х годах в Дагестане на азербайджанском языке выходила газета «Дагестанская беднота», на страницах которой печатались стихи Гаджиева.

Вернувшись в Дагестан, Агалар Гаджиев активно включился в общественную и литературную жизнь республики. Он работал в ИИЯЛ Дагестанской базы АН СССР, глубоко изучал родной лезгинский фольклор. Книга «Лезгинский фольклор» впервые была издана в 1941 году.

В период работы в Союзе писателей Агалар Ахмедович оказывал творческую помощь молодым литераторам.

С большим подъемом трудился он над переводами на родной лезгинский язык произведений мировой классики. Благодаря ему на лезгинском языке были изданы избранные произведения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. Генджеви, К. Хетагурова и многих других.

Когда грянула Великая Отечественная война, Агалар Ахмедович в числе первых добровольцем ушел на фронт.

Я С ГИТЛЕРА ШКУРУ СНИМУ

(Отрывок из рассказа)

Предвещая утреннюю зарю, зардел небосклон, заискрились горные вершины. Ни ветра, ни движения. Все замерло в

торжественном ожидании солнца — искрилось небо. Лес на правом склоне Мими-сува освободился от дымчатой тени. Пастбище оживило от трелей пастушьих свирелей, мычания коров, блеяния овец и ягнят, лая собак. Все пришло в движение. К тому времени Балакардаш уже встал, умылся, положил в сумку пару лавашей и полтуши жареной зайчатины, надел охотничий пояс с патронами, взял ружье и отправился в путь-дорогу. Вслед побежал волкодав Алабаш. Они пошли на охоту.

Охотник был горец могучего телосложения, высокий, широкоплечий, с правильными чертами лица. Недавно на прикладе ружья он сделал надрез в честь своего пятидесятилетия. Но его молодецки скрученные густые усы, орлиный взгляд, бесшумная, быстрая походка свидетельствовали о его могучей энергии и силе, и никто ему не дал бы столько лет, если бы не предательские морщинки на широком лбу и чуть затемненные ямки под глазами. Широким шагом, временами вытирая струившийся из-под папахи пот рукавом бешмета, он шел к лесу. Алабаш то отставал, то убегал вперед, то, радостно взвизгивая, ходил вокруг хозяина. Наконец они добрались до леса. Здесь у студеного ключа Балакардаш наспех позавтракал, накормил собаку.

Отары шумных овец и стада коров бродили по зеленым склонам, вырываясь из плена ущелий, грохотал водопад, стараясь перекрыть своим ревом все шумы вокруг, и все же в лесу отчетливо слышен хоровод певчих птиц.

Далеко в долине на полях стало заметно движение нарядных платьев, белых рубашек и черных точек-папах — это приступили к своим делам полеводы и садоводы. Настроение Балакардаша росло. Он гордился своей прекрасной и богатой Родиной.

Балакардаш встал, зарядил ружье и, сказав: «Посмотрим, какая нынче будет охота», осторожно и бесшумно углубился в лес. Алабаш того и ждал: опустив морду, вдыхая лесные запахи, он резко устремился вперед. Они обшарили ближайшие заросли и подстрелили двух зайцев, а потом устроили привал у дальней обочины леса. Балакардаш не спеша достал кيسет, взял щепотку махорки и задумчиво начал скручивать «козью ножку». Вдруг Алабаш забеспокоился. Навострив уши, он внимательно смотрел в густые заросли у нижнего склона. Вот он сжался, присел, бесшумно заскулил, обнажив клыки. Это был явный признак подготовки к атаке. Он бы еще и залаял, но хозяин его остановил. По зарослям,

волоча хвост по земле, подкрадывался волк. «Ах, зловредник!» – подумал охотник. — Что ты в нашем лесу хочешь? Убить наших коров? Стащить наших овец? Посмотрим! Прижавшись плечом к дереву, он выстрелил. Но пуля попала неудачно. Раненый зверь, остервенело рыча, бросился к Балакардашу. Хрипло залааяв, трусливо прижался к хозяину и Алабаш, но смелый охотник не растерялся. Быстро перезарядив ружье и заняв удобное положение, он хладнокровно прицелился... волк быстро приближался... выстрел... еще выстрел, и волк, дико зарывчав, упал навзничь. На выстрел прибежали двое чабанов. Их отара была совсем рядом.

– Ого! – Вы совершили подвиг, дядя Балакардаш, – изумились они.

– Что поделаешь, дорогие племяннички мои, разве можно допустить, чтобы этот варвар истребил наши отары!.. Ну, что уставились, это же и ваш враг, помогите же свежевать, – мягко улыбнувшись, добавил он.

– Ого! А зажирел-то как, тиран этакий, а?

– Еще бы, племянничек мой, сколько он пировал над зарезанными баранами!

Чабаны громко рассмеялись. Освежевание закончилось. «На сегодня хватит», – подумал Балакардаш, и, поблагодарив чабанов, вернулся на яйлаг.

Во второй половине дня поднялся сильный ветер и стал громоздить на небе черные тучи, которые пытались закрыть солнце. Но солнце легко рассеивало их и весело заливало теплом окрестные пастбища. На живописных коврах из цветов и трав сидели почти все обитатели яйлага, и стар и млад.

– Да, прикидывался другом, а на самом деле оказался гнусным врагом, – говорил Керим с возмущением.

– Конечно, дядя Керим, мы знали, что из него друга не получится, – в тон Кериму хмуро добавил комсомолец Али, — но мы не хотели войны, хотя мы крепко подготовлены, мы хотели мира. Ясное дело, трусливая моська кусает тайно, исподтишка. Его похлебку мы на его же макушке сварим, будь спокоен.

— Я жертва твоего искусного языка, правильные слова говоришь, сыночек, – вставила старая Салимат. – Я брошу свой платок к вашим ногам, если мы, женщины, не вытолкнем из нашего сада этих бешеных кабанов! Пусть здравствуют такие, как сын Балакардаша Бахадур и его друзья, они с воздушных просторов град свинца

сыплют на их дурные головы!

– Ишь чего захотели – вероломно, захватнически вторглись на цветущие просторы нашей Родины. Они хотят разграбить, опустошить все, что создано нашим трудовым народом, поработить нас, как Польшу, Францию, Чехию. Как бы не так! Тот, кто не умеет биться, берет камень побольше. Нет, друзья, они не сумеют осуществить свои дерзкие планы. Куда им деваться от нашей Красной Армии, от наших героических красных партизан, от нашего монолитного народа? Скажу вам — некуда! Они найдут свою погибель на нашей земле. Я с Гитлера шкуру сдеру, как с волка, убитого мною сегодня, — говорил Балакардаш, подкручивая свои усы.

– Братец Балакардаш, – обратился к нему Керим, – пишет ли твой Бахадур?

– Пишет, что уже пилот высшего класса. Парень хоть куда, я, говорит, преисполнен желанием, как и мои однополчане, скорей покончить с вероломным врагом. Впрочем, и вам привет передавал.

– Здравия ему желаю, как и тебе, пусть не дрогнет рука его в бою.

– Отправлюсь-ка в аул, посмотрю, что там нового, – заспешил Балакардаш.

– И мы пойдем, – отозвались несколько мужчин, и они отправились в аул. Пришли к вечеру. Колхозники возвращались с работы и, не заходя домой, собирались на годекане. На годекан шли со всех концов аула. Эта маленькая площадка стала похожей на потревоженный улей. Образовался стихийный митинг. Остановились и пришедшие с яйлага. Парторг Раджабов произнес речь. Митинг закрылся возгласами: «Долой гитлеровскую Германию!», «Да здравствует наша могучая Красная Армия!», «Да здравствует наша великая социалистическая Родина!».

Балакардаш подошел к парторгу.

– Товарищ Раджабов, отправьте меня на фронт, не могу я спокойно сидеть дома, когда по нашей земле ходят вероломные орды врагов. Нет, совесть не позволит мне бездействовать, поеду-ка я помогать сыновьям нашим.

– Дядя Балакардаш, такие, как Вы, и в тылу нужны, помогите делу укрепления тыла. А с фашистами справятся Красная Армия, военный флот, наши орлы-авиаторы.

– О нет же, племянник, мое сердце не успокоится, пока вот из этого ружья не истреблю их, как истребил я скверного зверя. Ты

только помощи, добивайся повестки, пусть призовут меня.

– Понимаю, дядя Балакардаш, понимаю. Вы очень смелый человек. Сельчане не забыли, как Вы, будучи красным партизаном, оставшись без патронов, возле дербентской церкви зарубили своим кинжалом восьмерых деникинских казаков. Ваш сын Бахадур тоже достоин отца... Он творит чудеса в воздушных боях...

– Ну что ж, счастливого Вам пути, отправляйтесь. О семье не беспокойтесь, здешние заботы будет кому взять на себя. Завтра же идите в военкомат. Вы не одни, и мы поедем с вами.

Балакардаш вернулся к своей сакле.

– Скорей жена, — крикнул он с порога, — поторапливайся, собери мне пожитки на дорогу.

– Ву-у-уэй, старик, что ты молодость вспоминаешь?

– Чем я хуже других? Впрочем, разговоры потом. Ты вот что, достань мне тетрадку и карандаш, надо написать Бахадуру.

Гюлсенен принесла тетрадку и карандаш, и Балакардаш начал писать.

– Так, так, приветствия я написал, у вас есть чего добавить?

– Ты сначала прочитай, что написал, потом увидим, что добавить.

Балакардаш начал читать: «Дорогой мой сынок Бахадур, прими пламенный привет от матери, сестры, братишки, от всех нас.

Во-вторых, если ты интересуешься нашей жизнью, то мы живем хорошо, ни в чем недостатка не испытываем, живы, здоровы, ждем только вестей о твоём здоровье и успехах. Мы тебе завещаем: покажи ворвавшимся на нашу землю гитлеровским псам силу советских орлов. Сделай, чтоб им мир стал тесен, пощады им никакой не давай, осыпай их градом свинца, будь патриотом Родины, героем будь. Знай: трусишь – ты не наш сын. Еду на фронт к вам на помощь. Пока, до свидания. Передай от нас привет твоим друзьям и всем однополчанам. Твой отец Балакардаш».

– Бах, и ты на фронт едешь, старик, вот как... Нет, без меня не поедешь. И я с тобой поеду помочь своему сыну.

– Жена, все там наши сыновья, что значит мой сын, твой сын. Остайся с семьей, хорошо поработай в колхозе, укрепи наш тыл.

– Пусть будет по-твоему. Единый хлеб пусть будет не впрок мне, если отстану от вас.

Утром Балакардаш встал спозаранку, взял патронташ, ружье, повесил кинжал партизанских времен и отправился в райцентр. По пути к нему примкнуло еще 5-6 таких же стариков- добровольцев.

Они шли вниз вдоль речки Самур, которая от стоков, и потоков тысячи ручейков и источников становилась все бурней и сильнее. Пришли в Ахты, в райвоенкомат.

– Убедительно просим Вас, отправить нас на фронт. Мы не сможем сидеть здесь, когда дети наши воюют. Мы прогоним с нашей священной земли фашистов. Просим отправить нас на фронт.

– Пребольшое вам спасибо, дорогие аксакалы. Только, пожалуйста, останьтесь здесь, укрепите колхоз, дайте стране побольше зерна, продуктов, боритесь с лентяями. Фронтовики должны быть уверены, что у них крепкий тыл.

Наконец, заметив настойчивость пожилых добровольцев, военком с улыбкой заключил:

– Тогда вот что... потерпите дней пять-шесть, посмотрим, Армия наша огромная, нужды в резервах не испытываем, но если понадобится, о вас не забудут.

Поблагодарив, они вернулись в аул. Дома Балакардаш места не находил. Теперь он чаще стал вспоминать, как и его единомышленники отомстили деникинцам, как с помощью Красной Армии выгнали их из Дагестана. Когда он думал о фашистах, то становился свирепым, готовым перегрызть им горло, растоптать, уничтожить. Он знал, куда деть свою злость — скорей бы на фронт! Вот где сейчас его место!

Наконец условленные пять-шесть дней, показавшиеся Балакардашу годами прошли. Тщательно собрался в дорогу, попрощался с семьей и отправился в военкомат. На этот раз он добился своего.

Утром следующего дня из райцентра выехала полуторка с добровольцами старшего поколения. На машине был и Балакардаш. Он отправился на фронт.

«Не я буду, – говорил он, – если с Гитлера шкуру не спущу!»

КАМИЛЬ АБАКАРОВ

Юношеские годы Камиля Залибековича Абакарова српали со сложным революционным периодом в стране. Близость с передовой частью демократически настроенной молодежи помогла Абакарову понять процесс происходящих событий, и он без колебания становится в ряды революционной молодежи.

С первых дней установления Советской власти в Дагестане, в

1920 году, Камиля Абакарова — активного участника революционных событий — назначают секретарем Халимбегаульского ревкома, где он вместе с другими товарищами начинает проводить линию Советской власти.

В 1922 году, окончив курсы по подготовке учителей, Абакаров стал преподавать, а затем заведовать школой в родном ауле. Учителем он работал до 1929 года.

В 1930 году Камиль Абакаров поступил во Владикавказский горский педагогический институт, через год перевелся в только что открывшийся Дагестанский государственный педагогический институт, который закончил в 1933 году.

В 1929 г. он написал повесть «Жертва», в которой раскрываются две противоположные психологические тенденции — борьба нового, прогрессивно-революционного со старой, отживающей свой век буржуазно-помещичьей идеологией и религиозным фанатизмом.

Выступая против несправедливости в обществе, защищая угнетенных, автор пропагандирует прогрессивные и социалистические идеи, интернациональную дружбу.

В 1930 году вышел в свет роман Камиля Абакарова «Народный герой» о борьбе социально угнетенных слоев общества против угнетателей.

В период культурной революции учитель Абакаров на общественных началах работал культурмейцем по борьбе с безграмотностью среди взрослых.

К этому периоду относится его научная деятельность: он стал одним из активных авторов по составлению школьных учебников на кумыкском языке.

С 1933 по 1941 год Абакаров работал директором школы сначала в селении Султанянгиюрт, а потом в Буйнакске.

Началась Великая Отечественная война, и в сентябре 1941 г. Абакаров ушел на фронт. Он стал командиром орудия. В августе 1943 года Камиль Абакаров пал смертью храбрых под Смоленском.

На фронтах Великой Отечественной войны закаляли характер многие патриоты страны. Фронтовые письма — яркое свидетельство формирования характера, беспредельной преданное своему народу.

Жена и сыновья Камиля Абакарова бережно хранят пачку его писем. В одном из них он писал: «...как долго, мучительно долго тянутся эти минуты, полные опасности и тревоги. С минуты на минуту ждем приказа о наступлении».

И враг не дремлет...

Пишу ночью, при свете костра...

(Камиль. 23 сентября 1941»)

А вот письмо от 16 октября 1942 г., адресованное коллективу родной Буйнакской школы № 4:

«Здравствуйте тт. Гаджиев Х. и Светенко! Во-первых, шлю фронтовой привет и желаю успехов в вашей работе.

Екатерина Ивановна! Прошу Вас передать от меня всем учителям и учащимся школы фронтовой привет. Фронтовой привет также всем учителям и учащимся гор. Буйнакск. Желаю Вам успехов на педагогическом фронте. Товарищи! Обучайте и воспитывайте будущее поколение в коммунистическом духе, большевистской закалке, устойчивых к трудностям людей! Устойчивость необходима каждому. Мне на войне каждую минуту помогает устойчивая закалка, которую приобрел я в студенческие годы... Я здесь на фронте обучаю и воспитываю бойцов лучше стрелять и уничтожать врага. Каждый день своей грозной пушкой убиваю врагов и уничтожаю его технику. Обращаюсь к Вам от имени наших фронтовиков: боритесь самоотверженно на педагогическом фронте, воспитывая достойных людей, и это будет достойная помощь фронтовикам!»

В письмах Абакарова с особой силой раскрывается любовь советского солдата к людям, вера его в победу.

В письме от 26 декабря 1942 года Камиль писал: «Сегодня получил Вашу посылку. Большое спасибо за то, что не забыли меня, но в ущерб самим не посылайте мне ничего. Маржан, в такое время одеть, обусть и кормить семью очень трудно, но ты делаешь это, этого достаточно для тебя...

Если будем живы, будет все, не переживайте, скоро будет конец войне. Надо уметь преодолевать трудности...»

В письме от 20 марта 1943 г. Абакаров писал: «...Мы с 9 по 20 марта отбросили немцев на 50 км и сегодня остановимся в лесу. Днем и ночью шли тяжелые бои. В моей пушке пять пробоин... В нашем полку многих не стало... Ждем приказа.

...Ответить на все письма нет времени».

Письмо от 3 апреля 1943 г.

«После ожесточенных трехдневных боев сегодня наступило затишье... И вот пишу я вам письмо... Впервые за годы войны у меня на глазах слезы. Я потерял своего друга — земляка Огленко».

27 апреля 1943 г. Абакаров сообщал дочери:

«Дорогая дочка Вазипат! Как ты учишься? Почему об этом не пишешь? Мы ведь с тобой соревнуемся. Сколько у тебя пятерок — пиши мне, а я тебе напишу количество уничтоженных мною фрицев.

К 1 Мая подведем итоги нашего соревнования. Интересно, кто из нас победит? Папа».

«Дорогие дети!.. Получил письма, спасибо. Пишете, что посеяли кукурузу. Сделали очень и очень хорошо. Придется ухаживать, полоть, поливать. Если не будет дождя, то надо будет носить воду ведрами...

Ваш отец».

Из письма от 16 августа 1943 г.

«...Всем пламенный фронтовой привет. Мы теперь наступаем, фашистов гоним на запад. Идет ожесточенный бой, я чувствую себя хорошо, а дальше не знаю, что судьба решит... Будьте здоровыми, постарайтесь жить достойно.

Абидин! На этом конверте картина из той серии, как моя пушка, и мы также бьем фашистские танки».

Вот последнее письмо Камиля Абакарова, написанное 19 августа 1943 г. за 11 дней до гибели:

«Начиная от Абидина до Хутуя всем мой пламенный фронтовой привет. Маржан! У нас сейчас идут сильные бои. Мы каждый день фашистов гоним на 10–15 км к западу. Я своей любимой пушкой сегодня уничтожил самый крупный и сильный фашистский танк «тигр».

В этом ожесточенном бою я потерял трех бойцов. Мне самому тоже было очень тяжело, но мы победили, и я забыл о своей усталости и тяжести.

Маржан! Вы письма пишете почаще. Постарайся хорошо смотреть за детьми. Всем, кто спрашивает, передайте привет. Камиль».

МИШИ БАХШИЕВ

Татский прозаик, поэт и драматург Миши Бахшиев родился в 1910 году в гор. Дербенте.

С 1941 по 1953 год М. Бахшиев служил в рядах Советской Армии, а в период Великой Отечественной войны находился на фронте, был корреспондентом армейской печати и прошел славный

боевой путь вместе с частями Советской Армии, освободившимися от фашистских захватчиков нашу Родину, потом Румынию, Венгрию, Чехословакию.

Закончил воевать в Манчжурии.

ЛЕЙТЕНАНТ ИЗ ДЕРБЕНТА

Осенью 1944 года наша армия вела успешные наступательные бои на территории Венгрии. Я получил задание поехать в один из штурмовых полков, который располагался у небольшого городка Пюшпек-Ладань.

Стоял теплый солнечный день, когда я сошел с грузовика и остановился на одной из зеленых улиц. Здесь было тихо, как в лесу. Но вдруг эту тишину нарушили артиллерийские залпы и гул моторов.

Над городом появились вражеские бомбардировщики. – Бахшиев! – вдруг раздался сзади меня звонкий голос.

Я обернулся. Передо мной стоял молодой офицер в форме лейтенанта.

– Кто Вы? – спросил я.

Он улыбнулся.

– Не узнаете земляка?

А самолеты кружились над городом. Неподалеку уже разрывались бомбы.

– Пошли в укрытие, потом поговорим.

Я взял лейтенанта за руку и потащил за собой... Потом, когда бомбежка кончилась, и мы вышли на улицу, я стал его разглядывать.

– Значит, не узнаете? – спросил он.

– Нет.

– А я Вас сразу узнал. Меня, может быть, Вы и не знали. Я моложе Вас. Работал комсоргом на Дербентском консервном комбинате. Зовут меня Мухтаром. Теймуров фамилия моя. А брата моего Абдуразака Вы должны знать. В горисполкоме работает. В плановом отделе... И куда путь держите?

– В штурмовой полк.

– К нам значит...

Оказалось, что Теймуров исполняет обязанности заместителя командира полка по политчасти. Он мне и нужен.

– Идемте, будете моим гостем.

В полку Теймуров познакомил меня с командирами, рассказал о

лучших воинах, отличившихся в боях. А воевали люди этого полка храбро, штурмовали самые трудные, укрепленные линии обороны противника. На счету полка было много освобожденных пунктов, уничтоженных вражеских танков и самолетов, истребленных фашистов. Через день я тепло попрощался с Мухтаром, а еще через пару дней в газете появилась моя корреспонденция о воинах полка.

Теперь я знал, что недалеко от меня воюет мой земляк Теймуров. По мере возможности я старался посещать его полк, писать и организовывать статьи самих командиров и бойцов. И вот во время одной из таких поездок я был немало удивлен, встретив Теймурова бледным, осунувшимся. Он поднял на меня глаза и, приложив палец к уху, сказал:

– Я ничего не слышу. Контужен, а командира полка убило...Бой был горячий. Немцы не сдавали позиций. Вражеский снаряд прямым попаданием разбил командный пункт. Командир полка погиб, Теймурова контузило.– Ничего, – сказал Мухтар. – До свадьбы заживет... С Теймуровым я уже не терял связи. Всю войну до конца он шел рядом со мной. В начале 1945 года его назначили заместителем командира батальона связи по политчасти. Батальон этот, как и вся наша 53-я армия, потом перебазировался на восток и в составе Забайкальского фронта воевал против японских милитаристов.

ИБРАГИМ КЕРИМОВ

Ибрагим Абдулкеримович Керимов – писатель и ученый – родился 13 ноября 1922 года в сел. Нижний Дженгутай.

Добровольцем ушел на фронт Великой Отечественной войны, сражался на кавказских перевалах под Моздоком, Туапсе, Новороссийском, был разведчиком. В 1943 году Ибрагим Керимов был тяжело ранен и демобилизован из рядов Советской Армии.

Ибрагим Керимов – заслуженный учитель школ Дагестана и заслуженный деятель науки.

МАРТ 1944 ГОДА

Шел 1944 год. Северный Кавказ, как и многие районы страны, был освобожден от фашистов. Но враг, вынужденный уйти с

Таманского полуострова, укрепился в Крыму. И теперь штурмовая авиация Черноморского флота крушила гитлеровцев на древней земле Тавриды. К этому времени старший лейтенант Юсуп Акаев уже был заместителем командира эскадрильи, тридцать шесть раз водил на бомбоштурмовой удар группы по шесть, двенадцать, восемнадцать самолетов и имел на своем личном счету десять уничтоженных танков, четыре минометные и две артиллерийские батареи, десять железнодорожных вагонов, четыре потопленных сторожевых катера и два сбитых самолета «Мессершмитт — 109». Он был уже кавалером двух орденов Красного Знамени и ордена Отечественной войны первой степени.

Прославленного штурмовика Акаева хорошо знали бойцы и офицеры Черноморского флота и Отдельной Приморской армии.

Холодным мартовским утром 1944 года старший лейтенант Акаев повел двенадцать самолетов ИЛ—2 на Феодосию. Перед ним была поставлена жесткая задача: уничтожить в порту плавсредства противника.

Летели на большой скорости и на большой высоте. В ушах еще звучали слова командира полка Степаняна: «Внезапность атаки, умелая маневренность, плюс взаимовыручка — это почти успех». Приближаемся к порту! Идем на снижение! — скомандовал Юсуп по звеньям и первым повел свой самолет на цель.

Как ураган, прошла дюжина советских самолетов на небольшой высоте над портом. Сразу же были уничтожены две батареи дальнего боя и потоплен один танкер. При втором заходе вышли из строя три танкера противника.

Звенья уже выходили из атаки, когда с запада показалось двадцать «мессершмиттов», которые с ходу бросились на советские штурмовики. Но их атака была отбита, и враги, не решаясь повторить ее, скрылись за горизонтом. ИЛы легли на обратный курс.

И вдруг из темно-серых облаков, нависших над холмистым берегом недалеко от города, вынырнули два «мессершмитта» и бросились на машину младшего лейтенанта Михаленко, стараясь настичь ее длинными очередями. За ними шли и другие вражеские самолеты.

Заметив это, Юсуп, искусно маневрируя самолетом, прикрыл Михаленко, быстро взял в сетку прицела один из «мессершмиттов» и нажал на гашетку пулемета. Вражеский самолет резко спикировал на землю, оставляя за собой черную полосу дыма и гари.

Михаленко был спасен, но два других «мессершмитта», непрерывно стреляя из пулеметов, тотчас атаковали самого командира. Вражеские пули прошивали то правую, то левую плоскость его ИЛа.

Группа Акаева сбила еще шесть «мессершмиттов», после чего, не решаясь продолжать бой, враги отступили.

Советские самолеты без потерь вернулись на базу.

– Почему не попросили помощи? – спросил командир полка, когда Акаев доложил о выполнении боевого задания.

– Вы же сами говорили, товарищ майор, что внезапная атака, умелая маневренность да плюс взаимовыручка – это почти успех. У нас, кажется, все это было, — ответил Акаев.

– Благодарю вас за службу, товарищ старший лейтенант! – сказал майор и крепко пожал руку Акаеву.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ГЕРОЯ

Холодным осенним днем Юсуп поздно вернулся с очередного боевого вылета. Только посадил машину, прибежал механик Петров с радостной вестью:

– Товарищ капитан, разрешите доложить. Вам письмо от родных! – и протянул командиру треугольник, самый распространенный вид конвертов в военные годы.

В письме из далекого горного края сестры поздравляли капитана с днем рождения: оказывается, завтра ему исполняется двадцать два года, в жару воздушных битв и он забыл об этом. Соблюдая горскую традицию, отец и мать не поздравляли его. Юсуп очень обрадовался письму сестер, и хотя оно было написано на кумыкском языке, Юсуп показал его механику Петрову, ткнув пальцем в цифру 22.

– Вот сколько мне лет!

– Когда, товарищ капитан? – обрадовался Петров.

– Завтра, – сказал Юсуп и направился в свою землянку.

Письмо сестер, особенно упоминание о его дне рождения, заставило его задуматься. Промелькнула перед глазами его короткая жизнь: средняя школа, юридическая школа, в 18 лет – работа следователем. Потом летное училище. Звание капитана, командование эскадрильей штурмовиков, четыре боевых ордена...

«Не очень густо», – недовольно подумал Юсуп, и его густые черные брови сомкнулись.

Усталый и голодный, он даже не прилег, сразу же сел за грубый

самодельный стол и, вырвав лист из блокнота, написал рапорт командиру полка с просьбой дать новое боевое задание и не отослал, а сам отнес его в штаб.

Не сразу лег Юсуп и после возвращения из штаба, не сразу уснул, все думал и думал о предстоящем воздушном бое. Он думал о деталях тактики воздушного боя, который произойдет завтра, а быть может, даже сегодня ночью.

Наконец-то он заснул. Но сон его оказался тревожным. Юсупу казалось, что он летит над бескрайним Черным морем и видит внизу крейсер врага. Начинает бомбить. Показывается черная пелена дыма, а в середине ее – два длинных остроконечных языка пламени. Крейсер, погружаясь в воду, поднимает жалобный вой. От этого вой он проснулся. Открывает глаза: возле его кровати-топчана стоит адъютант из штаба авиационной дивизии:

– Тревога? – спросил Юсуп и мигом поднялся.

– Товарищ капитан, вас вызывает командир дивизии! – отдал честь адъютант.

Юсуп посмотрел на ручные часы: было половина третьего. Когда он, быстро одевшись, вышел, уже занималась осенняя заря.

Штаб авиадивизии находился в землянке под двумя большими каштанами. Полковник был один, и наклонившись над самодельным столом, толстым красным карандашом делал пометки на карте.

– Товарищ полковник, капитан Акаев по вашему приказанию явился!

– Вольно, капитан, – спокойно сказал командир авиадивизии полковник Манжосов, положив руку на плечо Юсупа. – Видите, капитан, вот Нарвский залив. По сведениям воздушной разведки, здесь враги собрали мощный морской кулак. Ваша задача – разогнать, а если удастся, и потопить его. Капитан Акаев, вы являетесь пионером топмачтового бомбометания. Покажите и на этот раз, на что способны советские летчики, – сказал Полковник и с добрыми пожеланиями проводил Юсупа до дверей.

Только рассветало, когда группа самолетов Пл-2, ведомая капитаном Акаевым, оказалась над Нарвским заливом. Но ничего не было видно: низко над водой стелился мутно-серый морской туман. Пролетали над заливом. При втором заходе сквозь редеющий туман заметили четыре катера и четыре баржи. В отдельные просветы виднелись части корпусов других военных кораблей.

В это время снизу заметили самолеты, завывала сирена,

заработали зенитные батареи. Акаев одну за другой сбросил три бомбы. Одна из барж накренилась, уткнулась носом в воду. На середине ее корпуса показалось пламя, которое постепенно превратилось в сплошной черный дым.

Два головных самолета с ходу направились на капитана. Он решил принять бой, вступили в борьбу и остальные его самолеты. Юсуп старался вывести свою группу из зоны залива, отвести хотя бы от зенитного огня. Но не удалось.

Илы и «мессершмидты» столкнулись лицом к лицу. Два вражеских самолета, стреляя, приблизились вплотную к машине Юсупа, а потом облетели с обеих сторон, стараясь сесть на хвост советскому самолету. Но Акаев в этот момент стремительно вырвался вперед, и не успели опомниться враги, как он уже ринулся сам в атаку. Теперь советский самолет шел с запада, а враги с востока. Так повторялось несколько раз.

Увидев, что сесть на хвост советскому самолету не удастся, враги изменили тактику. Один «мессершмидт» вдруг резко поднялся вверх, потом, нацелившись, спикировал прямо на советский самолет.

Юсуп сразу понял, что отвести свой самолет не сможет, и поэтому поставил его на бок. «Мессершмидт», чуть не задев Ил, пролетел мимо. Будучи в силах опять взять высоту, он вдруг поднял нос, но в это время левое его крыло повисло на одиноком узеньком выступе высокой каменной скалы: разломанный пополам, стервятник скрылся в прибрежном густом лесу.

Все это случилось настолько неожиданно, что Юсуп на некоторое время забыл даже о втором вражеском самолете. Когда же, вспомнив о нем, хотел возобновить бой, увидел, что тот уже летел на запад. Юсуп погнался за ним, настиг и послал ему в хвост длинную очередь из пулемета: «мессершмидт» вдруг резко поднял хвост и рухнул вниз, оставляя черную полосу на бледном небе.

Вот в эту минуту что-то снизу стукнуло и подняло самолет Акаева. Потом он стал постепенно снижаться. Юсуп видит: повреждены механизмы управления, один из моторов и рация.

Юсуп быстро повернул самолет назад: нужно было попробовать сделать посадку и непременно на своей территории.

Самолет Юсупа летел, качаясь и постепенно снижаясь.

Когда у Акаева перестала работать рация, в штабе забеспокоились. Самолет мог сгореть, летчик, конечно, мог спастись на парашюте, а может быть, он приземлился по ту сторону фронта

или даже не успел выпрыгнуть.

На аэродроме совсем юный радист, прижимая трубки радиации к ушам, беспрестанно взывал: «Марс... Марс... Я — Нева... Я — Нева...»

А «Марс» в это время сидел у своего самолета на небольшой поляне в далеком глухом лесу. Хотя он не долетел до своего аэродрома, ему все же удалось перелететь линию фронта, и он приземлился на первой же небольшой поляне, что встретила на его пути. Тщательно проверив самолет, Юсуп убедился, что, действительно, его дальше нельзя вести и что он сам, оказывается, вовремя принял правильное решение.

Опаздай он хотя бы минут на пять, — могло бы случиться непоправимое.

Юсуп посмотрел на компас. Ну, что покажет он? Где восток, капитан знал и без него.

Он осмотрелся, увидев вблизи высокое каштановое дерево, полез на него. Кругом, насколько хватало глаза, глухой лес, но в середине его, как островок в безбрежном океане, высится высокий холм. Юсуп узнал его: это ориентир 416. Отправляясь па выполнение задания, они летели над ним.

Юсуп прикинул: до этого холма километров пятнадцать, не больше, а от него до аэродрома три километра, это уж точно. Собрал ветки деревьев, он замаскировал ими самолет и направился к ориентиру.

* * * *

Первым, кто встретил капитана на аэродроме, оказался механик Петров. Увидев Юсупа, он очень изумился. Здесь делали сотни предположений, но никто не думал, что он появится вот так вдруг, среди ночи, да еще один, без самолета.

— Мы слышали о вашем подвиге, здесь все радовались, но потом... — механик осекся, потому что он хорошо знал, что значит для летчика, да еще командира эскадрильи, потерять свой самолет. Нахмурился и сам капитан.

Петров поторопился изменить тему разговора.

— Наверное, замерзли и проголодались, товарищ капитан? — спросил он виновато.

— Нет! — резко ответил Юсуп и оттуда прямо направился в штаб авиадивизии.

– Я знал, что вы вернетесь. Был твердо уверен. Даже на розыск не послал, – улыбнулся полковник Манжосов, увидев капитана.

Юсуп рассказывал все, как было, показал фотопленку.

– Ничего. Вы настоящий герой, товарищ Акаев. Я верил в вас. Получите другую машину, а пока несколько дней отдыхайте. Ну и вид у вас! Поправляйтесь! – сказал полковник, выслушав его рассказ.

– У меня просьба, товарищ полковник. Разрешите мне завтра же на рассвете с ремонтной бригадой отправиться к своему самолету и починить его на месте. В таком случае завтра же прямо оттуда я мог бы вылететь на выполнение нового задания.

– Опомнитесь, капитан. Возможно ли это?

– Возможно, товарищ полковник. Я все проверил.

Полковник испытующе посмотрел на Акаева, кивком головы выразил свое согласие и потом, будто опомнившись, обеими руками пожал его руку и тихо-тихо, как бы только для самого себя, произнес:

– Спасибо.

От штаба дивизии до землянок эскадрильи было больше трех километров.

Час с минутами остался до полуночи. Ложиться надо немедленно: на рассвете подниматься.

Вдруг он споткнулся и чуть не упал. Было темно, да еще с вечера шел мокрый снег, сапоги скользили. И все же он посмотрел под ноги: там оказался камень с кулак. Юсуп улыбнулся в темноту: камень такой маленький, а чуть не свалил его. И тогда вспомнил он, что со вчерашнего дня ничего не ел.

За знакомым нам самодельным столом в тесном кругу сидели офицеры эскадрильи. Увидев капитана, они дружно встали. Стол был сервирован по-фронтовому: сухари, консервные банки, белые алюминиевые кружки, водка, налитая в чайник.

– Я, кажется, вам помешал, товарищи? – спросил ничего не понявший Юсуп.

– Товарищ капитан, как вы можете нам мешать, если собрались тут ради вас? – улыбнулся Петров.

– Почему ради меня?

– Товарищ капитан, а вы забыли письмо ваших сестер? Помните, перед вылетом на задание?

Юсуп все понял, улыбнулся механику: хороший он офицер и друг, конечно же, он организовал и эту небольшую вечеринку. Сегодня Юсупу Акаеву исполнилось двадцать два года, и друзья

собрались, оказывается, на его именины.

Вечер был в полном разгаре, когда послышался шум подкатившей машины и в землянку тихо вошел человек. Офицеры повернулись к нему и быстро встали. Это был полковник Манжосов. Твердым шагом подошел он к Юсупу и, пожав ему руку, сказал:

– Товарищ капитан, поздравляю вас со званием Героя Советского Союза! Только что сообщили из штаба армии.

Офицеры бросились поздравлять своего командира.

– За что же, товарищ полковник? — несмело спросил Юсуп командира дивизии.

Полковник добродушно расхохотался:

– Я вижу, капитан, вы успели забыть, что в прошлом месяце потопили четыре корабля противника. Вы были представлены к званию Героя тогда же...

– Товарищ полковник, сегодня день рождения капитана, — сказал механик Петров.

– Нет, сегодня — день рождения Героя, — улыбнулся командир.

И УМЕНИЕМ, И ХИТРОСТЬЮ

Его найдешь не на всех картах, на некоторых он обозначен только крохотной точкой. Это небольшой остров в Балтийском море, и называют его Пий-Сари.

Фашисты имели на острове крепкую военно-морскую базу и поэтому обороняли его усиленным гарнизоном. Пользуясь выгодным расположением острова, фашисты мешали движению наших боевых кораблей в Балтийском море.

Советское командование решило высадить десант на Пий-Сари. Поддержка десанта с воздуха была поручена группе самолетов Ил-2 под командованием капитана Акаева Юсупа.

Остров имел круговую береговую оборону, усиленную долговременными огневыми точками. Перед группой Акаева стояла задача подавить все береговые огневые точки противника и тем самым дать возможность нашим десантным войскам закрепиться на острове.

К этому времени Юсуп Акаев уже командовал эскадрильей штурмовиков, считался признанным мастером бомбовых ударов, и, конечно, не случайно командование военно-воздушными силами Краснознаменного Балтийского флота поручило ему столь ответ-

ственное задание.

Но операция эта началась с небольшой заминки.

Боевое задание было получено Акаевым от самого командира авиадивизии полковника Манжосова в присутствии командира полка.

– Помните, товарищ капитан, в какой день приходится выполнять вам приказ Родины. Вы, конечно, понимаете, товарищ Акаев, всю ответственность? – сказал полковник Манжосов.

– Свою ответственность понимаю и глубоко сознаю, товарищ полковник, а вот насчет того, в какой день приходится выполнять задание, извините, не совсем понял, – ответил капитан и, словно извиняясь, посмотрел на полковника.

– Сегодня – двадцать второе июня, товарищ капитан. Ровно три года, как фашисты ворвались в нашу мирную страну. Так вот, пусть именно сегодня враг получит ощутимый удар.

— Виноват, товарищ полковник, я просто забыл, – сказал и улыбнулся.

Да, Юсуп действительно забыл, какое сегодня число. Последние дни были особенно насыщены боевыми событиями. Вылеты происходили ежедневно, иногда даже два-три раза в день. Враг отчаянно сопротивлялся, цепляясь за каждую деревушку, за каждую морскую милю.

На задание вылетели на рассвете. Но и рассвет был как бы условным, так как стояли белые ночи. Под самолетом проплывало Балтийское море, сердитое и волнующееся. Сверху виднелись седые хребты высоких волн, которые, перескакивая друг через друга, глубокой бороздой пересекали необозримую синюю гладь с севера на юг. Недвижим отяжелевший от дождя мутный воздух.

К острову приблизились к началу артподготовки. С двух боевых кораблей били наши пушки, враг отвечал усиленно, и советским летчикам удалось засечь основные огневые точки противника.

Эскадрилья капитана Акаева была уже над островом. Зная расположение огневых точек врага, Илы бомбили наверняка. После первого захода было уже подавлено три дзота противника, откуда вели усиленный огонь по высаживающемуся десанту. Но ИЛы успели только развернуться для второго захода, как с юга, с материка, показалось звено бомбардировщиков «Хейнкель-111», сопровождаемое четырьмя «мессершмидтами».

Акаев быстро поставил четкую боевую задачу, дал точные указания всем подчиненным. Даже по привычке успел спросить, нет

ли у них вопросов. Вопросов не было. Так прямо с разворота и пошли в атаку на врага.

– Атакую ведущего! – прозвучали в эфире слова командира.

«Хейнкель-111» и Ил-2 быстро сближались и чуть не столкнулись с ходу. Тяжелым градом ударили трассирующие пули по правой плоскости самолета Акаева. Враг опередил. Недовольный и злой, Юсуп сильно нажал на гашетку: пулеметная очередь будто рассекла серое небо. Но бесполезно. Враг безнаказанно вышел из атаки и пошел снова на разворот. Акаев заметил, что один из «мессершмидтов» берет его машину на прицел. Он быстро сориентировался в обстановке, резко поднял свой самолет, оторвался от «хейнкеля» и «мессершмидта», но в следующую минуту он так же резко спикировал и, взяв на прицел вражеский бомбардировщик, нажал на гашетку: задымил и черным комом покатился вниз «хейнкель». Даже в эту страшную минуту фашистский летчик успел сбросить весь свой бомбовый груз, но он попал в позиции своих же войск.

За короткий миг Акаев успел заметить, что внизу догорал еще один бомбардировщик врага. Но бой продолжался, бешено неслись по небу «мессершмидты», а третий вражеский бомбардировщик так и рвался вперед, стремясь бомбить наши десантные суда, но каждый раз Илы стойко преграждали ему дорогу.

Внизу цепко держались десантники за каждый клочок отвоеванной земли, наверху шел упорный воздушный бой.

За короткое время советским летчикам удалось сбить еще два «мессершмидта». Но и самолет Акаева получил несколько пробоин, был заклинен элерон, а бой продолжался. Что делать? Как бы ни старался летчик, самолет еле-еле держался, сильно кренился вправо. Будто онемели руки от напряжения, еле держали штурвал.

Уйти нельзя. Не уходит и враг. Пока Юсуп отвлекся, может быть, меньше чем на минуту, два «мессершмидта» успели атаковать и сбить один наш штурмовик.

Уйти нельзя – значит, надо найти выход. И Юсуп нашел: привязал штурвал к ноге и повел Илы в новую атаку.

После двухчасового воздушного боя остался в небе только один самолет врага – бомбардировщик, но и тот, сбросив бомбы на глухой лесистый берег, умчался вслепую. Занятые более важным делом — прикрытием десанта с воздуха, Илы не стали гнаться за удирающим «хейнкелем». Когда, успешно выполнив задание командования, наши

самолеты вернулись на свою базу, Акаева еле вытащили из машины: отяжелевшая и онемевшая от напряжения нога уже не подчинялась ему.

«ЭТО ОН»

«В любых условиях и в любой обстановке находит цель и наносит удар — сокрушительный удар по противнику».

Герой Советского Союза майор СТЕПАНЯН

(Из наградного листа Юсупа Акаева)

Задание было трудным. Противник упорно оборонялся на своих государственных границах, стараясь не пускать наши войска на свою территорию. На северо-западе особенно цеплялся за рубеж обороны в районе Клайпеды, Лиепай и Пиллау. Нашему наступлению очень мешала вражеская авиация, потому что за последние дни противник успел перебросить сюда из Франции свежую авиационную часть.

Воздушная армия, где служил Юсуп Акаев, получила задание на этом участке фронта обезвредить, а потом и уничтожить авиацию врага. Получила боевое задание и эскадрилья Юсупа Акаева.

Летать приходилось почти каждый день. На самые ответственные задания штурмовиков обычно вел сам командир эскадрильи.

Особенно удачным был штурмовой полет на порт Пиллау восьмого и двенадцатого апреля. Удалось потопить шесть судов противника водоизмещением двадцать девять с половиной тысяч тонн.

А вот сегодня капитан Акаев вел десять Илов на порт Лиепаяу, где противник скапливал морские силы для предстоящего контрудара.

На предельной скорости, на большой высоте приблизились к месту назначения. Порт был окутан бледно-сизым дымом и с большим трудом улавливались контуры стоящих на рейде кораблей.

Спикировали с ходу, но первый заход не дал ожидаемых результатов: удалось повредить только один катер противника. А второго захода не было: откуда ни возьмись, появились «фокке-вульффы», завязался воздушный бой.

Но силы были неравны: вражеских машин оказалось на две больше наших, да была непрерывно зенитная артиллерия всех судов и береговой обороны. Акаев несколько раз пытался перенести бой

дальше от берега, где особенно неистовствовали зенитные батареи противника, но это ему не удалось.

«Фокке-вульф» дрались отчаянно, атаковали упорно, шли на риск. Особенно отличался самолет с бубновым тузом на хвосте. Акаев знал, что такой знак бывает только на машине фашистского аса.

«Конечно, он и является тут ведущим. Только бы снять его!» — подумал Акаев и пошел в атаку на вражеского аса.

«Фокке-вульф» дрался отчаянно. Летчики атаковали в упор, стреляя друг в друга, но слишком опытными были они оба, чтобы сразу поразить друг друга. Был случай, когда их машины чуть не столкнулись лоб в лоб, и, если бы не умение Акаева быстро маневрировать в любых условиях, вероятно, погибли бы оба аса.

Но Акаев не собирался погибать. Ненависть к врагу давала ему силы, крепила волю, помогала выстоять в трудных случаях.

А какой ненавистью горели глаза фашиста! Настолько близко летели они оба, что Юсуп рассмотрел глаза противника. Кажется, враг тоже заметил лицо советского аса. Пусть!

В воздухе шла беспощадная, напряженная схватка. Не раз разворачивались самолеты топ и другой стороны для новых и новых атак.

И вот сейчас советский самолет стремительно шел к вражеской машине, но в какой-то миг Акаев потерял врага из виду: между ними, буквально под носом того и другого, черной полосой полетел вниз подбитый самолет противника. В следующий миг Акаев ясно увидел перед собой бубновый туз. Он с удовольствием сильно нажал на гашетку и долго не отпускал палец.

Вражеский самолет лениво покачал хвостом, будто прощаясь, и пошел на снижение. Опускаясь все ниже и ниже, он летел на восток, но дыма еще не было. Он появился спустя несколько минут и как-то сразу обволок густой пеленой и сам самолет, и тот участок земли, куда он падал.

Теперь численное превосходство было у советских летчиков. Не потеряв ни одного своего самолета, они сбили четыре вражеских. Но кончалось горючее, и нужно было уходить. Не успел Акаев дать команду, как увидел, что потеряв ведущего, враги дрогнули и повернули на запад.

Советские самолеты еле-еле долетели до своего аэродрома. Знавшие о ходе воздушного боя товарищи сразу прибежали, на руках,

можно сказать, вытаскивали летчиков из кабин. Правда, командира не посмели касаться, и Акаев сам, напрягая последние силы, ловко выпрыгнул из кабины. Никто не заметил, как он с такой же ловкостью вытер с лица градины пота.

На следующий день вечером позвонили из штаба дивизии. Капитана Акаева и тех трех летчиков, которые вчера сбили вражеские самолеты, вызывали к командиру дивизии полковнику Манжосову.

Люди были не на задании и поэтому немедленно поехали. У командира дивизии сидело несколько старших офицеров и девушка-сержант – дивизионная переводчица.

– Товарищи, — сразу обратился к летчикам полковник, — сегодня недалеко отсюда, в лесу, поймали летчика со сбитого вчера вашей эскадрильей вражеского самолета. Вот уж три часа, как просит, чтобы ему показали того летчика, который сбил его. Да черт бы с ней, с его просьбой, но обещает тогда открыть нам какую-то тайну, и поэтому пришлось побеспокоить вас. Мы тут подумали и решили, что стоит вас потревожить из-за этого.

– Товарищ полковник, вряд ли кто-нибудь из нас помнит того, кого сбил он вчера. Как тогда быть? – спросил командира Акаев.

– А это уж его забота. Он уверяет, что отлично запомнил своего «обидчика». Так он и сказал «обидчика», и никогда его не забудет, по его словам, — сказал полковник.

Летчики переглянулись. Акаев на миг представил налитые кровью, кипящие злобой и ненавистью глаза фашистского аса.

Приказав ввести пленного офицера, полковник обратился к летчикам:

– Я знаю, что вам не хочется лишний раз видеть противника. Ну что же делать, враг еще самонадеян и капризен. Но главное даже не в этом, а в той тайне, что он обещает открыть нам.

Акаев узнал его сразу, как только он показался на пороге. Значит, он вчера все же смог выпрыгнуть из горящего самолета. «Собственной шкурой-то дорожит, подлец!» – пронеслось в голове капитана.

Акаев сидел крайним, ближе к полковнику. Вражеский ас по очереди в упор разглядывал летчиков, а дойдя до капитана, быстро отвел взгляд и, обращаясь к командиру дивизии, неестественно громко сказал:

– Это он! Это точно он, господин полковник!

– Я почти не сомневался, — ответил Манжосов.

А вражеский летчик одним выдохом сказал длинную фразу и, опустив голову в поклоне, протянул Акаеву руку.

– Ну-ка, сержант, переводи, что пленный говорил, – обратился полковник к переводчице.

– Он сказал, что немцы уважают храбрых врагов и что он, немецкий офицер, не пренебрегает подать руку советскому капитану, – перевела сержант.

– Неужели так и сказал, что «не пренебрегает»? – спросил полковник. – Уточните это выражение.

– Переводчица спросила пленного и, получив ответ, подтвердила:

– Да, товарищ полковник, он еще раз подтвердил выражение «не пренебрегает» подать руку советскому капитану.

Вот фокусник, а? – улыбнулся полковник. – Да черт с ним! – обратился он к переводчице: – А ну, спросите пленного, какое важное заявление он хотел сделать советскому командованию. Скажите, что я имею полномочия принять его заявление в устной или письменной форме.

Внимательно выслушав переводчицу, пленный поднял руку, отдавая воинскую честь, и самым серьезным образом обратился к полковнику со следующим заявлением: – Безо всякого принуждения со стороны противника и со всей ответственностью заявляю, что в этой войне при сложившихся обстоятельствах победит Советская Армия! Это глубокое убеждение честного немецкого офицера.

– И все? Он хотел только это сказать? – удивился полковник и, получив ответ через переводчицу, что немецкий офицер «больше ничего не имеет добавить», в сердцах сказал: «Он или круглый дурак, или хочет одурачить нас!» — и, позвав адъютанта, приказал немедленно отправить пленного в штаб армии.

ВТОРАЯ ВСТРЕЧА

Это произошло после войны. Уже два года, как отгремели пушки на полях сражений великой войны, как к мирным будням вернулась могучая, окрепшая в боях Советская Армия.

Являясь командиром одной из эскадрилий, капитан Юсуп Акаев широко использовал свой боевой опыт, щедро передавал молодым летчикам.

В 1947 г. капитан сам лично выполнил четырнадцать

бомбометаний и двенадцать воздушных стрельб с оценкой «отлично», а эскадрилья, руководимая им, три раза привлекалась на летно-тактические учения в масштабе флота.

И вот этой эскадрилье дано специальное задание командования флота по учебному бомбометанию по линкору «Шлезвиг-Гольштейн».

Первую шестерку самолетов Ил-2 ведет сам командир эскадрильи. Жаркий летний день 1947 года, но жарко внизу, на земле, а тут, в воздухе, на высоте четырех тысяч метров, даже прохладно. Самолеты летят над южным берегом Балтийского моря; над прибалтийскими союзными республиками. Внизу зеленые леса и сады, желто-серые поля с поспевающими хлебами. Земля-мать живуча, и за два года уже успела залечить раны, нанесенные войной, а города и села с руинами встречаются почти через каждую минуту полета. А что стало с хуторами? На местах многих из них зияют багрово-черные прогалины. Как живо они напоминают о прошедшей суровой войне!

Лица летчиков серьезны, сосредоточены. В мирное время они выполняют боевое задание: на флотских учениях должны показать свою боевую выучку, бомбить макет бывшего германского линкора «Шлезвиг-Гольштейн».

В распоряжении каждого летчика по четыре бомбы – всего двадцать четыре. Если хотя бы половина из них ляжет в цель, задание можно считать успешно выполненным.

«Нет, этого мало! Из двух бомб одна идет вхолостую. Это же ничья. А в бою ничья не должна быть. Только победа!» – думает капитан Акаев.

ИЛы приближаются к цели, с земли начинают бить зенитные батареи «врага». Фосфорисцирующими линиями рассекают воздух снаряды. Умело маневрируют летчики, избегая их попадания. Прямо как на войне, только снаряды другие.

– Мы над целью! Бомбить только прямым попаданием! В атаку! – командует Акаев через несколько минут.

Шестерка Илов двумя заходами из двадцати четырех бомб пятнадцать положила в цель. Это была победа. Полыхал огнем и лениво шатался среди бурных волн Балтийского моря линкор «Шлезвиг-Гольштейн».

«Вот так встреча!» — подумал капитан и вспомнил свою первую встречу с настоящим линкором «Шлезвиг-Гольштейн» два года: с

лишним назад, в суровую весну тысяча девятьсот сорок пятого года.

Шли последние дни Великой Отечественной войны. Вот уже несколько дней бои проходили в самом логове германского фашизма, а на севере, в Померанской бухте, гроссадмирал Дениц, собрав все остатки разбитого германского морского флота, пытался помешать продвижению наших войск. Деницу удалось сколотить мощный кулак из тринадцати боевых единиц, среди которых было несколько крейсеров, эсминцев и мощный линкор «Шлезвиг-Гольштейн» — гордость германского морского флота.

Советское командование решило разгромить эту эскадру — последний морской оплот доживающего последние дни германского фашизма. В числе остальных получила боевое задание и эскадрилья Юсупа Акаева. Группу из двадцати самолетов Ил-2 повел сам командир.

Весна в том году была поздней. Еще тянуло холодом от встревоженных войной волн Балтийского моря. День туманный, вдобавок еще посеревший от огня и дыма, снарядов, бомб и пожарищ. Все же Илы летели на большой высоте, опасаясь заградительного зенитного огня эскадры.

Над целью пришлось немного спуститься. Среди кораблей, окутанных дымом своих же орудий, выделялся массивный корпус линкора «Шлезвиг-Гольштейн».

Акаев хорошо знал силу линкора с его дальнобойными орудиями на громадных башнях, с его стальной броней и мощными зенитными установками. Поэтому он решил атаковать именно линкор.

Эта атака была необычная и трудная. Зенитный огонь эскадры, особенно же линкора, был настолько мощным и густым, что в небе буквально не оставалось места, где бы ни было темно-багровых пятен от разрывов снарядов.

Все решали высота, быстрота и маневренность. Во избежание потерь Акаев решил атаковать с большой высоты и только звеньями. Первый заход на цель не дал результата, но один из самолетов получил небольшую пробоину.

При втором заходе прямым попаданием бомбы сам командир снес одну из двух мощных башен линкора. Было сфотографировано еще два попадания в его хвостовой части. Раненый гигант неистовствовал, как раненый зверь, одним залпом своих орудий выплевывал в серое небо около полутонны металла.

Третьего захода не было: иссяк боезапас. Группу Акаева

заменяли два: вена самолетов из минно-торпедного полка Балтийского флота, и не успел капитан посадить свои Илы на береговую базу, как советские самолеты разворотили нос линкору «Шлезвиг-Гольштейн», и он опустился в Балтийское море.

ХИЗГИЛ АВШАЛУМОВ

Хизгил Давыдович Авшалумов – татский прозаик, драматург и поэт – родился в 1913 году в сел. Нюгди.

С июня 1941 года по март 1955 г. Хизгил Авшалумов служил в рядах Советской Армии. В период войны Авшалумов был заместителем командира кавалерийского эскадрона, принимал участие в боях в районе Северного Кавказа и был ранен.

СЫН

(Рассказ)

Доброй памяти моего друга, бывшего однополчанина А. В. Потапова

Я шел по неоглядной степи, освещенной закатными лучами апрельского солнца. По ней, с хрустом щипая молодую, ярко-зеленую траву, медленно, врассыпную двигалась отара в направлении кошары. Было темно, прохладно и ветрено.

Мимо меня, подрагивая непомерно вздутым животом, бежала из последних сил, словно спасаясь от погони, лохматая овца с грязной клочковатой темно-коричневой шерстью. Вдруг она остановилась, как вкопанная, возле приземистого кустика, и тут же с тревожным и прерывистым блеянием рухнула на землю, как сраженная пулей. Ноги ее начало сводить судорогой, и сама она затряслась как в лихорадке. Несколько раз животное с жалобным криком пыталось поднять голову, но тут же беспомощно роняло ее опять на землю.

Прибежал чабан, пожилой человек среднего роста, в папахе такого же темно-коричневого цвета, как и шерсть на его овце, в стоптанных и облепленных грязью кирзовых сапогах. Бросив ярлыгу, он быстро опустился на корточки и принялся осторожно давить заскорузлой рукой живот овцы.

Я тихо подошел и остановился возле старика. Заметив меня, он, не отрываясь от дела, чуть поднял голову и, повернувшись лицом в

мою сторону, кивнул мне со сдержанной улыбкой. Не прошло и пяти минут, как чабан бережно подхватил трепещущего новорожденного ягненка, также бережно положил его перед носом матери.

Ягненок был беленький, с мокрым тощим тельцем, черным пятнышком на лбу. Овца, совсем обессиленная, изнуренная родами, продолжая еще дрожать всем телом, принялась с горячей нежностью обнюхивать своего детеныша. Старик опять взял ягненка на руки и, ласково глядя на него, с добродушной усмешкой на смуглом, с крупными, но редкими морщинами на худощавом лице, с нарочитой громкостью произнес: – Ну, «богатырь», узнал, кто твоя мать, а теперь попробуй материнское молочко!

С этими словами он приставил ягненка к вымени овцы. Ягненок тотчас же принялся живо сосать мать, словно он проделывал это уже тысячу раз. Чабан поднялся и, протерев мокрые руки о свою старую темную ватную стеганку, поздоровался со мной за руку и, тут же показав взглядом на овцу и ее младенца, доверительно, точно старому знакомому, молвил:

– Сейчас ходи да гляди в оба: что ни день, то десять-пятнадцать овец ягнятся у меня в отаре. Сегодня уже четырнадцатая.

Чабан на мгновение умолк, потом, с неожиданным любопытством посмотрев на мои корреспондентские атрибуты — фотоаппарат и полевую сумку, спросил:

– В командировку?

– Да, я из республиканской газеты.

Старик понимающе кивнул головой, дружелюбно улыбаясь одними глазами. Они у него были карими, приветливыми, с твердым, но немного грустным взглядом. В это время подошел другой чабан молодой совсем парнишка, лет семнадцати, видно, его помощник. Честно говоря, если бы он не держал ярлыгу и не носил на плече котомку, я бы ни за что не подумал, что он тоже чабан.

Парень был одет, как некоторые тогдашние наши щеголи. На нем были ладные хромовые сапоги, новые габардиновые галифе и гимнастерка, перехваченная в талии блестящим офицерским ремнем, светло-серая каракулевая папаха, заломленная набекрень. Мое удивление еще больше возросло, когда он назвал пожилого чабана «отцом».

Внешностью своей парень хоть сколько-нибудь не был похож не только на отца, но и на южанина вообще. Курносое добродушное лицо со светлой кожей, задорно-веселые голубые глаза, мягкие

льняные волосы — все как будто выдавало в нем уроженца северных областей России.

«Может, кто из предков старого чабана или его жены был русским?» — невольно подумал я про себя. — Ведь во времена долгих шамилевских войн было немало случаев, когда николаевский солдат, очутившись у горцев, принимал их обычаи, веру, роднился с ними, женившись на горянке... А в потомках, как известно, очень часто оживает облик близких и далеких предков. Молодой чабан низко склонился над овцой, мягко погладил ее по впавшему после родов животу, затем ласково дернул за куцый, бойко шевелившийся хвостик ягненка, поглощенного своим занятием. Потом он, выпрямившись, повел рукой по мягкому с ямочкой подбородку и, прищурив задорно-веселые голубые глаза, сказал старику:

— Отец, я отнесу ягненка в кошару, в тепляк.

Старый чабан вместо ответа молча кивнул головой. Парень извлек из котомки какую-то серую тряпку, старательно завернул в нее ягненка и двинулся к кошаре, желто-камышевые заборы которой отчетливо виднелись отсюда на фоне темно-синего вечернего неба. Овца раза два беспокойно заерзала на месте, потом тяжело, с трудом поднявшись, пошатываясь, поспешно засеменила за своими детенышами.

Когда я глядел вслед уходящему молодому чабану, мне вдруг показалось, что я где-то видел его и не первый раз. Я видел это лицо, эти голубые с прищуром глаза, видел этот привычный жест, слышал этот голос, но где?.. И почему-то думалось, что видел я его, когда служил в армии.

И я тут же стал перебирать в памяти людей, которых знал или хорошо запомнил за годы сравнительно долгой, почти пятнадцатилетней военной службы. Она для меня началась в первый же день вероломного нападения фашистской Германии на нашу страну и кончилась только три года назад. Но так и не вспомнив, где встречался я с этим парнем, я вдруг со всей ясностью понял, что я его никак не мог видеть среди своих бывших сослуживцев ни во время войны, ни после нее. Ведь парнишке-то от роду, наверное, не более семнадцати? Я даже поразился: как такая нелепая мысль могла прийти мне в голову?..

За степной далью уже погасло зарево. Начало темнеть. Старик, покрякивая на овец, то и дело размахивая длинной ярлыгой, стал торопить их к кошаре. Ему в этом помогали лохматые чабанские псы-

волкодавы с коротко отрезанными ушами и благодушно-свирепыми мордами. Они, бесшумно подойдя вплотную к отстающим овцам, подгоняли их своим сердитым рычанием и угрожающим лаем: чего, мол, мешкаете, не слышите команду?!

Почуввав приближение отары, маленькие ягнята в кошаре, видимо, только что выпущенные из тепляка, дружно и разноголосно заблеяли. И тут же, убыстрив шаг, им начали вторить овцы.

Когда отец и сын пропустили всю отару в кошару, в ней некоторое время началась отчаянная суматоха, настоящее столпотворение. Пока матки и ягнята искали, находили друг друга, они истошно орали, кричали на разные голоса, страшно суетились, бегали взад и вперед, как очумелые, оттесняя, отталкивая друг друга. Казалось, вся вечерняя степь от края до края наполнена сейчас их невообразимым криком, шумом и топотом.

До единственной в этой местности захолустной железнодорожной станции, куда я держал путь, оставался еще добрый десяток километров. Надвигалась ночь, темная, ветреная. В такую ночь в незнакомой степи запросто можно сбиться с дороги, заблудиться. Поэтому, когда гостеприимный чабан предложил мне остаться у них ночевать, я охотно согласился.

Через час мы со стариком, точно два старых знакомых, сидели в чабанке – маленькой глинобитной хатенке с голым глиняным полом. В углу на черном ворсистом войлоке лежала аккуратно свернутая постель. У правой стены возле низенького окна стоял небольшой стол с приемником, на котором громоздилась большая кипа книг с тетрадами. В самодельном очаге, дымя тихо, без треска горел овечий кизяк. Из круглой медной кастрюли без крышки, стоявшей на нем, исходил аромат вареного мяса. Огонь отбрасывал красноватый свет, который делал невзрачную чабанку как-то уютней и приветливей.

Парня с нами не было. Когда мы со стариком направлялись в чабанку, он, о чем-то поговорив с отцом, сел на лошадь и ускакал.

В кошаре, наконец, воцарилась тишина. Только иногда доносилось сонное блеяние ягнят и маток. Но среди этих редких голосов все время, непрерывно раздавалось надсадное, громкое блеяние какой-то овцы. Она буквально разрывалась. Я невольно стал прислушиваться: что с ней?

– Да это овца, у которой два дня назад после родов пал ягненок, – почувствовав мое недоумение, объяснил чабан. — Мы с сыном решили загнать завтра ее в специальную клетку, запереть ее там на

два-три дня и приставить к ней чужого ягненка, мать которого принесла двойняшек... Ничего, привыкнет к нему, полюбит, как своего, — уверенно заключил мой собеседник.

И хозяин стал рассказывать, как эта самая овца вчера ночью, прорвав плотный камышовый забор, бежала в открытую степь. Вернулась на рассвете, вся помятая, испачканная грязью, с откусанным курдюком — волк отхватил. Видно, серый бродил один, притом был сыт или очень стар, иначе бы ей, бедняге, не унести ног. Сразу же по возвращении в кошару, овца, не найдя своего детеныша, пыталась опять бежать назад, но ее с трудом поймали, насильно водворили в кошару и привязали на веревку.

— Не ест, не пьет, все время кричит, — с грустью проговорил чабан. Когда мы поужинали и начали курить, я спросил старика, куда поехал его сын на ночь глядя.

— На центральный кутан колхоза, — ответил он. Две недели от матери нет писем, вот и волнуется. Заодно и свежие газеты прихватит. Но когда я сказал ему, что мне сначала показалось, что мальчик не его сын, а какой-то русский парнишка, старик неожиданно вздрогнул и смутился, а сигарета, которую он держал между пальцами, на минуту так и застыла возле рта. Заметив это, я сам почувствовал себя очень неловко: «Неужели он понял меня по-дурному?» — мелькнуло в голове.

Наш непринужденный дружеский разговор на какое-то время был прерван неловким, тягостным молчанием. Но первым нарушил его сам хозяин.

— Ты, кунак, верно заметил, — вопреки моему ожиданию заговорил он спокойным и почти дружелюбным тоном, стараясь не выдавать своего волнения, которое все же чувствовалось по его слегка дрожащему голосу, — Иса у меня не родной сын, а приемыш... Он бросил недокуренную папиросу в потухающий очаг и, с минуту задумчиво уставившись на него, заговорил вновь.

У меня кунак, нет своих детей, — тихо, точно рассуждая сам с собой вслух, начал он свой рассказ, который я слушал не перебивая. Дети у меня были, но все они умирали в младенческом возрасте. И что только я не делал, чтобы спасти их: и лекарства разные добывал и знахарей приглашал заговаривать болезнь, не жалел последние деньги на садака — все попусту. За что меня так бог карал — не знаю. Я боялся, что так и останемся с женой на всю жизнь бездетными. А на что она жизнь человеку без детей...

Из девяти моих детей выжил только один, Магома его звали. И когда он болел, – а дети, кунак, чем только не болеют, – мы сами с женой едва не умирали от горя и тревоги. А когда он чувствовал себя здоровым и резвился, смеялся, казалось, счастливее нас не было на свете людей.

Зато каким парнем он стал, когда вырос, если бы знали: сильный, красивый, смелый. Словно судьба, которая всегда была неласкова с нами, наконец, сжалилась и вознаградила нас с женой за наши потери, за наши страдания. Мы с женой собрались было женить его, подыскали ему невесту, хорошую девушку, думали, скоро, дай бог, будем нянчить внуков, ко тут, к несчастью грянула война...

В первый же день войны мой сын ушел в армию, на фронт. Надо ли говорить, как тяжело было нам отправлять единственного сына на войну, где каждый день тысячами гибнут люди? Но что делать: когда враг грозит тебе, с кинжалом ломится в твою саклю, об этом думать не приходится. Да и сам он, как я заметил, был доволен и даже горд, что едет сражаться с ненавистным врагом, как и подобает мужчине в такой грозный для Родины час.

Я работал: день и ночь находился при отаре, но сердце, все мое существо были там, на фронте. Каждый день думали, гадали с женой, где сейчас наш сын, жив ли, а может, ранен или, не дай бог, убит?.. Если бы не письма, что он нам часто посылал, мы бы извелись.

И вот однажды вместо письма от сына принесли нам какое-то извещение. Сказали: из райвоенкомата. Ах, кунак, не знаю, как: вам это передать... Мне, скажу я вам, было бы легче, в тысячу? раз легче принять пулю в грудь или кинжал в бок, чем слышать то, что писалось в этой черной бумажке...

Голос у старика дрогнул и смолк. Он опустил глаза, на лице, точно траур, легла скорбная тень. Молчал и я. Но через минуты две он, справившись с волнением, продолжал свое горестное повествование:

– С того дня будто свет померк для меня, – тяжело вздыхая произнес он. – Я сразу состарился лет на десять. Я-то еще кое-как крепился, взял себя в руки, но жена моя прямо-таки гибла на глазах. Ночью, когда ни проснусь, она сидит, сиротливо обняв колени, тихо ноет и качается, как от неутихающей боли. Есть поговорка у нас: «Кто не имеет печали, тот не поет, кто не болен — не стонет». «Эй, жена, – говорю ей, – ради бога, перестань изводить себя! Не один

твой сын погиб на войне. У других, которые погибли, тоже есть матери!..» А она будто не слышит меня.

Однажды весной 1943 года, месяца три спустя после гибели нашего сына, я как-то узнал, что в Хасавюрт привезли целый эшелон маленьких детей-сирот из блокадного Ленинграда. Мы в то время, как и сейчас, находились на зимних пастбищах. Оставив отару на попечение младшего чабана, я немедленно отправился в город на попутной машине. В детдом, где разместили эвакуированных ребят, в те дни приходили многие, чтобы взять осиротевших детей, поэтому моему приходу никто не удивился. Был послеобеденный час. Малыши все спали на маленьких кроватках. И все они были страшно худые, изможденные и такие жалкие, смотришь – комок к горлу подступает.

Вместе с директором детского дома, полной пожилой женщиной с добрым лицом, мы осторожно пробираемся мимо кроватей спящих детей. Когда я подошел к кроватке одного из малышей, такого же заморыша, как и все остальные, который спал, склонив набок белую, точно седую, головку, он вдруг открыл глазки, уставился на меня, и, представьте себе, начал улыбаться мне так, будто он хорошо знает меня или я ему родной.

В то же время было что-то очень жалобное и беспомощное в этой его улыбке. Она, эта улыбка, скажу вам, приковала меня к месту, спазмы сдавили мне горло...

Словом, что тут долго говорить: вот с того дня этот русский малыш вошел в нашу жизнь, точно солнышко ее озарило, стал нашим сыном. Вы же видели, каким он молодцом выглядит сейчас. Работает со мной в отаре и учится заочно в ветеринарном техникуме.

Старик умолк, взволнованный воспоминаниями. Он стал рукой шарить возле себя, ища сигареты. Я быстро достал свои, и мы опять закурили. Я подождал немного, а потом, как бы между прочим, спросил его, чтобы разрешить внезапно возникшую у меня догадку, какой была фамилия у Исы, когда он усыновил его.

– Задумчивое лицо моего хозяина постепенно стало расплываться в широкой улыбке, а потом он вдруг негромко рассмеялся, поперхнувшись дымом.

– Знаете, смешная такая – Петухов... – кашляя, воскликнул он. И тут меня точно обожгло. Я вспомнил, где я видел Ису, то есть, человека, который так поразительно похож на него. То был мой однополчанин, молодой солдат – кавалерист Владимир Петухов. Мне

он запомнился больше, чем некоторые другие бойцы в нашей эскадроне, может, потому что кроме него и меня – все у нас были донские казаки. Хотя Петухов был ленинградцем, но почему-то в шутку они дразнили его, называя «тамбовским казаком». Откровенно говоря, я до сих пор не знаю, что кроется за этой шуткой, но чувствовалось, что что-то не злое, не обидное. Но я хорошо помню и то, что, и «тамбовский казак» тоже не оставался в долгу. Вставая в нарочито горделивую позу и привычным жестом, касаясь ладонью мягкого с ямочкой подбородка, «презрительно» щурил на них свои задорно-веселые голубые глаза, затем громко, насмешливо выпалил: «Да, ваши отцы были казаками, а вы ...казачий!..» А те дружно покатывались со смеху.

Я знал о Петухове еще то, что у него жена умерла от голоду в блокадном Ленинграде, а его полторагодовалого сына эвакуировали, но куда – он не знал. И это его очень тревожило.

В январе 1943 года во время нашего наступления на Кубань осколком фашистского снаряда Петухову оторвало кисть левой руки. И с тех пор мы не виделись. Но у меня дома сохранилась его фотография с адресом.

Я был крайне взволнован этим неожиданным для меня открытием. И чтобы не обнаружить перед старым чабаном своего состояния, я встал и поспешно вышел во двор.

Ветер совсем стих. На небе мигали неяркие звезды. Ночная степь, окутанная густой тьмой, безмолвствовала. Только из кошары продолжал по-прежнему доноситься надрывный голос безутешной овцы, потерявшей своего ягненка. Я смотрел на ночную мглу и видел перед собой печальное лицо своего далекого друга. Дробный топот скачущей во весь опор лошади вывел меня из тяжелого раздумья, которым я был охвачен сейчас. Иса, у самой чабанки, осадив лошадь, не сходя с нее, радостно крикнул отцу:

–Г-е-гей! От мамы письмо! Письмо от мамы!..

...С тех пор во мне два человека постоянно борются друг с другом. И каждый из них требует, чтобы я слушал только его. Один приказывает: «Напиши Владимиру, что нашелся сын!.. «Другой грозно шепчет: «Не делай этого, не лишай стариков последней радости!» И я не знаю, кого из них послушаться.

Так проходят недели, месяцы, годы. Я каждый год посылаю Владимиру поздравительную открытку с Днем Победы. Но о том, что видел его сына, что знаю, где он, написать все же не решаюсь. Вот

уже много лет, как я ношу эту тайну в себе. Одному мне известно, как я мучаюсь, страдаю от этого.

Сейчас я нахожусь в Ленинграде, в городе, где живет мой русский друг. Седьмой день, как я здесь, лежу в военном госпитале для ветеранов войны. Завтра мне будут делать операцию, очень сложную. Не знаю: выдержу ли? Я испытываю большое беспокойство, а вдруг сегодняшней день — последний день в моей жизни? И эта тайна, которую я храню столько лет, навсегда уйдет со мной. Нет. Хватит откладывать! Надо спешить, пока еще есть время!.. Вот сейчас достану из тумбочки бумагу и ручку, напишу Владимиру. Напишу, где я нахожусь, напишу, где его сын, напишу, почему до сих пор, страдая и мучаясь, молчал об этом!

АБАКАР МУДУНОВ

Поэт и прозаик, Абакар Алиевич Мудунов родился в 1918 году в селении Унчукатль Лакского района. В декабре 1941 года А. Мудунов был призван в Советскую Армию. Учился в Сталинградском военно-политическом училище и в июне 1942 года был отправлен на фронт заместителем комбата по политчасти. Воевал в Сталинграде, на Брянщине и в Крыму.

ЯСТРЕБ

Голоса войны – это скрежет металла, грохот взрывов, леденящий душу свист пуль и вой снарядов... Грустная песня «Бьется в тесной печурке огонь...» – это тоже голос войны.

Но иногда умолкают ее голоса, и тогда такая тишина повисает над полем сражения, словно и нет войны. И уже не верится, что она заговорит снова.

В редкие часы затишья бывалые фронтовики скучают. Слоняются без дела, провожают глазами плывущие облака, пишут письма: «Боевой привет с фронта!..»

Безмолвие царит вокруг – и только редкий посвист снайперской пули напоминает о том, что война продолжается.

И вдруг, словно гром среди ясного неба, хором рывкают вражеские минометы-шестистволки. Столбы пыли вздымаются тогда над землей, заслоняют и небо, и солнце, и розовые облака, выглядевшие такими мирными. Тогда руки бойцов сами тянутся к

оружию, суровеют обветренные лица солдат, твердеет в глазах решимость.

По выжженной солнцем золотистой степи откуда-то издалека шагают тонкие белые столбы линии связи. Еще вчера они были мирными стройными березками. Темными фронтовыми ночами они похожи на погасшие свечи. По столбам, как по вехам, можно пройти к переднему краю. Земля здесь изрыта ходами сообщения, глубокими окопами, землянками, щелями, воронками от снарядов и бомб. Людей тут редко увидишь. Словно кроты, зарылись они в землю и живут там...Наш полк стоял в обороне. Старинный русский городок Ливны, за который мы зацепились, был когда-то обилен церквями. Теперь все они превратились в бесформенные груды битого кирпича, и только одна колоколенка чудом выстояла в боях. Белая, вызывающе красивая, она возвышалась над руинами городка и, должно быть, здорово мозолила немцам глаза. Вражеские пушки не раз внезапно открывали огонь по городской колоколенке. Но она стояла, как прежде, неуязвимая, легкая и стройная, и с высоты любовалась своим отражением в спокойной воде речки Сосны.

Бойцов угнетала затянувшаяся тишина. Но, пожалуй, больше всех страдал от вынужденного бездействия один из моих саперов по прозвищу Ястреб.

Конечно, у него было и настоящее имя. Но кличка пристала к нему крепко, он давно привык отзывать на нее и ничуть не обижался. Действительно, он был похож на ястреба. На узком лице выделялся тонкий нос с горбинкой, а большие, действительно круглые желтые глаза вечно искали чего-то и не находили. Смотреть в них было немного жутко – они излучали какую-то хищную отвагу.

При всем том был он веселый парень. Плясал Ястреб лучше всех в полку. Положив руки на бедра, он так отбивал чечетку, что на самодеятельных концертах его всегда вызывали на «бис». И пел он отлично. Настроив гитару, чуть наклонив голову, потрескавшейся от окопной жизни пятерней рванет, бывало, струны и под звучный аккорд выложит тут же сочиненную частушку:

Эх, махорочка душистая,
Да земляночка тесна!
Вот разделаем фашиста,
Тут и кончится война.

Как-то раз, спев в нашей саперной землянке новую озорную частушку, Ястреб прижал струны ладонью, обвел нас глазами и

спросил:

– Хороша?

Солдаты закивали в ответ, кто-то захопал.

— То-то, – сказал Ястреб. – И в землянке сидеть хорошо. Сидим, языком ложки полируем. А на других фронтах бои идут. Там, слышать, в кожухах у «максимов» вода закипает. А у нас затворы поржавели. Уйду я от вас, ребята, попрошусь туда, где дерутся. Мочи нет, казенные штаны даром протирать.

В это время в землянку вошел политрук. Его зачем-то вызывали в штаб.

Ястреб бросился навстречу.

– Ну, что там? – волнуясь, спросил он. – Вперед пойдем, наступать будем? Не тяни, скажи, когда?

– Вперед пойдем обязательно, – спокойно ответил политрук. – А когда, то начальству виднее. Сейчас у нас другая задача: в совершенстве овладеть материальной частью. Учиться будем. Понял, Ястреб?

– «Учиться!» – передразнил Ястреб. – На курицу, что ли, переучиваться? Материальную часть в сорок первом я как свои пять пальцев изучил. – Он поднял свою большую жилистую руку и сжал в кулак. – Э-эх, командиры! Тут и впрямь курицей станешь!

– Не бунтуй, Ястреб, лучше сыграй еще что-нибудь, – сказал сержант-артиллерист, забредший к нам с соседней батареи.

– Сыграть? — отозвался Ястреб. – Вы бы на своих «гитарах» немцу отходную сыграли! Дали бы огонька, чтобы все у них там кверху дном пошло. А то сидите, битюги здоровые, как у тещи на именинах! Порох бережете – паклю... ее сверх нормы расходуете. Начистили пушки – того и гляди, сороки унесут.

Молодой пехотинец хихикнул в полутьме землянки. Ястреб сразу обернулся на смех:

– А ты, пехота, чего скалишься! Бока отлежал? Забыл, небось, как «ура» кричат! Мин боитесь? Так мы вам мины обезвредим. На то мы и саперы.

Он махнул рукой, повесил гитару и подошел ко мне.

– Слушай, командир, дай бинокль. Пойду хоть посмотрю на немцев.

Минуту спустя я тоже вышел из землянки.

Ястреб стоял в окопе, широко расставив ноги, и пристально разглядывал в бинокль село Воробьевку, где проходил немецкий

передний край. И это уже не в первый раз так. Он часто просил у меня бинокль и подолгу смотрел в ту сторону.

– Ты что там изучаешь? — спросил я.

– А что мне там изучать? — ответил Ястреб. — Я там каждый забор, каждый кол, каждый камушек знаю. Я ведь сам воробьевский. Тут и жил, тут и рос, и родня моя вся тут, и детки... Э, да что говорить... Пойду и впрямь спою ребятам, что ли.

Так прошел этот день. За ним другой, третий...

Осень медленно отступала перед надвигающейся зимой. Вода, стоявшая в воронках, покрылась коркой льда. Днем косые лучи солнца не успевали справиться с тем, что за ночь наковал мороз. Но Сосна еще не замерзла. Повар с нарядом устроился на берегу, у самой воды. Я был дежурным по кухне и, поеживаясь, смотрел, как солдаты красными от холодной воды руками чистят и моют картошку. Тут и разыскал меня связной из штаба. Вызов был срочный...

Вернулся я поздно. Морозный воздух следом за мной ворвался в землянку, и махорочный дым сизым туманом пополз к двери. Длинное пламя коптилки качнулось, затрепетало, тени забегали по стенам. Прижавшись спинами друг к другу, спали саперы, недавно вернувшиеся с работы. Те, что не спали, тихонько вели свои солдатские разговоры о доме, о близких, о любимых. Уютно потрескивал в печурке хворост.

Ястреба в землянке не было.

Я разбудил спящих и рассказал о приказе, полученном в штабе. Этой ночью предстояло провести разведку боем и добыть языков. А нам приказали расчистить дорогу разведчикам.

Солдаты, утомленные бездействием, оживились. Посыпались шутки, вопросы, предложения.

Открылась дверь, и вместе с клубами морозного пара втиснулся Ястреб с термосом за плечами. Почему-то все разом замолчали при его появлении. Это вышло случайно, но Ястребу показалось, что от него скрывают что-то. Он насторожился, поставил термос на земляной пол и вопросительно обвел нас взглядом:

– Ну, что там? — спросил, ни к кому не обращаясь.

– Да ничего, — серьезно ответил какой-то шутник, — концерт будет после ужина. Пойдешь?

– Точно концерт? — спросил Ястреб, в полутьме отыскав меня своими круглыми глазами.

– Точно, — сказал я. — Пойдем фрицам концерт давать.

– Вот это дело! Давно пора! – оживился Ястреб. – Ну, раз концерт, буду гармонь готовить.

Он быстро справился с ужином, сполоснул котелок и молча принялся за дело: отрегулировал миноискатель, смазал саперные ножницы, проверил диск автомата. Потом зачем-то чисто побрился, достал свежий платок из вещмешка...

Ночь выдалась морозная и звездная. Ястреб уверенно шел впереди. Он назубок знал расположение наших мин. Да что там мин! Тут он знал каждый камушек, каждый кустик и уверенно выбирал путь — когда-то этими тропами частенько хаживал на мельницу, где жила его невеста.

Мы шагали за ним гуськом, в затылок друг другу, старались не отстать и не сбиться с дороги. В такую ночь бывает, что в трех шагах теряешь соседа.

Так миновали мы сосновую рощицу, спустились к реке. Тишина и покой стояли над фронтом. Изредка то здесь, то там взлетала в небо одинокая ракета да шарили порой в темноте голубые щупальца прожекторов.

Умело выбирая дорогу, Ястреб скрытно вывел нас к переднему краю обороны противника. Тут поступь его стала осторожнее. Теперь он шел, на каждом шагу широко взмахивая миноискателем, словно разметал дорогу. Вдруг замер на месте, обернулся и тихонько чмокнул губами. Это был сигнал остановки. Мы распластались на земле. Ястреб стал на колени, голыми руками разгреб мерзлую землю, очистил корпус мины, нежно, едва прикасаясь пальцами, ощупал металл, нашел взрывное устройство и несколько минут внимательно изучал его.

Нам слишком медленными казались его движения. Впереди короткая ночь и опасное дело. Но мы понимали, что с первой вражеской миной нужно обращаться особенно вежливо. Не заглянув в пасть зверю, не вырвешь его клыки. Слишком дорого обошлась бы здесь любая неосторожность.

Наконец Ястреб решился и вывинтил взрыватель. Перевернув обезвреженную мину, он еще раз внимательно осмотрел, ощупал ее, положил на землю и подошел к нам. Шепотом объяснил устройство мины. Взмахивая искателями, саперы двинулись вперед, как косцы на лугу, расчищая широкую, тридцатиметровую полосу к вражеским заграждениям. То один, то другой, обнаружив мину, склонялся над ней, и, обезвредив, шел дальше. Так добрались мы до проволочных

заграждений. Отложив искатели, саперы взялись за ножницы. Лязг металла, едва звучавший в морозной тишине, казался нам пугающе громким. Но немцы ничего не слышали. Оттуда, из-за линии заграждений, доносились негромкие голоса, звуки губной гармошки. Там веселились. А мы с каждой секундой все яснее ощущали, что вот сейчас, едва закончим свою работу, эта обманчивая тишина уступит место привычным голосам войны.

Но пока все было по-прежнему тихо. И по-прежнему изредка взмывали в небо ракеты, каждый раз заставляя нас плотнее прижиматься к земле. Невидимые, неслышимые, как бесплотные духи, мои саперы работали уверенно и спокойно. Дело подходило к концу. Я уже хотел дать сигнал к отходу, но тут заметил человека, который полз оттуда, с немецкой стороны. Это был Ястреб. Он подполз вплотную ко мне и шепотом, прямо в ухо, сообщил, что там, за первой линией заграждений немцы поставили вторую.

Новость была неприятная. Времени у нас оставалось в обрез. А не снять вторую линию заграждений мы не могли. Это означало бы, что вся наша работа пойдет насмарку.

Я, не раздумывая, двинулся вперед, взмахом руки дал знак солдатам идти за мной. Ястреб обогнал меня. Мне оставалось еще полпути до второй линии, а он уже сбросил шинель и, лежа под проволокой, работал ножницами.

Полчаса спустя, выполнив задание, мы спустились в ложбину, где нас ждали разведчики.

– Счастливо, братцы, мы свое дело сделали, теперь ваш черед, – напутствовал их Ястреб, вытирая кровь с исцарапанных проволокой рук. – Тащите «языков», дорога чистая...

Один за другим разведчики пропали в темноте. Ястреб смотрел им вслед. При свете ракеты я заметил грусть на его лице.

– Что не весел? – спросил я. – Отлично же поработали.

Он глубоко вздохнул в ответ и сказал негромко:

– Какое же нынче веселье! Рядом был, а в дом родной не заглянул... Эх, проклятая война!

Он шел, как все, твердым шагом, но голова его была опущена, а на ресницах явственно блестел иней.

Когда мы вернулись в землянку, Ястреб снял гитару со стены, тронул струны и вполголоса запел:

Злые пули, куда вы летите,
Обжигая беззвездную ночь?
Вы пробить мое сердце хотите
Иль хотите прогнать меня прочь.

От порога отцовского дома,
От лесов, от полей, от реки,
Где мне каждая тропка знакома,
Где мне звезды и травы близки?

Не гудите, свинцовые пчелы.
Мое сердце в надежной броне.
Скоро ваши далекие села
Склонят головы, кланяясь мне...

Он так и не заснул до утра. А когда вернулись разведчики, он долго расспрашивал их о ночном поиске и о маленьком домике, что стоит у колодца с высоким журавлем...

Через девять дней наши войска перешли в наступление. И Ястреб дошел, наконец, до порога отцовского дома.

РАДЖАБАЛИ ОМАРОВ

Даргинский писатель, драматург Раджабали Омарович Омаров родился в 1913 году в селении Гапшима Акушинского района. В 1939 году его призывают в Советскую Армию. С первых же дней Великой Отечественной войны участвует в боях против фашистской Германии. Под городом Ярцево Раджабали был ранен. После выздоровления учится в военной школе, а в мае 1944 года Омарова отзывают в распоряжение Дагестанского обкома КПСС.

КАМИЛЬ ВЕРНУЛСЯ!

(Отрывок из повести)

Матерям, потерявшим сыновей в Великую Отечественную войну, посвящаю

Есть в народе поговорка «Ни к чему песня без желания, как и стоны без боли». А вот у горянки Салихат ее сокровенное желание

рождало тревоги. Потому что желание ее было самым великим материнским желанием – она хотела, чтобы оба ее сына, которых она вырастила без отца, живыми вышли из пламени войны. Как не крепилась она, не желая показывать перед людьми свою слабость, но часто не замечала, что слезы тревоги текут по ее лицу. Она просто не могла не выйти на улицу навстречу почтальону с одними и теми же словами, которые произносили ее дрожащие губы: «Нет ли весточки от моих сыновей?»

Когда лучи солнца покрывали окружающие аул горы утренней позолотой, она выходила на веранду и сразу находила глазами два могучих дерева, растущих рядом друг с другом на краю утеса, словно они выросли из того крепчайшего камня. Деревья напоминали ей сыновей. Глядя на них, она иногда тихо напевала песню, в которой говорилось, что нелегко говорить о любви и что рождается она не в глазах, а в сердце.

Почему же в ее сердце родилась любовь к этим деревьям на обрыве? Может, потому что существовало поверье, согласно которому тот, кто погубит хоть одно из них, погибнет и сам? И мать застраховывала таким необычным способом жизнь своих мальчиков? Наверное, так. Ведь она каждое утро вспоминала это поверье.

Но вот в одно утро горы словно накрыло черной буркой. Не сразу разглядев заветные деревья, над которыми гордо кружился орел, Салихат заволновалась. Гроза надвигалась, гром уже сотрясал веранду, на которой стояла женщина, а огненные копыта молнией все чаще прочерчивали небо. И каждую молнию Салихат молила: «Оставь мои деревья! Ведь они никому не мешают. Но небо не услышало. Когда одно из деревьев запылало костром, пронзенное молнией, Салихат неверными шагами вернулась в комнату; журабы, которые она вязала для сыновей, выпали из ослабевших пальцев. Страшное предчувствие уже не уходило из ее сердца, обожженного небесным огнем.

Через несколько дней пришла весть о том, что один из ее мальчиков сгорел в огне войны. И кто знает, может, падая на огненную землю, он увидел не только дорогое лицо матери, но силуэты деревьев на обрыве и простился с ними, уходя в небытие.

Дурная весть быстро находит адресата. «Ваш сын Камиль героически погиб, сражаясь за Родину».

Эти слова теперь, не переставая, звучали в мозгу Салихат. Слезы, которых она не показала сыновьям даже тогда, когда не стало их

отца, теперь беспрерывно текли по щекам женщины. И все же, хоть глаза и плакали, сердце не хотело верить тому, что сына нет. Она не слышала соболезнований и очень смутно видела аульчан, пришедших разделить ее горе. Глаза, которые она поминутно вытирала, неотрывно глядели на дверь. Двадцать лет уже прошло, как не стало ее мужа, но ей почему-то казалось, что он вот-вот должен явиться на горестную весть. Чувство одиночества делало ее горе еще тяжелей. Временами она колотила себя по коленам и рвала на себе волосы, и из ее горла вырывался хриплый крик раненой птицы:

– Ох, как тяжело одиночество, в огне бы и ему сгореть!

Дом Салихат гудел, как улей, от тихих голосов аульчан, навещавших несчастную. Если заходил инвалид, вернувшийся с войны без руки или на костылях, Салихат жалобно спрашивала его, почему он не привел с собой и ее Камиля. Слушать причитания матери было нестерпимо.

Пришел выразить соболезнование и старик Насрулла. Но так жалок был вид убитой горем солдатской матери, что он растерял все приготовленные заранее слова сочувствия. Старик не мог произнести ни слова и уже сделал несколько шагов к двери, решив уйти молча, но все же пересилил себя и вернулся.

— Твой муж Сулейман, — заговорил он, — сражался в рядах борцов за Советскую власть в наших горах. Тогда у вас было двое малышей. Если не запамятовал, один из них уже ходил, а другой еще только учился первым шагам. Вместе с ними, помнится, ты приходила на поле боя с припасами для мужа. Сулейман погиб в бою, оставив тебе двух сирот. Ты не показала слез осиротевшим мальчикам и воспитала двух джигитов, не уставая повторять им: «Будьте такими, как отец». Ты ведь говорила им так, Салихат!.. Так вот, не могли твои сыновья позволить кому-нибудь захватить Родину, за которую их отец пожертвовал жизнью. В этом все дело, если ты хочешь знать. Это было завещено их отцом. Исполняя завет отца, воюют твои сыновья.

Салихат подняла голову и посмотрела вслед уходящему Насрулле. В это время к ней, тяжело опираясь на палку, подошла незнакомая старуха. Откуда она, кто такая? И почему она смотрит так, будто знает ее? Салихат посадила гостью рядом с собой, и та тотчас же затянула жалобное причитание. Но, странное дело, ее глаза, похожие на увядшие цветы льна, оставались сухими. Плач продолжался, а из глаз не выкатилось ни одной слезинки.

Притворяется, что ли? — Тяжкие времена настали, Салихат, — выговорила старуха.— Ты, верно, не знаешь, кто я? Меня зовут Маржанат. Ты помнишь меня, дрожащую под навесом вашего двора в одну из морозных ночей. Много лет прошло с тех пор. И по-всякому колотила и мяла меня жизнь. Но сказанное мне тогда тобой слово «мама» до сих пор не стерлось в моем сердце. И мое старое тело не забыло, как ты согрела его, пригласив меня в дом. Добро, сделанное человеку, не стареет... Ты была совсем молоденькой. Прав был урахинский Батырай, когда говорил, что время мчится, как всадник на горячем скакуне... — Я пришла разделить с тобой твою горе. Не осуждай, что явилась поздно. Желания сердца уже не прибавляют сил моим ногам.

— Спасибо, что пришла разделить мое горе, — поблагодарила Салихат.

Старуха поднялась.

— Да не наступит для тебя и твоих близких такой час, что заставил бы забыть сегодняшнее горе!.. Моя просьба к тебе, Салихат, побереги слезы и послушайся Насруллу: подними журабы, которые ты не довязала. Если бы слезы помогали, то не было бы на свете человека счастливее меня. Поверь мне...

Салихат зло посмотрела на уходящую старуху и не удержалась, крикнула в сердцах:

— Какую же беду ты пророчишь мне, чтобы я забыла сегодняшнюю?! — опустив голову, тихо закончила: — Лучше бы ты не приходила, чем сказать такое.

Маржанат вернулась от дверей и снова села рядом с Салихат.

— Может, я не то сказала? Тогда прости, Салихат. Я ведь не к тому, что желаю тебе нового горя. Эти слова обычно принято говорить в таких случаях.

Жизнь человеческая коротка, а бед в ней много. И беда не приходит одна. Не напрасно ведь говорят в народе, что беда идет и с собой десять ведет. Так было и в моей жизни. Пусть никому не достанется столько горя, сколько пришлось на меня. Сколько не молила я Аллаха, он не избавил меня ни от одного несчастья, назначенного мне судьбой... Я бы рассказала тебе о своей жизни, если бы у тебя нашлось время слушать меня. Говорят, что забота мельника о воде, и тебе сейчас не до чужих забот. Только мельник может остановить утекающую в щель воду кусочком дерна или мха, а от наших с тобой бед не найти лекарства.

Старуха хотела уйти, но Салихат жалобно взмолилась, чтобы она осталась.

– Побудь у меня несколько дней, мать. Мне кажется, ты хочешь рассказать мне о том, что лежит у тебя на сердце. Может быть, твоя история успокоит мое сердце.

– Хорошо, Салихат, – снова села старуха.

В комнату вошла убитая горем молодая жена погибшего и поставила перед гостьей и свекровью поднос с хлебом и кувшин с водой.

– Проголодались, наверно, поешьте хоть хлеба, — сказала она и собралась уйти. Но Маржанат остановила ее, выразила соболезнование и пригласила.

– Еда вкусна, когда ее разделишь с другими. Садись ты тоже с нами, дочь моя.

Старуха заметила, что женщина в положении, и горестные воспоминания о сыне, который когда-то у нее был, перехватили ей горло. Она была вынуждена сделать несколько глотков воды, чтобы проглотить кусочек хлеба. Лицо Маржанат побледнело, руки дрожали.

– Принеси хоть супа, доченька, — обратилась Салихат к невестке, – видишь, Маржанат не может проглотить хлеб.

– Простите, поторопилась, думала, что голодны, потому на скорую руку... Сейчас и суп сварю.

– Нет, нет, сядь, дочь моя. Я сейчас и воды не могу проглотить. У меня часто случается такое. Вы обо мне не беспокойтесь!

Маржанат собралась рассказывать историю своей жизни. Салихат глянула на нее, подобрала с пола журабы, и спицы медленно задвигались в ее руках.

– Тяжко, – начала старая женщина, – когда человека провожают из дома, желая счастливого возвращения, а он не возвращается, и не вернется никогда. Что может быть тяжелее этого? Это рана, которая никогда не заживет. Сильно жжет перец, горька отравы. Но с какой радостью жевала бы отраву, зная, что тут же умру от нее, если бы... Если бы мой муж и сын вместе с другими участвовали сейчас в смертельном бою с врагом! О, Аллах, ты знаешь, что это правда! Страшно терять близких, но я бы гордилась тем, что они пожертвовали собой за народ. И ни на один день не оставила бы работу.

– Верно говоришь, Маржанат. Раньше, если умирал молодой

человек, то родные и близкие целый год ходили в трауре. Никто из них не приближался к месту, где люди веселились. Женщины и летом не снимали шубы, мужчины не брились. Нынче, как говорит старый Насрулла, в каждом втором доме люди потеряли близкого на фронте. Их отцы и матери, жены и невесты, сестры и братья отдаются горю ночью, чтобы днем выйти на работу. Жалко смотреть утром на них, не выспавшихся, убитых горем. Тяжелое время! Правда, и сейчас есть такие, кто тихонько споет веселую песню, случается, что и свадьбы играют, если не днем, так ночью. Живые же люди! Приспосабливаются, живут, как велит на то война.

Долго сидели рядом Салихат и старая гостья. Салихат заливалась слезами, но теперь она плакала над горем, страшной судьбой собеседницы, у которой сельский богатеи убил мужа прямо на клочке его земли, а грудной ребенок, сын, угас, потому что от горя у нее пропало молоко. О многом другом, страшном, что ей пришлось испытать, рассказала Маржанат. Все, что может вынести человек, вынесла она в молодые годы и осталась жить, и только плакать разучилась. Салихат плакала за обеих, но странное дело, отпустил ее голову огненный обруч боли, сердце забилося спокойней. Ее собственное горе стало частью другого, еще большего. Разделенное горе – половина горя.

На следующее утро аул разбудил звонкий крик Салихат. Она стояла на веранде, освещенной первыми лучами солнца, и призывала односельчан:

– Эй, люди! Мой Камиль вернулся! Идите посмотреть на моего Камиля.

Смеясь и плача, поднимала она навстречу солнцу запеленала того ребенка, своего внука Камиля, которого родила на рассвете ее невестка.– Эй, люди! Мой Камиль вернулся!

ЗУЛЬФУКАР ЗУЛЬФУКАРОВ

Даргинский прозаик и драматург Зульфукар Зульфукаров встретил Великую Отечественную войну четырнадцатилетним подростком. В шестнадцать лет он уже служил в действующей армии, был юнгой на больших «охотниках» за подводными лодками.

СУМЕЙ

(Главы из повести)

*Он грудь подставлял врагам, как вот эта гора.
И, как вот та туча, разбивались враги о его грудь.
Эффенди Капиев*

Серо-желтый склон горы. Ни кустика, ни травинки. Сакли из серого гранита с желтыми плоскими крышами тесной кучкой прилепились к склону. Многие крыши – дворы для соседей. Заборы, сложенные из валунов, так сжали улицы, что они сплющились в извилистые тропки. У единственного родника стоят, не шелохнутся три мощных тополя.

Это аул Муги, гнездо горцев.

В знойный июльский день 1942 года во дворе сакли собрались почти все аульчане. Провожали на фронт третьего сына Абдусалама – Ису. Мать Исы Хамис не спускала с сына печально-испуганного взгляда.

Из лохматого молчаливого ряда стариков отделился один и, тронув струны чунгура, выкрикнул так громко, что все разом притихли:

– От рожденья ты герой!

После этого он степенно подошел к Исе и крепко сжал ему руку.

– Друг отважных храбрецов, – продолжал он уже не так громко, но, подойдя к Абдусаламу и пожимая ему руку, снова возвысил голос:

– И взрастил тебя отец.

Всем душманам на беду.

Тут он вышел на середину двора и, уже не сходя с места, запел, аккомпанируя себе на чунгуре:

Как от бури задрожит
Враг, достигнутый тобой.
И клянусь я: темен свет
Если подвиг твой неправ.
Вай, далалай, мой Иса!

Все присутствующие, шумно выразив восторг и согласие с песней, стали пожимать руки Исе и его отцу.

Иса осторожно обнял певца и, отворачивая лицо с повлажневшими глазами, сказал; хриплым голосом:

– Великое спасибо тебе, отец! Жители моего аула останутся довольны мною.

Старик отстранился немного, приосанился:

– Наш аул небольшой, но мы гордимся им, потому что все мужчины до единого были красными партизанами. Мы крепко били Деникина. Мы громили собаку – Гоцинского. Мы ни словом, ни делом не изменим своей чести. Нам, старикам, есть чем гордиться. Наша молодость прошла в боях и походах.

Тут старик снял папаху, подглядел в нее, словно в зеркало, подумал и звенящим от напряжения голосом продолжил:

– Семьдесят зим заметало метелями мою голову. Ты видишь – она белее снега на вершинах гор. Но тело мое не утратило легкости, а глаза все так же зорки. Будет трудно – крикни. Я приду на помощь. Все придут на помощь!

Старики переглянулись, выпрямились и дружно заверили:

– Придем! Валлагиль-азим, придем!

Маленькая старушка выметнулась из кучки горянок и проворно повесила Исе на шею амулет. Иса смешался и, растерянно глядя на аульчан, не нашелся, что сказать. Старушка погладила невесомой рукой плечо молодого горца и прошелестела беззубым ртом:

– Это – хаят, змеиный камень. Нет Лучшего талисмана, чем хаят. Если этот камень, сделанный из головы змеи, носить на теле, то он сохранит в бою, придаст мужества и силы.

Старушка проворно растворилась среди горянок. Иса только сейчас пришел в себя. Порываясь снять с себя талисман, он в смятении выкрикнул:

– У меня есть талисман! Комсомольский билет!

Его остановил отец:

– Не обижай старушку, сын. Она от всего сердца.

Дядя Исы, учитель Сумей, все время сидевший в глубокой задумчивости, вскинулся, обвел горцев печальными глазами:

– Так ли надо провожать в армию?! – спросил он. – Мы стремимся – не берут, а ему вон какое счастье привалило!

Он подошел к Исе. Хлопнул его по спине: – А ну, племянник, развей в пыль эту землю! Пусть фашист услышит, как она дрожит от твоей пляски и заранее содрогнется! А ну!

Аульский зурнач Сурхай закручивает «буденовские» усы, откидывается назад и важно подносит зурну к губам. Над саклями аула взлетает звонкая трель. Горделиво выпятив грудь и стрельнув глазами, барабанщик дробным громом разбавил знойную мелодию. Все зашевелились, повеселели.

С гиком ворвался Иса в круг, взлетел птицей и со всего маха встал на носки. И застыл так, словно кинжал, брошенный в землю. Затем полетел, закружился в вихревом ритме лезгинки.

Никто и не заметил, как плавно поплыла по кругу мать Исы. Слезы текли у нее по щекам, и она то и дело стирала их ладонями.

Во дворе появилась тоненькая девушка-почтальон. Она и Иса не сводили глаз друг с друга. Они, казалось, забыли обо всем. А все остальные не сводили глаз с нее: какие вести принесла она от родных с фронта?

Одна из горянок не выдержала пытки молчанием.

– Ты пришла на Ису смотреть или письма раздавать? Не терзай замученной души!

– Тебя люди как огня боятся, — добавила неприязненно другая.

И третья вмешалась:

– И когда ты кончишь смерть раздавать?

Тут на них орлицей налетела мать Исы, Хамис:

– Перестаньте! Не стыдно вам? И горе, и радость она делит вместе с нами. Разве оттого, что эту сумку станешь носить ты, или ты, что-нибудь изменится?.. А сколько радости принесла она вам? А сколько еще принесет? Правда, Аминат?

– Нет! – твердо ответила девушка. — Больше не принесу. Ни радости, ни горя. С завтрашнего дня разносчиком радости и горя будет кто-нибудь другой. А сейчас... – Аминат извлекла из недр почтальонской сумки толстое письмо и протянула той горянке, которая обвинила ее в том, что она разносит смерть. – Тебе, Марзият, жирное, как буйвол Усмана, письмо от мужа с фронта. Месяц читать будешь, не кончишь.

Горянка всплеснула руками, выхватила письмо, глянула, расцвела, обняла Аминат.

– Дай аллах тебе большого счастья! — выкрикнула она, и бросилась вон со двора. В воротах она остановилась, постучала костяшками пальцев себе по лбу и попросила: — Прости дуру, за обидные слова.

– Ничего, я уже привыкла, — отмахнулась девушка и, когда горянка убежала с письмом, которое она бережно обеими руками прижимала к груди, ответила на ждущие взгляды аульчан.

– Только одно письмо получила я сегодня. Только одну радость посчастливилось принести, — и, опустив голову, пробормотала:

– И одно большое горе... — Тут она обратилась к Сумену. — Наконец-то я добилась своего, учитель.

– Да?! — Сумей даже привстал от удивления, а потом, словно был виноват в чем-то, опустил глаза. — Обскакала ты учителя... Нехорошо... Когда?

– Завтра с утра велено прийти.

У Исы тревожно забегали глаза.

– О чем разговор, если не военная тайна? — спросил он.

Сумей махнул рукой.

– Аминат! — взволнованно взмолился Иса. — Я... И за тебя, и за себя... Я... Не ходи. Не надо.

— Ты уходишь, а мне оставаться?.. Может быть, там встретимся, Иса? А так, — она сняла сумку, встряхнула ее. — И мне почтальона со страхом каждый день ждать? — Аминат осторожно дотронулась до руки поникшего Сумена. — На курсы санитарок взяли.

Ису окружили. И так, в плотном кольце аульчан, Иса прошел к грузовику и взобрался в кузов, битком набитый добровольцами из других аулов Акушинского района.

Вернулись во двор только свои: Сумей, его жена Хадижат, его сестра Хамис и ее муж Абдусалам. Хадижат увела плачущую Хамис в саклю. Мужчины остались вдвоем.

– Ну вот, — сказал после долгого молчания Абдусалам. — Еще один кусок сердца... Нет, ты не подумай ничего плохого. Я как-нибудь... Но боюсь за мать. — Он снял папаху, задумчиво заглянул в нее, встряхнул, пригладил. — Сколько раз я сам ходил в военкомат. Не берут. Писал даже в Москву. Не помогает. Говорят, достаточно и молодых.

– Я разве стар? — разозлился Сумей. — Почему меня не берут?

– Ты, брат, болен. И не дури. Хамис троих сыновей проводила в огонь. Теперь и брата единственного провожать прикажешь?

– Ты у нее муж тоже не десятый, а единственный. Это еще вопрос, кого тяжелее провожать – единственного брата или единственного мужа.

Абдусалам невесело усмехнулся.

– Ты оказывается философ.

– Станешь тут философом, если все время только и думаешь, как бы обмануть комиссию и попасть на фронт. Но на этот раз я придумал такое, что никто меня не остановит.

Абдусалам внимательно посмотрел на Сумена: не шутит ли? И сказал на всякий случай:

– Не делай глупостей, Сумей.

– Ты забыл пословицу, брат, — ответил на это Сумей. — Пошатнулся зуб – не удержится.

– Зато я не забыл другую, – отпарировал Абдусалам. – После бури за буркой не бегают. Не берут, значит – не возьмут. И хватит уже об этом!

Абдусалам потоптался немного: не скажет ли Сумей еще что-нибудь? Но Сумей молчал, повесив голову, и Абдусалам, безнадежно полоснув воздух рукой, ушел в саклю.

– Не берут, значит, – не возьмут, – повторил Сумей слова Абдусалама и вдруг решительно направился к столу, который был выставлен во двор для гостей. – А я не буду спрашивать!

Сумей схватил куски сыра и чурека, завернул в обрывок газеты и тут же спрятал, потому что в саклю вошла жена.

Хадижат с подозрением посмотрела на мужа. – Аминат отправляется вслед за тобой. Невесту твою взяли, а меня нет. Обидно, племянник, обидно...

– Сумей, прошу тебя, пойдем, хоть ты утетишь сестру.

Сумей отвел глаза.

– Ничего, – сказал он, – пусть поплачет... Ее сейчас скорее успокоит женское участие, чем мужское слово. Иди, иди к ней.

– И когда же будет конец нашим слезам и горю? – сказала печально Хадижат, и слезы заструились у нее из глаз.

– Успокойся, жена, – срывающимся от острой жалости и вины перед женой голосом попросил он. – Верь мне: настанет день победы, будет радость, будет праздник.

– Но не все будут петь и танцевать, на нем.

– Ничего не поделаешь – война.

– Чует мое сердце — ты покинешь меня. Мне страшно, Сумен. Что я буду делать без тебя с малютками?

– Сумей порывисто прижал голову жены к своей груди и, поглаживая ее по вздрагивающему плечу, стал успокаивать.

– Ну что ты, дорогая! Не плачь. Я всегда буду с вами. Ты же у меня герой.

– Да, герой... – вытирая глаза кончиком головного платка, Хадижат печально улыбнулась.

Сумей украдкой глянул на часы и сказал охрипшим от волнения голосом:

– Ну, ну, иди же, иди, дорогая. Ты сейчас нужна Хамис.

– А ты?

– Я что-то устал сегодня. Посижу немного тут.

Сумей сел. Потом, для большей убедительности, принял безмятежный вид и облокотился на стол, так, чтобы жена не видела свертка. Хадижат долго смотрела на него, тяжело вздохнула и, едва передвигая ноги, ушла в саклю.

Сумей встал, тихонько прокрался к окну, осторожно выглянул, потом снова присел к столу и, озираясь, набросал записку. Положив ее на видное место и придавив стаканом, он взял свертки.

– Иначе не могу... Прощайте, дорогие мои... – шептал Сумен, крадясь на носках к выходу со двора.

За воротами он одним махом взлетел на коня и припустился вскачь.

На копытный цокот выбежал Абдусалам. За ним – Хамис. Абдусалам всполошился:

– Вах! Куда же делся мой конь?! Как же это? Увидел, что во дворе нет Сумена, и высказал догадку:

– А-а, Сумей... Видно, решил проводить Ису из Акушей.

У Хамис затряслись губы.

– Нет, – сказала она, тиская платье на груди. – Чует мое сердце, что-то здесь не то. Не провожать поскакал мой брат. Нет!

Она метнулась в саклю. «Ушел на фронт. Сумей».

— Сумей!.. Сумей!.. — что было сил крикнула Хадижат. У нее потемнело в глазах, она пошатнулась, готовая рухнуть на землю. Хамис и Абдусалам бросились к ней.

«Сумей!.. Сумей!..» — крикнули голосом Хадижат горы, и в этом крике были отчаяние и страх.

Потом горы повторили плач ребенка, и наступила гулкая тишина. Такая тишина бывает только в горах...

II

Они засели в разбитой школе и второй день сдерживали бешеный натиск врага. Во время одного из коротких затиший ефрейтор, бывший в карауле, доложил:

– Товарищ старшина! Ползет к нам кто-то.

– Где? — встрепенулся старшина.

– А вон! — ефрейтор махнул рукой и стал целиться. — Сейчас я его срежу.

– Стой! Стой! — истошно завопил Непейпиво и в самый момент выстрела успел ударить по винтовке ефрейтора. — Ты меня срезать хотел, замороженная консервная банка!

Непейпиво намеревался уже ударить ефрейтора, но Сумей перехватил его руку:

– Брат! Миша! С ума сошел?!

Тут вбежала санитарка. Всхлипывая от пережитого, она набросилась на всех.

– Очумели от страха! Сквозь фрицев прошла, а свои чуть не подстрелили.

– Машенька! — сказал Непейпиво, едва не плача. — Що же это ты?! Зачем?

Старшина отстранил его и, грозно выпятив грудь, нажал на голос: и тут появилась снова с Хадижат, которая крепко прижала к груди ребенка. Абдусалам между тем уже нашел записку, оставленную Суменом, и недоуменно разглядывал ее. Глянув на женщин, он прочел: — Какого черта! Что тебя сюда принесло! В пекло такое! Но санитарка, как всегда, ничуть не испугалась его.

– А я привычная к жаре, — отрезала она. — Раненых из-под пуль таскать — не в садике гулять.

Заступился за нее и Непейпиво:

– Що ты, старшина, гавкаешь, как тот волкодав? Женский пол требует деликатности в обращении.

Испуг за Машу у него уже прошел, и он снова был в своей стихии.

– Молчать! — разъярился старшина. — На ней шинель, али что? Шинель! Значит, есть она — солдат, а не дама.

– А не дама с собачкой, – улыбаясь, уточнил Сумей.

Старшина неожиданно остыл и, махнув рукой, сказал:

— Ну, ладно уж. Раз пришла — докладывай по уставу, так, мол, и так. Проясни текущий момент.

Санитарка сразу сникла, опустила голову:

– Бьются наши. Силища у фашиста огромная. Китайская стена! Когда одолеют, когда придут нам на выручку – не знают.

– Ясно! – грустным, но твердым голосом сказал солдат, побледневший после слов санитарки.

– Разговорчики! — сверкнул на него глазами старшина. – Ясно?

– А я вам дивизионную газету принесла, – санитарка вынула из противогазной сумки газету и помахала ею. Сумей опередил всех, схватил газету и сразу же уселся читать.

– А кое-кого плясать заставлю, – продолжала санитарка, и стала размахивать письмом, которое она вытащила из той же сумки.

– У женщин на уме только танцульки, – сказал ефрейтор и после некоторого раздумья, выкрикнув: «Эх, ма!», прошелся в пляске. — Ну, давай!

– Чтоб вы знали, — глядя на санитарку, сказал Непейпиво, – женщины веселых любят... А он, между прочим, тоже так танцевал.

– Кто? – спросила санитарка.

– Интересуетесь? Да кто же? Сашка-одессит. Суворов.

Старшина безнадежно махнул рукой:

– Уже и Суворова в одесситы произвел, – и принялся читать письмо.

– Не устаивает, – Непейпиво кивнул на погруженного в письмо старшину. – Мое бедное сердце не выдержит такой трагедии и взорвется, как крупнокалиберная бомба.

Тут он обратил внимание на то, что Сумей сидит, тупо уставившись в газету, и ни разу не пошевелился.

– Сема, що ты уставился в газету? Що ты там ищешь? — стал он тормошить Сумена. — Самообразование? Широкий кругозор? Или объявление о разводе?—А? – И видя, что Сумей не реагирует на его приставания, встревожился.

– Сумей, что с тобой? – спросила и санитарка. Сумей медленно, как во сне, протянул ей газету:

– О моих племянниках... Все трое погибли... Курбан, Багама, Иса... Бедная мать, бедная сестра моя. Справится ли с горем.

– Непейпиво прослезился:

– Прости, брат... Война...

Старшина положил руку на плечо Сумена, подержал так задумавшись, затем встряхнул его и отошел, низко повесив голову.

– Три сына, – шепотом сказала санитарка.

– Да, легко сказать, – вздохнул ефрейтор.

Солдат как-то странно забегал из стороны в сторону и вдруг завизжал:

– И мы туда отправимся. Окружены. Оставлены на верную гибель.

Сумей вскочил и бросился на солдата, но старшина и ефрейтор перехватили его. Тогда Сумей закричал срывающимся голосом:

– Трус! Пвяжи голову платком!

– Не срами солдатской одежды! — выкрикнула и санитарка.

А старшина сказал суровым командирским голосом:

– Властью, данной мне командованием, я расстреляю тебя как изменника!

У солдата по пыльным щекам покатались слезы.

– У меня и за вас душа плачет. – Их, – солдат ткнул пальцем в стену, – тысячи. И – танки. Танки! А нас...

Сумей сел на свое место и спокойно проговорил:

– Шамилю сказали: «Их много! Что делать?» Он ответил: «Много – значит, тем больше их погибнет. От многих много гибнет, от малых – мало».

– Да боже ж мой! Чтоб вы знали: в розовом младенчестве его комар напугал до загрязнения рейтуз. С тех пор – пужаный. Ты – моряк, Мишка, моряк не плачет и не теряет бодрости духа никогда. — Непейпиво со зловещим лицом стал приплясывать вокруг солдата.

– Хорошо сказал, – Сумей кивнул головой. – Человек – всегда человек. Радость, беда, опасность. Если понадобится умирать, и умереть надо человеком. Как... Хочбар.

Непейпиво остановился.

– Это що еще за военнообязанный? — удивленно спросил он. — В списках нашей гвардейской дивизии вроде бы не значится. Не одессит, случаем?

– И правда, кто это? – спросила санитарка.

– Народный герой. За счастье народное дрался, – пояснил Сумей.

Старшина попросил:

— Проясни обстановку. Так, мол, и так.

— Хан завлек Хочбара обманом к себе, – стал рассказывать

Сумей. – Приказал развести большой костер, чтобы сжечь героя. А пока разгорался костер, велел Хочбару плясать.

Тут Сумей на мгновение задумался и стал читать по памяти из народного эпоса о Хочбаре:

И грянули разом с зурной барабан, Захлопал в ладоши хунзахский народ, Смеясь, любовался аварский нуцал, Плясал у костра гидатлинский Хочбар.

Он трижды по кругу толпу обошел, Он к детям нуцала легко подошел, И, в пляске с разбега обоих схватив. Он бросился с ними в кипящий огонь.

Клянусь, свою жизнь я недаром отдал! Пощады у вас не к лицу мне просить,

Я все, что задумал, успел совершить...

Эй, громче рыдай, трижды проклятый трус! Еще не спалило мой тигровый ус!

– Это был человек! – стукнув кулаком себя по колену, выкрикнул ефрейтор. – Настоящий!

Непейпиво вскочил и возбужденно заходил взад-вперед.

– Буду умирать, прихватчу с собой на тот свет парочку гитлеровских сукиных сынков. Пусть они повизжат и отправятся в ад!

Тихо сидевший все это время солдат снова взялся за свое:

– Сказки, стишата. Посмотрим, кто запоете, когда танки на нас попрут.

Сумей молниеносно схватил винтовку, клацнул затвором и, выкрикнув:

– А-а, сын змеи и шакала! – вскинул ее к плечу.

Старшина крикнул зычным голосом:

– Отставить!

А Непейпиво загородил собой солдата и затараторил:

– Да боже ж мой! Чтоб вы знали! С него хватит и крепкого тумака, – развернувшись на каблуке, он со всего маха ударил солдата по уху. Тот свалился, словно подрубленный, а Непейпиво, как ни в чем не бывало, обратился ко всем: – Поговорим за экономию. Чтоб вы знали: экономия – мать порядка. Пуля, братки, для дела пригодится.

– Сволочи! – захныкал солдат, уползая на четвереньках.– Подождите, посчитаюсь с вами. Попомните вы меня.

– Що ты каркаешь, ворона?! — разозлился Непейпиво. – Що ты

из меня жилы тянешь, мокрая швабра! Що ты пахнешь, как помойка! Брысь, шавка! – он пнул его в зад и, приложив палец к губам, зашипел: — Ш-ш-ша!

– Товарищ старшина, – позвал ефрейтор. – Танк! Вон у той крайней хаты. Остановился. Стоит.

Старшина глянул и снова сел на свое место.

– До приказа не стрелять! Ясно? Привлекать внимание Ганса раньше времени нам нет никакого резона.

– Есть, товарищ старшина! – в один голос откликнулись все.

– А наших не слышать... – грустно сказала санитарка.

– Да разве услышишь, – проговорил ефрейтор. – Все грохочет кругом.

Старшина махнул рукой, словно приглашая не думать о помощи, и сказал, будто ни к селу, ни к городу:

– Туговат я на ухо. Годы не те.

– И зачем это вы, старшина, на фронт пошли! – спросила санитарка. – В возрасте ведь.

– А на фронт я пошел из-за жены.

– Как это?

– Обидела она меня. «Ты, – говорит, – герой дома. Весь честный народ на фронте, а ты на печи». Вот как она меня обидела.

Санитарка не поверила:

– Ну, прямо. Скажете тоже!

– В общем, семья осталась позади, – продолжал старшина. – Пусть устраиваются, как другие. А мы уж здесь... Родину надо защищать, стало быть.

– Когда у нас в горах рождается мальчик, – сказал Сумен, – говорят, еще один защитник родины.

– Сейчас, кроме земли родной, нет у меня ничего. Пусть страна о семье, ежели что, позаботится. Ведь мог я быть холостым?

– Холостым в ваши годы? — санитарка засмеялась.

– Ну мог же я не знать Марью Андреевну, мою жену... Чужая была б. Ведь живут же люди. Э, что там! Как весь народ, так и я.

– Чтоб вы знали, – Непейпиво обвел всех глазами, а потом, не сводя взгляда с санитарки, проговорил: — свою Марью царевну я по всему белу свету искал, нашел в солдатской шинелишке, а сдаваться буду, когда Кашея Бессмертного истреблю. И що вы думаете? Так оно и будет.

Видя, что санитарка никак не реагирует на его слова, Непейпиво

невесело усмехнулся и обратился к Сумену:

– А ты що, браток, про свою ханум молчишь?

– Моя Хадижат за моей спиной сидела, – ответил Сумей. – А сейчас в колхозе такую работу делает, что не каждому мужчине по силам...

– Да, – вздохнул ефрейтор, – тяжелый груз несут наши бабы, тяжелый. Что и говорить – и вдруг завопил не своим голосом : – Сестрица губы малюет!

– Що я вижу! — всполошился Непейпиво. – Машенька! Или глаза изменяют мне или что? В такое время? Сейчас Гансы в атаку пойдут!

– Мне надо, чтобы меня красивой помнили, — как-то очень просто сказала санитарка.

Ефрейтор посмотрел на санитарку, на Непейпиво и сказал со вздохом:

– Везет Мишке-морячку. На фронте и то невесту обрел. Язык острый, что твоя бритва. Все легко ему. А мне все трудно. Да и правда, что в жизни мне легко давалось? Ничего! Все брал с боем. Горбом брал. Жена ушла. Вернулась. Я на фронт ушел. Не жалуясь. Нет. Жаловаться – последнее дело.

– Вчера вынесла из боя четверых, — стала рассказывать санитарка. – Один молодой, красивый, тяжелый. У него бок вырван и глаз подбит. Он не жаловался. Только пить просил. Я поднесла флягу к его губам, а он мертв. Осколок в висок попал.

Санитарка всхлипнула. У Сумена перекосилось лицо, как от боли, и он жалобно попросил:

– Не надо об этом.

Ефрейтор накинулся на него:

– Ты какой-то каменный. Неужто страх тебя не берет? Окружены ведь, нет нам выхода.

– Нет, не берет, — зло сверкнув на ефрейтора глазами, сказал Сумей. – Надо не думать об этом. Главное, брат, надо никогда не забывать, что ты здесь хозяин, а не он. Тогда враг сам будет дрожать от одного твоего взгляда. Ничто тебя не возьмет. Понятно? Все тебе удастся. Сами руки, сами глаза, само оружие делают так, как надо.

– А чего боятся? — сказала санитарка. — Это же наш дом, здесь каждое дерево наше, каждая птичка знакомая.

– А що вы думаете, – поддержал ее Непейпиво. – Смех смехом, а чтоб вы знали, это верно, що здесь все свое. И цветы, и муравьи свои,

родные, хоть, правда, не одесские, – он глянул на повернутое к нему со вниманием лицо ефрейтора, потом перевел взгляд на брешь в стене за его головой и вскочил: – Полундра! За черепахой тьма-тьмущая Гансов! Тронулись! Эх, одессит Мишка! Бери врага за рога!

Все знали свои места. В наступившей тишине слышалось рокотанье танка и голос Непейпиво:

– Ну, Гитлер, собака!.. Хотите, расшифрую слово Гитлер? Грабитель по рождению, идиот по убеждению, тиран по предводительству, лицемер по совместительству, ефрейтор по званию, разбойник по призванию!

Он снял гимнастерку и, оставшись в матросской тельняшке и бескозырке, запел:

Бескозырка! Ты подруга моя боевая!

И в решительный день,

И в решительный час

Я тебя, лишь тебя одеваю, Как носили герой, чуть-чуть набекрень!

– Подходят, – спокойно озираясь, прошептал солдат.

– За Родину! Огонь! – во всю силу легких крикнул старшина.

Поднялась стрельба. Непейпиво не мог молчать, даже стреляя.

А Сумей после каждого выстрела свирепо скалил зубы и выкрикивал :

– Дорого вы мне заплатите, шакалы! Старшина стрелял спокойно и размеренно, словно был в тире или делал неспешную работу. Но вот он удивленно вскинул брови, смял на груди гимнастерку и, выбрав паузу в стрельбе, сказал:

– Ну вот... Бери командование на себя, ефрейтор... А я... А я... — и упал.

Санитарка метнулась к нему:

– Старшина! Старшина! — ощупала его, приложила ухо к груди. — Был старшина, – сказала она, качая головой, а потом схватила его винтовку и заняла его место.

– Слушай мой команду! — отдал распоряжение ефрейтор. Все удивленно посмотрели на него, откуда такой тон у него появился, такого тихого всегда. Но ефрейтор не дал опомниться:

– Гранаты мне!

Быстрыми, уверенными движениями, будто тренировался этому всю жизнь, он стянул своим ремнем пять гранат, посидел над ними с отсутствующим взглядом, а потом, когда грохот приближающегося

фашистского танка стал нестерпимым, выскочил наружу. От взрыва дрогнула земля, посыпались штукатурка и уцелевшие до этого времени стекла из окон, и наступила тишина.

– Ой, да что же это! — санитарка заплакала в голос, бросила винтовку и устремилась в проем к стене.

– Стой! – не своим голосом закричал Непейпиво. Он едва успел нагнать ее, вцепиться намертво в рукав. – Стой, тебе говорят!

– Пусти, пусти! – вырывалась санитарка. – Может, еще жив.

– Жив! — снова еще громче закричал Непейпиво. – Как же! На куски разнесло!

– Пусти! – санитарка отчаянно дернулась. – По какому праву?!

– По какому? — удивился Непейпиво. – Да боже ж, мой! Все одно теперь... Люблю я тебя. Больше жизни. Вот смерть кругом, а я – люблю.

Санитарка некоторое время со страхом смотрела на него, потом у нее разом опустились голова и плечи, и она прошептала :

– Дурачок ты мой!

Но для Непейпиво эти слова прозвучали, как самые ласковые, самые заветные, и он растерянно заулыбался. Он забыл обо всем, стоял и улыбался, не отрывая взгляда от склоненного лица санитарки. Из этого блаженного состояния его вывел голос Сумена:

– Миша, брат! – он выстрелил. – Обходят! – тут он снова выстрелил. – Бей шакалье племя!

Непейпиво выстрелил несколько раз, потом неожиданно стал на колени перед санитаркой:

– Вот! Прошу тебя! Умоляю! Пока еще не обошли нас, уходи!

Но санитарка даже не оглянулась. Она махнула рукой и, старательно прижмуривая левый глаз у прицельной планки винтовки, выкрикнула:

– Стреляй!

Непейпиво встал, чтобы занять свое место, но упал раненый. Санитарка мгновенно оказалась рядом.

– Это так... — стал успокаивать Непейпиво. — Ничего... Що ты играешь мне на нервах, как на балалайке? Уходи...

– Дурачок ты мой. Родненький. Что ж ты долго молчал?

– А я думал, ты– Сумена... Моего брательника... Що ты думаешь, одессит мешать будет? Меня душит... гомерический смех...

– Так у него же жена, Хадижат, сын, дочь... дурачок и есть.

– Миша, что же ты?! Друг! – позвал Сумей, не слыша его

выстрелов, не зная, что его друг лежит за спиной раненый.

– Порядочек на полубаке, браток! – как можно бодрее отозвался Непейпиво. – Сейчас я... Сейчас...

МУСАИБ СТАЛЬСКИЙ

Стальский Мусаиб Сулейманович – поэт и публицист. Родился в с. Ашага-Стал, в семье народного поэта Дагестана Сулеймана Стальского. Учился в ашагастальской и касумкентской школах, в Дербентском педагогическом техникуме. Окончил филологический факультет Дагестанского педагогического института, получив специальность поэта-переводчика.

Работал в аппарате Касумкентского райкома КПСС.

Депутат Верховного Совета РСФР первого созыва по Касумкентскому избирательному округу ДАССР.

Член Союза писателей СССР с 1940 г.

Первые публикации стихов М.Стальского появились на страницах районной газеты «Колхозное знамя». В 1940 году в «Даггизе» вышел в свет его первый сборник стихов на родном языке "Избранные произведения". Он автор нескольких газетных статей и ряда стихотворений, опубликованных в центральной и районной печати.

Когда началась Великая отечественная война, Мусаибу исполнилось 27 лет, он был полон новых творческих планов. Но он решает идти на фронт, и добивается призыва почти год. В июне 1942 года его отправляют на учебу в Сталинградское военное училище. Начальник политотдела предложил Стальскому должность старшего инструктора политотдела по организационно-партийной работе, Стальский вежливо, но твердо отказался, сказав, что будет выполнять боевую задачу вместе со своими товарищами. Дома остались жена и дочь, родившаяся в 1942 году.

Вот как описывает последний бой М. Стальского ветеран 6-й гвардейской танковой бригады, гвардии полковник в отставке, кандидат исторических наук В. Егоров в своих воспоминаниях о поэте «Имя его стало легендой»:

«Вечером 23 августа курсанты были подняты по тревоге. Только что закончился массированный налет фашисткой авиации, вокруг полыхало пламя пожаров, над городом висела тяжелая туча дыма и

пыли. Вместе со своими товарищами, стоя в строю, слушал боевой приказ курсант Мусаиб Стальский.

Всего месяц назад сын народного поэта Дагестана, поэт-коммунист, работник Касумкентского райкома партии добровольно пошел на фронт, чтобы в тяжелое для Родины время быть там, где нужны горячее слово коммуниста и пламенное сердце патриота. В ту же ночь из курсантов были сформированы два батальона по три роты в каждой, общей численностью 800 человек.

...Утром 3 сентября, после мощного удара по оборонительным позициям десятки фашистских танков двинулись на окопы курсантов, за ними, ведя огонь из автоматов, шли густые цепи пехоты. Оборона встретила врага плотным огнем, от выстрелов ПТР загорелось несколько танков, но остальные все ближе подходили к переднему краю. ...Командующий армией генерал В. И. Чуйков принял решение провести разведку боем в районе Городище, где, по данным войсковой разведки, наблюдалось сосредоточение фашистских войск. Поздно вечером два танка Т-34, командирами которых были лейтенанты Симакин и Алистратов, и два отделения десантников прорвались в глубину обороны противника и завязали ночной бой. В этой вылазке погибли экипажи танков и все десантники, в их числе Мусаиб Стальский. Его имя увековечено в Пантеоне Славы на Мамаевом Кургане, г. Волгоград.

В послевоенные годы стихи Мусаиба Стальского помещались в коллективных сборниках. Большая подборка его стихов помещена в сборнике стихов писателей - фронтовиков, павших в годы Великой отечественной войны,

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ КОМСОМОЛА

Комсомол, с днем рожденья тебя!
Комсомольскую дружбу крепя,
Сколько славных взрастил ты ребят.
Мир доверил им, комсомол.

Ты в труде и в борьбе впереди.
Ты на ленинском верном пути.
И горит у тебя на груди
Профиль Ленина, комсомол.

В том саду, что и зелен и бел,
Гибким саженцем в небо взлетел,
Силу взял от земли, в срок созрел
Буйно, радостно комсомол.

В том краю, что от засух страдал,
Что от зноя листвой опадал,
Ты арыками землю прорвал,
Влагой щедрою, комсомол.

Кто уходит в глубины земли?
Кто бесстрашно ведет корабли?
Чьи колосья в пустыне взошли?
Наш проверенный комсомол.

Ты герой, богатырь, исполин,
Нашей партии преданный сын.
Встанут сотни твои, как один,
Если велено, комсомол.

Улетают орлята твои
В край, где льдины, и шторм, и бои.
И на крыльях, как отсвет зари,
Звезды светятся, комсомол.

ВАЛЕРИЙ БУТАЕВ

Член Союза журналистов России

КОРОЛЬ НЕБА

Зимой 1945 года командование 8-й воздушной армии перебрасывало 9-й гвардейский полк на самые напряженные участки сражения, в Восточную Пруссию. И там, где появлялись летчики «асовского полка», гитлеровская авиация терпела сокрушительные поражения. Так было, например, в районе Гульбинен-Мальвишки, когда шестерка Амет-хана Султана во время патрульного полета встретила с более чем втрое превосходящей группой вражеских самолетов. Вот так описывался этот бой в газете «Правда».

«В один из последних дней шестерка «лавочкиных», возглавляемая гвардии майором Амет-ханом Султаном, патрулировала на высоте 4 тысяч метров над территорией противника. Через некоторое время наши летчики заметили 20 «Фоккевульф-190», шедших на полторы тысячи метров ниже, к линии фронта. Вражеские самолеты намеревались нанести бомбово-штурмовой удар по нашим войскам...

Немцы пытались уклониться от встречи, и стали уходить назад к своему опорному пункту, рассчитывая, что сильный огонь зенитной артиллерии... заставит наших истребителей прекратить преследование. Но они просчитались. Несмотря на яростный зенитный огонь, «лавочкины» нагнали противника и устремились в атаку...

В последовавшей за этим короткой, но ожесточенной схватке наши истребители сбили пять «Фокке-Вульфов». Два самолета сбил гвардии капитан Головачев, по одному гвардии майор Амет-хан Султан, гвардии старшие лейтенанты Маклаков и Мальков. Одержав эту победу, наши истребители, без потерь, вернулись на свой аэродром». В небе Восточной Пруссии Амет-хан Султан еще раз показал себя опытным тактикам, активно использующим разнообразные приемы в воздушном бою. Даже переставшие чему-либо удивляться боевые друзья долго вспоминали о случае, который произошел с эскадрильей Амет-хана в районе Витенберга, где базировался в те дни 9-й гвардейский полк...

В тот утренний час шестерка Амет-хана патрулировала над линией фронта, на большой высоте. Еще в глубине вражеской территории командир эскадрильи заметил немецкие бомбардировщики, которые в боевой колонне направлялись на штурм наших войск. Амет-хан немедленно связался по радио с пунктом наведения:

—«Утес»! «Утес»! Впереди «фоккеры». Иду на сближение!

—«Орел»! Они еще глубоко за линией фронта!— донеслось в ответ.

— Встречайте на рубеже!

На аэродроме в это время находился заместитель командира 303-й авиадивизии А. Е. Голубов, в ее состав входил тогда 9-й полк. По радиолокатору пункта наведения хорошо просматривалась воздушная обстановка в зоне. Поэтому, когда Амет-хан попросил разрешения, не

ожидая подхода «фоккеров» к линии фронта, пойти им навстречу, Голубов дал согласие.

Вначале действия третьей эскадрильи вызвали растерянность у заместителя командира авиадивизии. Шестерка! Амет-хана на той же высоте ушла в облака, а затем, за линией фронта, пристроилась в хвост колонне фашистских истребителей-бомбардировщиков, так сказать, в роли истребителей сопровождения. «Лавочкины» шли выше «фоккеров», постепенно настигая их. И когда они неожиданно ринулись сверху в самую гущу вражеских машин, Голубов, наконец, понял маневр командира эскадрильи.

— Ай, да Амет! Посмотрите, каков хитрец!— возбужденно потирал руки Голубов, наблюдая, как один за другим «фоккеры» вспыхивают и летят факелами на землю. Оставшиеся вражеские машины в полной панике стали бросать бомбы, стараясь избавиться от опасного груза побыстрее. Ни один фашистский самолет не долетел тогда до линии фронта, ни одна их бомба не упала на позиции наших войск.

Позже, когда в конце дня советские войска освободили этот район от противника, Голубов специально выехал в район воздушного боя эскадрильи Амет-хана.

Хотелось лично увидеть сбитые утром его шестеркой вражеские самолеты. Заместитель командира дивизии с радостью насчитал на земле более десяти поверженных фашистских машин...

Чтобы остановить наступление наших войск в Восточной Пруссии, гитлеровское командование под Кенигсбергом ввело в бой еще одно новое авиасоединение, укомплектованное из опытных гитлеровских асов-истребителей. Эти фашистские воздушные пираты, на модернизированном истребителе «Мессершмитт-109» в первые дни нанесли значительный урон нашей штурмовой и бомбардировочной авиации. Летчики 9-го гвардейского полка были переброшены на борьбу с этой новой вражеской авиачастью.

— Учтите, товарищи, новый вариант «мессера» не очень похож на нашего старого знакомого, которого встречали прежде,— предупредил своих летчиков Амет-хан Султан. Он только что вернулся из штаба полка, где дважды Герой Советского Союза Владимир Лавриненков, заменивший трагически погибшего командира полка Анатолия Морозова, поставил перед командирами эскадрилий новую задачу.— Модернизированный «мессер» имеет более совершенное вооружение, может вести прицельный огонь почти из любого положения. Да и

мотор у него теперь значительно мощнее. Значит, давайте вместе искать его слабые стороны...

И опыт Амет-хана и его боевых друзей позволил им найти управу и на модернизированный «мессер»...

Родина отметила высокими наградами боевые подвиги майора Амет-хана Султана в небе Восточной Пруссии. К прежним орденам добавились три новых – Александра Невского, Отечественной войны 1-й степени, и Красного Знамени...

Сражение за Восточную Пруссию закончилось полным разгромом гитлеровцев как на земле, так и в воздухе.

Впереди был последний этап в войне – сражение за Берлин. Весной 1945 года летчики 9-го гвардейского полка получили приказ перелететь в Польшу.

Полк в полном составе приземлился недалеко от Познани. Однако уже на второй день его перевели на восточный берег реки Одер, напротив немецкого города Франкфурт-на-Одере.

Вскоре гитлеровцы и на этом участке фронта почувствовали появление летчиков «асовского», как уже давно называли в 8-й воздушной армии, 9-го гвардейского полка. Стоило им подняться в воздух, как фашистское командование приказывало своим летчикам не вступать в бой и возвращаться на базовые аэродромы.

Фронт быстро продвигался к сердцу фашистской Германии – Берлину. С большим волнением летел Амет-хан со своими боевыми друзьями, когда впервые получил приказ прикрывать бомбардировщики, которые расчищали путь нашим наземным войскам, штурмовавшим Берлин. На защиту своей столицы гитлеровское командование бросило последние свои авиационные силы. Фашистские летчики дрались в небе с ожесточением обреченных...

25 апреля Амет-хан с ведомым Иваном Мальковым только вернулся из разведывательного полета над последним в Берлине вражеским аэродромом Темпельхоф, как командир полка Владимир Лавриненков вновь поднял его со всей эскадрильей в воздух. Поступило сообщение, что группа «фоккеров» летит бомбить аэродром «Шенефельд», где базировался тогда 9-й гвардейский истребительный полк.

Быстрый разбег, и вот уже эскадрилья в воздухе. Горящий в огне уличных боев Берлин укрыт густыми дымными облаками. Только на высоте 2000 метров летчики увидели солнце. И именно здесь Амет-

хан обнаружил группу «фоккеров», которых сверху прикрывала пара вражеских истребителей. «С этих не спускать глаз», – решил командир эскадрильи. Действия «мессеров» показались подозрительными. И действительно, выбрав момент, оба вражеских истребителя бросились в атаку, чтобы отвлечь «лавочкиных» от «фоккеров». Однако командир эскадрильи, следивший за ними, свечой рванулся навстречу. Мгновение, и вот он уже под желтым брюхом ведущей вражеской машины. Грянула короткая очередь, и «мессер» вспыхнул. Из его кабины вывалился фашистский летчик, стал спускаться на парашюте.

Сбитый Амет-ханом немецкий истребитель упал вблизи аэродрома «Шенефельд». Вслед за ним там же приземлился гитлеровский летчик, которого сразу же взяли в плен. В штабе полка выяснилось, что «крестник» Амет-хана оказался известным гитлеровским асом в чине полковника. Его грудь украшал рыцарский крест с дубовыми листьями – высшая награда фашистской Германии.

В штабе полка пленный попросил, показать советского летчика, который его так умело сбил. Владимир Лавриненко пригласил Амет-хана. Фашист с недоверием оглядел очень молодого невысокого майора с темной шевелюрой непокорных волос. Однако, когда полковнику показали, кто перед ним, он, пораженный, уставился на Амет-хана. Имя этого командира эскадрильи, одного из талантливых советских асов-истребителей, пленному было хорошо известно.

Этот бой 25 апреля стал последним в военной биографии летчика-истребителя Амет-хана Султана. Как и первый в мае 1942 года над Ярославлем, так и этот – в небе Берлина – закончился его победой.

3-го мая летчики полка выехали в Берлин, чтобы своими глазами увидеть поверженную столицу фашистской Германии. Безмерно было их счастье – победили жестокого и сильного врага, несмотря на все тяжкие испытания четырех лет войны. Остались живы, хотя мало кто из них на это рассчитывал. Однако на радостные лица молодых летчиков нет-нет да набегала тень: еще остра была в их сердцах боль о погибших боевых товарищах, о тех, кто не дошел, не дожил до этого ликующего майского дня...

В те дни командир 9-го гвардейского истребительного полка дважды Герой Советского Союза В. Д. Лавриненков написал в наградном листе Амет-хана: «Товарищ Амет-хан Султан отличный летчик-истребитель, полностью овладевший мастерством ведения

воздушного боя, по праву считается одним из лучших асов полка. Виртуозно владея самолетом, умело используя высокие летно-тактические данные истребителя, хорошо изучив слабые стороны гитлеровских летчиков, зная уязвимые места техники противника, Амет-хан Султан одержал над врагом 30 воздушных побед.

За проявленную храбрость и героизм в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, за успешное проведение 603 боевых вылетов, за лично сбитые 30 самолетов противника разных типов, за 19 самолетов врага, сбитых в групповых воздушных боях, товарищ Амет-хан Султан достоин присвоения звания дважды Герой Советского Союза».

Человек из легенды... Так можно сказать о дважды Герое Советского Союза, заслуженном летчике-испытателе Амет-хан Султане. И хотя жизнь его оборвалась трагически рано, он успел сделать чрезвычайно много для развития советской авиации и космонавтики.

Амет-хан Султан, как один из опытнейших летчиков летно-испытательного института, еще в начале 60-х годов участвовал в проведении ряда экспериментов в ходе подготовки полета человека в космос. И первые космонавты в те годы тренировались на самолете Амет-хана Султана.

«Вошедший в годы Великой Отечественной войны в десятку лучших летчиков-истребителей, Амет-хан Султан в мирное время стал испытателем новой авиационной и космической техники. Его имя навечно осталось в истории советской авиации. Вся жизнь коммуниста Амет-хана Султана, его боевые подвиги и самоотверженная работа летчика-испытателя, для нас, молодых космонавтов – достойный пример служения Родине».

Эти слова принадлежат Герою Советского Союза, летчику-космонавту СССР Мусе Манарову, чье пребывание в космосе счастливо предугадал Амет-хан.

Дважды Герой Советского Союза В. Д. Лавриненков не раз вспоминал в своих рассказах о минувшей войне ритуал, который неизменно соблюдал Амет-хан Султан вечерами, после боевых вылетов: он стрелял из пистолета в воздух, восклицая при этом: «За живых!»

За живых сражался Амет-хан в небе войны, о жизни новых поколений летчиков думал, совершенствуя новейшие летательные аппараты, салютуя живым каждым своим полетом в неведомое...

Память об Амет-хане жива в сердцах советских людей. Каждый день отдают они дань уважения герою, проходя в Алупке мимо бронзового бюста отважного летчика или мимо дома № 4 по улице Кузериных, в котором родился и вырос дважды Герой Советского Союза, о чем свидетельствует установленная на доме мраморная доска.

Имя Амет-хана Султана широко известно и во всей стране. Его героической жизни посвящены стенды в музеях Москвы, Волгограда, Симферополя, Алупки, Калининграда, Каспийска, подмосковного города Жуковского.

В городах Волгограде, Махачкале, Алупке и Жуковском есть улицы имени дважды Героя Советского Союза Амет-хана Султана. Он навсегда остался почетным гражданином города Ярославля. Его именем назван горный пик в Дагестане, а также колхоз на родине его отца, в дуле Цовкра. Здесь же установлен в честь Амет-хана Султана белокаменным обелиск, увенчанный звездой.

О жизни коммуниста Амет-хана Султана свидетельствует немало славных документов в музее боевой славы авиасоединения, в строй которого приказом министра обороны СССР навечно зачислен подполковник Амет-хан Султан.

Каждый год, 25 октября, в день рождения Амет-хана Султана, в дагестанском городе Каспийске в средней школе № 8 имени Амет-хана Султана проводится торжественная линейка. Школьные следопыты рассказывают об экспонатах, посвященных отважному летчику, о его боевом пути, об однополчанах – всех 139 летчиках-истребителях. Летчики-испытатели из летно-испытательного института передали школьному музею многое из личных вещей Амет-хана Султана – летную куртку, высотный костюм, парашют, меховые унты.

Дело Амет-хана Султана продолжают другие. На смену таким, как он, властелинам неба, приходят молодые летчики, готовые сделать все, чтобы прославить свою страну, свой народ. Им есть у кого учиться, им есть с кого делать жизнь.

ЭМИРОВ ДЕНИ

Член Союза журналистов России

ДАЛ КРЫЛЬЯ ЕМУ ДАГЕСТАН

ТРЕВОЖНОЕ УТРО

Валентин проснулся от обилия солнца, заполнившего комнату. Открыв глаза, он не сразу понял, что находится дома. На душе было легко и радостно от чувства близости родных и возвращения в родной полк. Правда, раны еще не совсем зажили и врачи категорически отклонили его просьбу о выписке. Вопрос он разрешил очень просто. Воспользовавшись отсутствием врачей, бежал из Пятигорского госпиталя, прихрамывая на одну ногу и опираясь на трость.

...Валентин сладко зевнул и потянулся. Резкая боль в ноте заставила его стиснуть зубы. Вспомнил, как все это случилось. В полку шли учебно-тренировочные полеты. Командир эскадрильи обучал молодежь правилам посадки самолета в полевых условиях.

Все шло хорошо. Валентин, сидевший вместо инструктора, был доволен новичком, недавно зачисленным в эскадрилью после окончания летного училища. Но беда случилась при посадке. Не рассчитав расстояния до земли, летчик посадил машину на вспаханное, с глубокими рывинами поле. Самолет перевернулся. Теперь все это было позади. А впереди...

Валентин окинул взором комнату. Часы, показывали шесть утра. Дверь, ведущая на балкон, была открыта, и свежий утренний ветерок чуть шелестел занавесками. Рядом с кроватью на спинке стула висела летная гимнастерка с орденом Боевого Красного Знамени, который он получил за Финскую кампанию.

Быстро одевшись, Валентин вышел на балкон. Людей на улице почти не было. Через перекресток улиц Маркова и 26 Бакинских комиссаров переходила группа ребяташек с удочками на плечах. Вдали виднелась голубая гладь Каспия.

«Надо будет выкупаться до отъезда в горы», – подумал он. Валентин любил море, знал его повадки.

Он полной грудью вдохнул воздух, запрокинул голову, посмотрел на бездонную синеву неба.

– Эх, погодка сегодня, только и полетать! Вот съезжу в Ахты на праздник цветов, отдохну недельку, и баста. Хватит, пора в воздух,— решил он.

В кармане гимнастерки лежало письмо от земляков, приглашавших Валентина с семьей и родителями приехать в родное село. Поедут отец, мать, он с Ираидой и годовалой Инночкой.

В квартире все еще спали. Не было только матери. Надежда Митрофановна вернулась через полчаса. В руках она держала алюминиевый бидончик с молоком.

Валентин очень ценил и любил свою мать. Если храбрость и горячий нрав он унаследовал от отца, то решительность и веселый характер ему передала мать-сибирячка. В детстве он вместе со старшим братом Борисом любил слушать материнские рассказы о Сибири. Любил он и песни, которые пела Надежда Митрофановна, аккомпанируя себе на гитаре.

В то время они жили на Махачкалинском консервном заводе, где отцу, как и некоторым другим семейным рабочим, дали комнату. Жили дружно, мирно. Валентин был любимцем двора. Он всегда что-то мастерил, затевал. И даже мальчишки постарше подчинялись ему. А однажды он даже сделал настоящий громкоговоритель и укрепил его на столбе, чтобы все слушали музыку и передачи.

Надежда Митрофановна вышла замуж за Аллахьяра Загировича, когда тот, отбыв царскую ссылку в 1913 году как политзаключенный, собирался в родной Дагестан. Ему очень понравилась дочь мастера золотых приисков. Понравился и Надежде совсем молодой кавказец с лихо закрученными усами и гибким станом.

Родители Нади, конечно, ни за какие блат не выдали бы свою любимую дочь за смутьяна и каторжника. Но любовь сильнее родительского гнева. Девушка приняла предложение Аллахьяра, и они тайком уехали в Дагестан. Потом была свадьба в Ахтах.

Позже родители Валентина переехали на рыбные промыслы Берикея и Рубаса. Как-то, приехав в Махачкалу, Аллахьяр зашел в гости к Серажутдину Кардашевичу Кардашову, работавшему главным механиком на консервном заводе. Это был человек высокой культуры, пользующийся большим авторитетом среди лезгин, живших в долине. Он-то и уговорил отца Валентина перейти работать слесарем на консервный завод.

...Валентин быстро подошел к матери и крепко обнял ее за плечи. Но что это? Он почувствовал, что плечи женщины вздрагивают.. Приподняв ее голову, он заметил в ее глазах слезы.

– Ты плакала, что случилось?

– Беда, Валюша, ох, какая беда!

– Какая беда, о чем ты говоришь? – Валентин не мог сразу понять причину расстройства всегда жизнерадостной, веселой женщины, тем более в день приезда сына.

– Ну что, что случилось, говори?!

Мать подняла голову, взглянула на сына и ее губы чуть слышно прошептали: «Война»... Бидон выпал из рук, молочный ручеек залил пол.

Острая боль пронзила сердце Валентина. Он быстро подошел к репродуктору и включил его на полную громкость. Из динамика он услышал последние фразы диктора, возвещавшего о вероломном нападении гитлеровской Германии на СССР.

О поездке на праздник цветов в Ахты нечего было и думать. Нужно срочно выезжать в полк. Наскоро попрощавшись с родителями и женой, поцеловав свою хорошенькую, с волнистыми волосами дочурку, он вышел из дома.

Он хотел мирной спокойной жизни. Но пока идет война, это невозможно. Надо победить, тогда придет покой. И не к нему одному, а ко всем советским людям.

В НЕБО!

«И-16» один за другим взлетали с полосы. Комиссар полка Леонтий Яковенко был доволен мастерством пилотов. После полетов и их разбора летчики полукольцом окружили командиров.

– На фронт пора, товарищ комиссар!

– Сколько можно в тылу находиться, надоело!

– Мы стреляные. Еще, в финскую с капитаном Эмировым боевую школу прошли. Это пусть молодежь учится.

Напоминание об Эмирове больно сдавило сердце. Яковенко хорошо знал Валентина. Ценил его как грамотного летчика и командира. Но сейчас он в госпитале. Подходя к штабу, Яковенко услышал, как кто-то его окликнул.

– Товарищ комиссар!— Яковенко сразу узнал голос. Перед ним стоял Эмиров с тросточкой и перебинтованной головой.

– Какими судьбами, ведь ты еще должен быть в госпитале?

– Я обежал оттуда, боялся, что вы без меня на фронт улетите.

– Ты что, на гауптвахту захотел?— Яковенко был возмущен, но Валентин знал, как отходчив комиссар, не первый год служили вместе.

– Вы бы на моем месте тоже убежали!— ответил он.

– Ну, ладно,— смягчился комиссар,— раз удрал, оставайся, будешь учить молодых тактике воздушного боя. А я переговорю с командиром полка.

...Тбилиси – далекий тыл. Летчики рвались на фронт, но приказа все не было. Наконец поступила команда перебазироваться в Орджоникидзе.

Уже в январе 1942 года полк, где командиром эскадрильи служил Эмиров, стал вести ожесточенные бои против фашистской авиации. Им приходилось сопровождать бомбардировщики, обивать вражеские истребители. Уже с первых дней боевых действий на счету Эмирова были сбитые им «Юнкере» и «Мессершмитт».

В марте 1942 года при штурме вражеских войск под Кой-Асаном и Владиславкой он получил тяжелое ранение и попал в Керченский госпиталь. Бедро сильно вздулось, местами покрылось синевато-багровыми и фиолетовыми пятнами. При надавливании под кожей похрустывало. Газовая гангрена! Консилиум врачей решил немедленно ампутировать ногу.

Валентин сильно похудел, переживал.

Лучше перережьте горло, отравите, закопайте живьем, но оставьте ногу,— просил он хирурга.— Я летать хочу, понимаете, сражаться хочу ,с фашистами.

Ногу после длительного лечения спасли. Медленно заживала рана, а когда дело пошло на поправку, его самолетом перебросили в Махачкалу. В госпитале его часто навещали родители, родственники, товарищи детства.

В мае он уже мог ходить. Однажды, придя домой, увидел письмо от однополчанина. Снова заныло сердце. Решил, не долечившись, вернуться в строй. Отсиживаться в тылу для военного летчика он считал чуть ли не предательством.

Штаб ВВС Закавказского фронта находился в Тбилиси. Прямо со станции пошел туда. Эмирову повезло. Комиссаром воздушной

армии был его старший товарищ Леонтий Яковенко. Оба были рады встрече.

– Что, хромаешь, орленок?– проговорил Яковенко, ласково глядя на исхудавшего Валентина,– тебе отдохнуть еще немного надо. Может быть, в дом отдыха махнешь, а?

– Нет, только на фронт, кем хотите, хоть рядовым летчиком. Только на фронт!– возмутился Валентин.

Яковенко и не сомневался в таком ответе. Вместе вошли в кабинет. Порывшись в сейфе, он вынул какую-то бумагу и передал Эмирову. Это было предписание, которое гласило: «Капитану Эмирову В. А. с получением сего предлагаем отбыть в город Белая и приступить к исполнению должности командира 926 истребительного авиационного полка». И подписи командующего и комиссара ВВС фронта.

Комиссаром полка назначили боевого друга Эмирова Афанасия Иванова. С ним он делил радости и горе.

Враг все ближе подходил к Дагестану. Горела грозненская нефть. Среди доблестных воинов, не допустивших врага в глубь Кавказа, сражались и мужественные летчики 926 истребительного авиаполка, которых именовали «эмировцами». Вот несколько эпизодов воздушного боя Валентина Эмирова.

29 августа 1942 года Эмиров вступил в бой с пятью «Мессершмиттами». Один из них сбил, а остальных не подпустил к нашим бомбардировщикам. Через несколько дней он мастерски отразил атаку семи «Мессершмиттов» и трех «Мекке-200», в завязавшемся воздушном бою сбил одного пирата.

В конце августа, сопровождая группу самолетов, Эмиров обнаружил вражеского разведчика, атаковал и сбил его...

26 августа в городе Грозном был назначен антифашистский митинг народов Северного Кавказа. Председательствовал на нем Валентин Эмиров. Он прибыл прямо после воздушного боя, в котором сбил вражеский самолет. Речь славного летчика на митинге не оставила никого равнодушным.

Эмиров сказал молодым дагестанцам, осетинам, кабардинцам, чеченцам, ингушам: «Если ты дашь фашисту войти в горы, ты не воин! Если ты дашь ему свой дом на разграбление, отца и мать своих на смерть, невесту на поругание – ты не кавказец. Если ты не отомстишь за кровь наших людей, если не убьешь фашиста, ты не джигит! Слава тебе кавказец, убивший фашиста!» На митинге была

принята присяга-клятва на верность Родине. Первым ее подписал Валентин.

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

Стояла пасмурная осенняя погода. Валентину нездоровилось. Простыл. Врач запретил ему выходить из землянки. Перед боем комиссар решил провести митинг и вдруг увидел Валентина, прислонившегося к дереву. Иванов, зная, что он болен, укоризненно покачал головой. Но Эмиров был неумолим. После митинга он повел эскадрилью сопровождать бомбардировщики соседнего с ними полка.

Бой завязался жестокий. Сбросив бомбы, бомбардировщики повернули на базу. В этот момент откуда-то сверху на них коршуном налетели «Мессершмитты». Эмиров вел бой с шестью вражескими истребителями. После первой атаки задымил и рухнул один самолет, вскоре пошел к земле и второй.

Но что это? Его самолет неестественно закачался, появился шлейф дыма.

– Подбит, горю, – пронзила мысль. Надо спасти машину. Да, Валентин в это время больше всего думал о боевой машине. Он уже спас однажды самолет. Было это во время боевых действий с белофиннами.

Вот как это случилось. В бою подожгли самолет Эмирова. Лучшим способом сбить пламя он считал пикирование. И стрелой помчался вниз. С тяжелыми ожогами на руках, ноге и лице он в полубессознательном состоянии посадил машину на свой аэродром. За этот подвиг он был награжден боевым орденом.

...Самолет, охваченный пламенем, несся к земле. Стоящие внизу по радиации просят командира покинуть машину, но Валентин неумолим. Ведь машина стоит больших средств, на ней еще можно уничтожить не одного гада. Надо спасти! Все ближе и ближе земля. Шлейф Пламени не уменьшается. Надо прыгать. До земли оставалось не более сотни метров. Парашют не успел раскрыться, и Валентин упал на землю, которую он так любил и защищал.

ПАМЯТЬ

Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза рядовому и начальствующему составу Красной Армии. «За образцовое выполнение заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленную при этом Отвагу и героизм присвоить звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая звезда» капитану Эмирову Валентину Аллахьяровичу. Председатель Президиума Верховного Совета СССР КАЛИНИН.

Секретарь Президиума Верховного' Совета СССР ГОРКИН.
Москва, Кремль. 13 декабря 1942 года.»

Память. Она не стареет с годами. Прошло пятьдесят лет, как наша страна отсалютовала доблестной Советской Армии, принесшей человечеству Победу над фашистской Германией. Прошло 52 года со времени гибели славного сына Дагестана Валентина Эмирова. Память не стареет. О нем сложены песни и легенды, его именем названы улицы и школы, парки. Он в сердцах живых.

Валентину Эмирову было 26 лет, когда он погиб. Ему не довелось узнать, что его дочь Инесса Валентиновна стала кандидатом наук, а внук, тоже Валентин, окончил Московский авиационный институт и работает инженером.

Он не знает о том, что к его памятнику на братском кладбище в Махачкале кладут живые цветы люди, благодарные ему за подвиг, за счастье Обретенного мира. Низкий поклон тебе, воин-богатырь. Герои не умирают!

РАИСА АБУЕВА

участница Великой Отечественной войны,
член Союза журналистов России

ФРОНТОВОЙ ХИРУРГ

Эпиграфом к очерку о военном враче-хирурге Ахмеде Величе Абуеве из Кумуха Лакского района могли бы послужить слова А. П. Чехова: «Профессия врача – подвиг, она требует самоотвержения, чистоты души и чистоты помыслов».

Жизнь Ахмеда Велича может служить примером бескорыстного и самоотверженного служения своей Родине, верности врачебному долгу, высокой порядочности.

Он ушел на фронт добровольцем в первые же дни войны после окончания 1-го Московского медицинского института, служил полковым врачом, затем хирургом в медсанбате. Спасая раненых, и сам был дважды тяжело ранен, стал инвалидом, был признан непригодным к службе, но после лечения в госпитале с большим трудом добился отправки на фронт и был ведущим хирургом в полевом подвижном госпитале 8-й гвардейской армии до самого Дня Победы. Прошел боевой путь от Северного Дона до Одера, участвовал в форсировании Днепра, Вислы, в освобождении Украины, Белоруссии, Польши, обслуживал раненых при взятии Берлина. Боевые заслуги Ахмеда Велича отмечены орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени, тремя боевыми медалями.

А сколько спасенных им жизней! Ведь, несмотря на тяжелые ранения в левое легкое и бедро, Ахмед Велич сутками стоял у операционного стола, борясь за жизнь раненых.

...Операции, операции... Кончалась одна, начиналась другая.

Трудно было нашим бойцам выбить фашистов из занятых ими удобных позиций на другом берегу Северного Донца, покрытого густой зеленью деревьев. Это местечко «Голая Долина», прозванное позже «Долина смерти». Лето 1943 года.

Поток раненых в госпиталь, расположенный в полутора километрах от линии боя, не прекращается. Седьмой день боев, седьмые сутки нечеловеческого напряжения... Каких только операций не приходилось здесь делать Ахмеду Величу: впервые пришлось ушивать пневмоторакс, трепанировать череп... За короткое время было сделано множество лапаротомий... Десятки тяжелораненых он буквально вырывал из когтей смерти.

«У сержанта Коскребышева была огромная зияющая: рана на груди слева. В этой ране, после удалении тампонов, я увидел работу живого сердца сквозь пленку плевры», – вспоминал позже хирург Абуев. Коскребышев был спасен.

Молодой боец Кузьмин был тяжело ранен в живот. В госпиталь был доставлен в шоковом состоянии, пульс едва прощупывался, часто прерывался. Хирург Ахмед Велич начал борьбу за жизнь солдата. Раненый был выведен из шокового состояния, и ему была сделана сложная операция. Жизнь Кузьмина была спасена хирургом.

Иногда приходилось по несколько суток стоять у операционного стола, отдыхал только 15—20 минут.

До конца войны Ахмед Велич Абуев сделал тысячи сложнейших операций, за каждой из них – спасенная жизнь и возвращение на фронт.

Именно благодаря самоотверженности медиков, работавших в наспех приспособленных операционных и под вражеской бомбежкой, из госпиталей на фронт вернулись 73 процента раненых, а в первую мировую войну их было только 50%.

Из записи в блокноте Абуева от 25 апреля 1945 года:

«...16 апреля 1945 года. Одерский плацдарм. Впереди Зееловы высоты. Последний сильно укрепленный фашистами рубеж перед Берлином, с вечера 15 апреля фашисты обстреливают из артиллерии и бомбят с воздуха плацдарм. Светло, как днем. Мы в центре огненной лавы. Под непрерывным огнем группа медиков госпиталя переправлена на плацдарм. Дано задание развернуть операционно-перевязочный блок. Ночью закончена установка 4 палаток: операционной, перевязочной, шоковой и эвакуационной.

В 4 часа 45 минут началась артподготовка. Много раз я слышал артподготовку, но такую пришлось услышать впервые. Как и на Висле, ее начали «катюши».

К 10 часам стали поступать раненые. Одним из первых поступил боец Грабовский, раненый в живот. Мне пришлось его оперировать. Ранение оказалось тяжелым, и операция была сложной, но, главное, жизнь спасена. После этого работаю исключительно в перевязочной, где непрерывный поток раненых и необходима быстрая помощь хирурга. В операционной остался работать сам ведущий хирург Фукельман. Ранения исключительно тяжелые, множественные. Много раненых в шоковом состоянии. Работаем вторые сутки без отдыха и сна. Поток раненых не уменьшается. Фукельмана с группой бросили на помощь медсанбату. Хирург Гончаренко оперирует животы, я остался один в перевязочной. Ранения тяжелые: бедра, суставы, множественные ранения. Сегодня я доказал, что могу обработать 66 человек за 18 часов. До 4 утра пропустил 95 человек.

18 апреля принимаем раненых от медсанбата, и поток переключается на нас. Развернули дополнительно палатки, сортировку. Я принял 102 человека – тяжелых, раненных в живот, в грудь, череп и конечности.

Час ночи: Все ушли, за исключением меня, двух сестер и четырех санитаров. Пришла моя жена Рая, начала помогать. За ночь, до шести утра: я пропустил 27 человек. Незаметно прошла ночь. Спать хочу отчаянно. Нельзя, уже день, и поступление продолжается, за день обнаружено пять «газовых больных». Провозился с ними до 4 часов утра.

Зеелова высота осталась позади. Наши уже прорвались к пригородам Берлина. Сопrotивление противника ожесточенное, однако поток раненых значительно меньше. С 21 апреля поток прекратился, впереди развернули новые госпитали, у нас остались тяжелейшие, нетранспортабельные, которым еще необходим полный покой.

24 апреля сдали всех раненых, 60 человек, полевому госпиталю, нас переправляют в Берлин, куда уже ворвались войска 1 Белорусского и 1-го Украинского фронтов».

В наше мирное время невозможно даже представить, что можно помочь стольким раненым, стольких прооперировать за такое короткое время, под канонаду бомб и разрывы снарядов. Как же высоко было мастерство этого незаурядного талантливового хирурга! Откуда столько энергии черпал Ахмед Велич, когда сам так страдал от тяжелых ранений в легкое и бедро!

Но иначе он не мог: так высоко было его понимание долга перед Родиной, перед воинами, отдававшими свои молодые жизни за те же идеалы, за которые боролся он сам.

О нем говорили: «У него легкая рука. После его операций никто не умирает».

Его друзья, коллеги, «известные в нашей республике профессора Р. П. Аскерханов, М. С. Михайловский, М. А. Омаров, Г. К. Гусейнов, кандидат медицинских наук Ю. Я. Куликов и другие восхищались его трудолюбием, эрудицией, виртуозной хирургической техникой, доброжелательностью к людям, его обширными познаниями в литературе, искусстве, музыке.

«Удивительно яркой была эта личность», – говорили они о своем старшем друге – Ахмеде Величе Абуеве.

До 1948 года Абуев работал военным хирургом в госпитале. Вернувшись в родной Дагестан, работал ассистентом кафедры Дагестанского медицинского института, занимался лечебной, преподавательской и научной деятельностью.

За пять лет своей работы в клинике Ахмед Велич оставил о себе память, как о талантливом хирурге и замечательном человеке. Тяжелые ранения, полученные на фронте, подтачивали его здоровье, и в мае 1953 года, прямо в перевязочной поликлиники, где делал новокаиновую блокаду своей пациентке, он скоропостижно скончался.

Раиса Васильевна Абуева воспитала детей на примере светлой личности своего боевого друга, замечательного супруга. Их сын Мурад – народный артист Дагестана, талантливый скрипач, лауреат Республиканской премии имени Гамзата Цадасы, дочь Райганат – врач. Они несут людям радость и счастье, проявляя при этом доброту, бескорыстную самоотверженность, которые так ценил в людях их отец Ахмед Велич.

Именем Ахмеда Велича названы два внука и два племянника, а всего у него восемь внуков, которых ему не довелось увидеть.

Помнят его и боевые друзья в Москве и Ленинграде, Киеве и Риге, в Виннице и в Волгограде, Донецке и Казани и в других городах, откуда идут в Махачкалу письма и поздравления его семье.

ИЛЬГАР ГУСЕЙНОВ

Член Союза журналистов России

ФРОНТОВЫЕ ТРЕУГОЛЬНИКИ

*«Нет, прославленный герой
На кладбище не лежит,
И надгробник храбрецам
Ставят на краю дорог».*
Батырай

Я стою перед могилой. Мысли уносят меня в далекое босоное детство. И словно страницы книги одну за другой перелистываю я в памяти своей картины беззаботного предвоенного времени.

В 1939 году моя мать Гусейнова Сайгидат, звеньевая колхоза. «Первое мая» Сергокалинского района, побывала в Москве на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. Ее отправили туда за трудовые заслуги, за то, что с каждого гектара она собрала по 43–57 центнеров кукурузы.

Когда мать вернулась из Москвы, почти все жители села собрались у нас, чтобы послушать удивительные рассказы.

Долго не уходили люди от нас в тот вечер. После рассказа матери каждый стал вспоминать что-то свое. Затем принялись петь, танцевать. Помню, наш родственник Мамми-Магомед вдруг затянул песню. Свободно, ровно и сильно лилась она из его груди:

Если выйдешь ты за дверь,
Точно солнце из морей,
– Как над морем камыши
Тело вздрогнет у меня.
Если выглянешь в окно,
Как луна в просвете гор,
– Точно птица в камышах
Взор трепещет у меня...

Позже я узнал, что эти строки принадлежат отцу даргинской поэзии Омарла Батыраю...

– Молодец, Мамми-Магомед! Пусть цветет твоя жизнь! Как хорошо поет! – раздались возгласы.

Мамми-Магомед был в селе одним из лучших крестьян. Трудюбивый, немногословный, за что и прозвали его Мамми, что значит молчаливый, он любил доводить до конца начатое дело. В его мозолистых крепких руках чувствовалась большая сила. Но если он с кем-либо здоровался за руку, то пожимал ее осторожно, слегка, не желая выставлять свою силу напоказ. Душой он был словно ребенок: спокойный, мягкий, никого никогда не обижал. А случалось вдруг ненароком обидеть, он смущенно и виновато улыбался, и никто не мог на него сердиться.

...Любил я в детстве тихим летним днем бродить по нашим местам. Горы в эту пору словно теряют свою обычную суровость. Особенно красивой бывает речушка Машрик. Тогда, в детстве, мы, деревенские ребята, целыми днями пропадали на ее берегах. Ущелье, по которому протекает Машрик, называют «Ущельем лешего». И мы побаивались далеко забираться туда в одиночку: «А вдруг встретится?..»

Однажды, когда мы беззаботно, играли в прятки, Идрис вдруг крикнул: «Леший! Если дорога голова, торопите ноги!»

– Эй, ребята, это я, Мамми-Магомед! Не пугайтесь!– догнал нас голос. Обернулись – в самом деле – он. Ох, и шутник же Мамми-Магомед!

Долго сидел он тогда с нами. Рассказывал сказки, но не о лешем,– про находчивого и смелого мальчугана Мутая. И еще про землю нашу, которую пахал и засеивал он сам. Еще рассказал он нам о геройстве, о любви, о родном крае...

Глубокой осенью 1940 года Мамми-Магомеда и еще девятерых парней призвали в Красную Армию.

Грецкий орех осенью,

Кроною качая, Листья бросает все. До свидания, сельчане, Меня уже с друзьями на службу призывают,– громко крикнул Мамми-Магомед, обращаясь к сельчанам, которые провожали призывников до окраины села.

...Я стою перед братской могилой. Медленно читаю слова, высеченные на холодном граните могильной плиты: «Иминов М. Гвардии старший сержант».

После мой взор устремляется на отблеск Вечного огня. И видится мне, будто из огненного пламени на меня смотрит Мамми-Магомед и улыбается, слегка обнажая ровные белые зубы. Он почти такой же, как и до войны. И будто слышатся мне его слова: «Здравствуй, брат! Спасибо, что пришел проведать меня сюда, в далекий Будапешт. Передай от меня привет моему родному Дагестану, моим землякам-мургукцам...»

Я опять задумался. До меня дотронулся Камалутдин Абдуразаков — редактор Хунзахской районной газеты, он стоял рядом со мной.

– Погоди немножко, Камалутдин. Смотри, здесь написано: «Иминов М. Гвардии старший сержант». Так звали моего земляка-сельчанина, погибшего на фронте. Может быть, это его могила, и его прах покоится в венгерской земле?

– Кто знает? Вернемся в Дагестан, наведем справки.

...Я беседую с бывшим военкомом Дагестана Юсупом Султановым. Рассказываю про братскую могилу в Будапеште, на улице Имре Мезе.

– Надо написать в Москву. Оттуда вышлют нужные справки,– сказал мне Юсуп Билалович.

Я написал два письма. Одно – в город Подольск, что неподалеку от Москвы, в Центральный архив Министерства обороны СССР-

Второе письмо было в Москву, в Союз обществ Красного Креста и Красного Полумесяца. На первое письмо ответа пришлось ждать недолго:

«Главное управление кадров Министерства обороны СССР извещает, что Иминов Магомед, 1919 года рождения сел. Мургук Сергокалинского района ДАССР, удостоен двух орденов и одной, медали. Приказом 0352 по 19 Армии от 14 сентября 1944 года автоматчик отдельного лыжного батальона 122 стрелковой дивизии ефрейтор Иминов М. награжден орденом Славы III степени. Орден под номером 91611 был вручен ему самому.

Приказом 1131 по 19 Армии от 7 апреля 1945 года старшему сержанту Иминову Магомеду, командиру отделения /3-го гвардейского стрелкового полка, входящего в 59 стрелковую дивизию, была вручена медаль «За взятие Будапешта».

Приказом 1768 по 19 Армии от 10 мая 1945 года командир отделения 183 гвардейского стрелкового полка гвардии старший сержант Иминов Магомед награжден орденом Красной Звезды.

Сержант Иминов Магомед скончался в госпитале, так и не успев получить награду.

Одновременно сообщаем, что по действующему закону вышеупомянутые награды родственникам и близким погибшего передаче не подлежат.

Заместитель начальника 5-го управления генерал-майор В. БА-РЫШЕВ».

Да... Очень любил свою Родину Мамми-Магомед- Рано вступил в комсомол, принимал активное участие во всех школьных и сельских делах. С уважением относился к старшим, умел добрым словом обрадовать малышей. Друзья у него тоже были такие же, как он. С ними делился он всем.

Вспоминает участник Великой Отечественной войны Мусаев Муса:

– Перед войной мы прошли обучение в городе Кандалакша на Кольском полуострове. Очень нравился командирам солдат Иминов Магомед. Магомед с первых же дней усвоил для себя армейские законы, был готов в любую минуту беспрекословно выполнить приказ командира. Через некоторое время он стал отличником боевой и политической учебы. Но началась война, и нас разъединили. И только после войны, вернувшись домой, я узнал, что Иминов погиб на фронте смертью храбрых.

На мое второе письмо в Союз обществ Красного (Креста и Красного Полумесяца) я ждал ответа чуть подольше, но на это была причина. Венгерскому Красному Кресту пришлось потратить много времени, чтобы найти место захоронения Иминова М. и сообщить об этом в Советское общество Красного Креста. И вот я читаю ответ: «Исполнительный комитет Союза Красного Креста и Красного Полумесяца СССР сообщает, что уроженец сел. Мургук Сергокалинского района ДАССР, Иминов Магомед, 1919 года рождения, умер от ран в военном госпитале 13 мая 1945 года. Похоронен в Венгрии, в братской могиле советских воинов, которая находится на улице Имре Мезе города Будапешта. За могилой Иминова М. бережно ухаживают.

Заместитель начальника управления по поискам Р. Л. Кузнецова».

...Весна сорок пятого года. Время весеннего цветения. Воя земля в зеленом наряде. В один из прекрасных весенних дней колхозницы села Мургук собрались на косьбу. Приступив к работе, они хором затянули песню;

Грудью своего коня
Ты укроешь караван,
Твоего оружия тень
Скроет войско под собой...

Пели матери, сестры, жены и невесты воевавших на фронте. Эта песня разлилась по глубоким ущельям, поднялась до горных вершин и долетела до самого неба.

Со мной разговаривает Мусли, жена пропавшего на фронте без вести бойца. Она была среди этих женщин на поле и пела с ними песню. Сорок с лишним лет ждет она своего мужа с войны. Мусли вспоминает:

– Эту песню неожиданно прервала бригадир, которая, словно молния, прискакала на коне: «Эй, женщины! Радуйтесь! Война кончилась, мы победили!» Не было границ нашей радости. Все бросили работу, столпились на одном месте, стали петь, танцевать, обнимать друг друга. Вышла в круг потанцевать и мать Магомеда – Сарият. После подошла ко мне, обняла, сказала: «Двойная радость у меня. Получила письмо от сына. Говорит, что недолго осталось до разгрома врага, и скоро он с победой вернется домой. Победа уже

пришла, и теперь недолго осталось ждать возвращения моего сына, твоего мужа и всех наших сельчан».

Через две недели после долгожданной Победы Сарият получила известие о смерти сына. Мне пришлось прочитать это письмо: «Дорогая Сарият! Ваш сын, гвардии сержант Иминов Магомед погиб смертью храбрых за свободу и независимость нашей Родины. Вся наша часть присутствовала на захоронении Вашего сына в братской венгерской земле...».

Очередной раз огласили село плач и причитания женщин. Двадцать лет прожила Сарият после того письма. Часто сидела она, одинокая, на крыльце и тихонько пела горестные причитания. Но в глубине души ни на минуту не теряла она надежды, что ее сын вернется домой...

Рядом с колодцем, на окраине села, одиноко проживает сестра Магомеда – Рукият. Почти пятьдесят лет прошло после окончания войны, и все это время не верилось ей, что брата нет в живых, надеялась, что когда-нибудь они все же встретятся.

Когда я поехал в селение, мне непременно захотелось побывать у Рукият.

Одетая, как всегда, во все черное, Рукият приветливо поздоровалась со мной.

– Здравствуй, здравствуй, дорогой брат! Добро пожаловать в мой дом. Как поживает твоя семья? Шлет ли весточку сын из армии? Пусть он вернется радостным и здоровым, – проговорила она, тепло встречая меня.

После того, как мы оба обменялись новостями, я рассказал ей о могиле брата в городе Будапеште, о письмах из Москвы. Несколько минут после этого сидела Рукият, не шевелясь, о чем-то глубоко задумавшись. Может, она вспомнила черты своего брата, его слова, улыбку?..

После, вдруг будто очнувшись, заохала, запричитала.

– Прости меня, Рукият-адай, прости за то, что заставил тебя так переволноваться.

– Что ты, что ты, брат! Спасибо тебе большое, что узнал о моем брате, увидел его могилу, поклонился ему от меня. Если еще доведется тебе побывать в тех местах, передай ему от меня привет, скажи, что сестра не забывает о нем, что мать и Арсланали умерли. Положи на могилу брата от моего имени букет цветов.

Рукият медленно встала, вынесла из другой комнаты шкатулку ручной работы, вытащила оттуда три фронтовых солдатских треугольника и протянула их мне:

– Почитай, дорогой. От брата они. Тысячу раз уже мне их читали, и буду их перечитывать, пока я жива...

В моих руках солдатские треугольники. На каждом письме штамп с надписью «Полевая почта». Каждое слово, каждую букву этих пожелтевших, ветхих от времени писем на всю жизнь запомнила сестра Магомед.

Три письма, три адресата... Одно – матери, другое – младшему брату, третье – сестре, которая стала наследницей и остальных двух писем.

Но эти письма с фронта не просто «письма к родным». За их строками я вижу простого советского воина из далекого дагестанского села. Эти письма — свидетельства о солдатском мужестве, о долге, о силе воли и большом терпении, о любви к Родине и ко всем советским людям. Письма, написанные в перерывах между боями в окопах, землянках, под свистящими над головой пулями. Письма солдата, прошедшего долгий и тяжелый путь и освободившего от фашистского ига Европу.

Я читаю их медленно, внимательно, затаив дыхание:

«Здравствуй, дорогая мама! Не обижайся, что долго не писал: не было времени, не дают покоя проклятые фашисты. Но поверь, мама, мы победим этих гадов. Каждую минуту вспоминаю всех вас: тебя, брата, сестру. Придет время, мы уничтожим врагов и вернемся домой. И тогда будем жить без слез и горя... Твой Магомед».

«...Брат Арслана! Получил твое письмо. Не смог сразу ответить: атакуем врага, не даем проклятым передышки. Фашист пятится назад. Наши наступают на всех фронтах. Здесь я научился здорово ходить на лыжах. Лыжи – они чем-то напоминают наших утят. Очень холодно. Снег по колено. Но мы не мерзнем. На ногах теплые валенки, на теле – теплая одежда. Л фашисты – аж посинели под своими шапками. На многих из них пальто, головы обмотаны пуховыми платками, фашисты используют вещи, отнятые у простых русских женщин путем мародерства и грабежа».

«Рукият! Моя дорогая сестра! Не ругай, что часто не пишу. Вчера написал двоюродному брату Раджабу. Рассказал все о себе. Не переживай, сестра, со мной все хорошо. Гоним фрицев назад. Будем

биться, пока не сведем на нет фашистское племя. С приветом твой брат Магомед».

Солдатские треугольники... В каждом письме — образ бойца, геройски выполнившего свой долг перед Родиной, образ воина-освободителя.

Именно таким был мой земляк Магомед, гвардии старший сержант, не пожалевший своей жизни во имя того, чтобы сегодня над нами светило яркое солнце и было чистое небо. Его светлый образ навечно останется в сердцах односельчан.

БАГИШ БАГИШЕВ

Член Союза журналистов России

ВОЕННЫЙ ХАРАКТЕР

Давным-давно на бывших полях сражений колосятся «хлеба, каждую весну в подвенечный наряд одеваются сады. Но ветераны не могут и не хотят забыть огненных военных лет. У обелисков не вянут цветы, и к старым боевым рубежам не зарастает тропа.

Живет в нашем древнем и вечно юном Дербенте «бывший фронтовик Уружбек Оруджевич Балафендиев, десятки лет проработавший в органах правосудия, прокуратуре и в адвокатуре г. Дербента, и только в первые весенние дни 1994 года ушедший на заслуженный отдых с пожизненным окладом народного судьи-

Нелегким был боевой путь Уружбека Балафендиева. Он «испил свою чашу, познал «и горечь отступления, и тяжести утрат, и радость победы. И получил за ратные подвиги боевые награды: ордена, медали и одну общую – вечную благодарность Родины.

Несколько потускневших снимков, сделанных полковыми фронтовыми фотоаппаратами, сохраненные близкими письма с переднего края, справки из «госпиталя, десятки благодарностей от Верховного Главнокомандующего «Маршала Советского Союза И. В. Сталина. Вот все, что осталось у Уружбека от фронтовых лет.

– Но память моя,– вспоминает Уружбек,— сохранила много. И первый бой, и горькие дни пожаров сорок первого года, и голоса друзей, не доживших до дня Победы.

Основная довоенная специальность Уружбека Балафендиева – учитель в селении Тагиркент-Казмаляр Магарамкентского района. Он

окончил Дербентское педучилище. Время было мирное, но «в воздухе пахло грозой». Гитлеровская Германия перекраивала границы Европы. И вот однажды в кругу сверстников Уружбек заявил:

– Как хотите, друзья, а я иду завтра в военкомат, запишусь добровольцем в Красную Армию.

Так он и поступил. В феврале 1940 года родные и друзья с гордостью и радостью проводили его в армию.

Служил Уружбек на западной границе в городе Сокаль Львовской области. Судьба так распорядилась, что с первого же дня войны Уружбек оказался в пекле сражения с превосходящими силами врага.

– Очень тяжело мне сейчас вспоминать, – говорит Уружбек, – те страшные дни для наших воинов и для нашего народа. Прорвав заслон насмерть стоявших пограничных застав, танки, моторизованные части немецко-фашистских захватчиков двинулись вперед. С воздуха на бреющем полете стервятники со свастикой обрушивали на защитников границы бомбовые снаряды. Нашим артиллеристам некогда было занять огневую позицию. Они немедленно развернули пушки и прямой наводкой открыли огонь по танкам и мотопехоте фашистов. Превосходство в боевой технике и живой силе у немцев было очевидно. В этой страшной боевой операции нам было нелегко, но наша часть не отступила. Она отбила несколько атак гитлеровцев- Это стоило больших потерь. На второй день все повторилось. Заговорили вражеская артиллерия и минометы. Опять поползли на наши позиции танки. Я всматривался вперед, стараясь разглядеть гитлеровцев. От едкого дыма пересохло в горле, стало трудно дышать, в глазах пелена,— продолжает Уружбек.— Мне казалось, что обо мне все забыли в этой адской круговерти бойни.

– Почему не стреляешь?— вывел меня из оцепенения голос командира.

– Куда стрелять-то?

– Хорошо смотри. Видишь – прут!

– Только теперь я разглядел, что с опушки леса, к нам медленно приближается цепь вражеских солдат. Они что-то кричали и ожесточенно палили из автоматов. Мы не дрогнули. И дали достойный отпор. Ударил наша артиллерия, и дружно заговорили пулеметы. Гитлеровские вояки остановились и повернули назад, оставив на поле сотни трупов. Но и наши ряды сильно поредели.

Ночью нас поднял окрик командира:

– Быстро!.. Отходим в лес!

В этом бою Уружбек получил первое ранение и первое боевое крещение.

– Мы вынуждены были с боями отступить на восток. На одном из привалов состоялось комсомольское собрание, на котором я был принят в ряды комсомола. Это было в 1941 году, – говорит ветеран.

Части Красной Армии под натиском численно пре-восходящих сил противника с боями отступали все дальше на Восток и подошли к столице Украины Киеву.

Гитлеровцы шли неотступно за ними, танки противника форсированным маршем обошли подразделения наших войск в районе Киева и сомкнули кольцо.

– Мы получили приказ командования выйти из окружения мелкими группами либо присоединиться к партизанам, – вспоминает Уружбек. – Но я с пятью бойцами, совершая ночные рейды, продвигался на восток по оккупированной немцами территории, нападая на патрульные посты и небольшие подразделения противника. Наконец после изнурительных переходов нам удалось перейти линию фронта и присоединиться к регулярным частям нашей армии. Нас зачислили во вновь сформированный 179-й стрелковый полк 59-й стрелковой дивизии. Отныне вся моя фронтовая жизнь была связана с этой дивизией, в составе которой прошел путь от Сталинграда до Вены.

За проявленное мужество и храбрость в наступательных операциях однополчане-комсомольцы избрали Уружбека своим вожаком.

– Вскоре нас отправили на самый трудный участок передовой линии фронта, – говорит Уружбек. Это было в районе Сталинграда. Стояли лютые морозы. Мы отбивали в день по несколько атак озверелых гитлеровцев. Сколько времени прошло с начала боя, я как-то не заметил. Во рту пересохло, хотелось курить. Над нами свистели пули, кругом рвались снаряды.

– Ребята! Фрицы прорвались! – крикнул кто-то. Действительно, слева на нас шла целая орава гитлеровцев в серо-зеленых шинелях. Пришлось развернуть пулеметы и дать им как следует «прикурить». Но фашисты упорно окружали нас с флангов.

Нет ничего горше, чем сдавать занятые с боем позиции. Трудный был бой. Фашисты в конце концов дрогнули. Мы снова были хозяевами положения. На земле и в траншеях, дымившихся от

разрывов, нашли мы тела наших павших товарищей, среди них был и мой друг, с которым вышли из окружения. Я поклялся мстить за него и других бойцов подразделения. И мстить до победного конца.

Знаменателен для Уружбека Балафендиева январь 1943 года. Сразу два события произошли в его жизни. Коммунисты приняли его в свои ряды, а комсомольцы – избрали комсоргом полка-

— По-прежнему продолжалась фронтовая жизнь. Ежедневные бои без передышки, контратаки, убитые, раненые. Наши войска, отбивая атаки противника, продвигались вперед и подошли к реке Северный Донец, – говорит Уружбек Балафендиев.

Пожелтевшая вырезка из газеты за 1985 г.

«Хочется рассказать в своих воспоминаниях об одном отважном воине-дагестанце Уружбеке Оруджевиче Балафендиеве, – пишет бывший начальник штаба и командир 179 гвардейского стрелкового полка подполковник в отставке Редник Николай Васильевич из Ворошиловграда.

Это было в сентябре 1943 г., наша 59 гвардейская стрелковая дивизия, в том числе и наш полк, вплотную подошли к реке Северный Донец, в районе шахтерского города Лисичанск. Небольшая группа воинов, численностью около 40 человек, неожиданно для противника форсировала реку Северный Донец и создала на правом берегу плацдарм для дальнейшего наступления. Фашисты вынуждены были отойти от берега, заняв оборону на возвышенном участке.

Левый берег, где находились наши подразделения, был лесистым. На второй день с подразделением, которое ночью форсировало реку, прервалась связь. Создалось опасное положение. Необходимо было восстановить связь с командиром подразделения.

Командир полка подполковник Матвей Герасимович Дубовик, хорошо знавший мужество, храбрость комсорга Балафендиева, по радиосвязи вызвал его на командный пункт и в моем присутствии оказал:

– Комсорг, связь с подразделением, которое находится на правом берегу, прервалась. Дело опасное, рискованное, но восстановить связь крайне необходимо, нужно переплыть реку. Кого порекомендуешь?

– Товарищ подполковник, разрешите боевое задание выполнить лично мне.

Командир полка обнял Уружбека, крепко пожал руку и сказал:

– Будьте осторожны!

По берегу реки с нашей стороны занимал оборону батальон пехоты, которым командовал земляк Уружбека дагестанец из Касумкента Багаутдин Эмиров. Подойдя к берегу реки, свой комсомольский билет Уружбек положил в карман, автомат повесил на грудь, попрощался с земляком, обняв его, и среди белого дня, на виду у врага, начал переплывать реку. Он шел на верную гибель. Немцы открыли по смельчаку ураганный огонь.

С нашего берега прикрывало огнем друга подразделение Багаутдина Эмирова.

Чудом Уружбеку удалось благополучно достичь противоположного берега, лишь каску пробило. Устранив дефект в радиоаппаратуре, он восстановил связь с командиром полка, доложил ему обстановку, а сам остался на том берегу.

Через 2–3 дня наша дивизия получила пополнение и форсировала реку, прорвала сильно укрепленную оборону немецких войск и перешла в наступление. Уружбеку не суждено было больше встретиться со своим земляком Багаутдином Эмировым. В этих боевых операциях он пал смертью храбрых.

Далее Николай Васильевич пишет:

«С Уружбеком Балафендиевым — любимцем полка, я расстался за 20 дней до победоносного завершения Великой Отечественной войны. В конце апреля 1945 года после освобождения столицы Австрии Вены комсорг Уружбек Балафендиев был тяжело ранен и отправлен в госпиталь.

С бесстрашным и отважным воином-дагестанцем мы увиделись после войны, в 1972 году, в молдавском городе Тирасполе на встрече бойцов нашего полка.

Какую большую бесценную радость доставила нам встреча однополчан, фронтовых братьев! В красноармейской газете фронтовых лет за 1943 год в статье «Пока бьется сердце» читаю такие строки: «Уружбек Балафендиев до войны учительствовал в Магарамкенте, на службу ушел добровольно. В грозные дни вступил в комсомол.

Получая на фронте комсомольский билет, Уружбек поклялся:

«Пока бьется сердце, буду честно служить Родине!» Он стал комсоргом батареи. Был всегда среди бойцов. Умел зажигать в них ненависть к врагу и веру в наше правое дело.

Бои под Сталинградом. Потом удар по врагу за Доном. Балафендиев с телефонным аппаратом и автоматом в руках тянул связь там, где, казалось, невозможно было пройти человеку. Там, где операция требовала наибольшего мужества и риска, всегда находился комсомолец Балафендиев.

Балафендиев вместе с парторгом Фролковым возглавлял небольшую группу комсомольцев-воинов, которая отбила десятки атак, не пропустив врага на другой берег реки. Таков герой – бесстрашный комсорг Балафендиев».

...44-й год. Советская Армия преследовала гитлеровцев по всему фронту. Она приближалась к государственной границе. Недалек был день Победы. Но враг был еще силен и коварен. И вот в этот победоносный год в одном из номеров газеты «Дагестанская правда» было напечатано фронтовое письмо гвардии лейтенанта У. Балафендиева. Обращаясь к землякам, он писал: «Большой победный путь прошла наша дивизия. Мы освободили Ворошиловград, Лисичанск, Красный Лиман, Краматорск, Запорожье, Никополь, Николаев, Одессу. Наш боевой путь — от Дона до Днестра и дальше на запад. Многие наши гвардейцы награждены тремя-четырьмя правительственными наградами. И я, ваш земляк, тоже не отстал от своих товарищей. Меня наградили орденами Отечественной войны, Красной Звезды и медалью «За отвагу». Товарищи колхозники и колхозницы Дагестана! Сейчас в Дагестане идет уборка урожая. Это тоже фронт. Соберите урожай в сжатые сроки и без потерь...»

Враг, отступая, яростно сопротивлялся. Но ничто уже не могло остановить победоносное наступление советских войск.

Вот пожелтевшие фотографии фронтовых лет. На одной из них, снятой перед форсированием реки Днепр в 1944 г., группа партийно-комсомольских работников 59 гвардейской Краматорской Краснознаменной орденов Суворова и Богдана Хмельницкого стрелковой дивизии: справа – молодой гвардеец, старший лейтенант Балафендиев Уружбек из Дагестана, лезгин, комсорг полка, рядом с ним капитан Баблаев — армянин, парторг полка, третий – подполковник Гриценко – начальник политотдела 59 гвардейской дивизии, украинец, четвертый – лейтенант Дзадзоев, осетин, пятый – капитан Фахрудинов, татарин.

Эти фронтовые братья своей пролитой кровью способствовали наступлению Великой Победы.

Вожак молодежи комсорг Балафендиев первым с подразделением своего полка, южнее города Николаева в районе с. Грушевой Кут, под сильным пулеметным огнем противника, форсировал реку Днепр, создал плацдарм для дальнейшего наступления. В этой боевой операции Уружбека настигла вражеская пуля, он был ранен уже в третий раз. Но в госпитале пробыл недолго.

После выздоровления, вернувшись в свою родную войсковую часть, он принимал участие в сражениях по освобождению от немецко-фашистских захватчиков Румынии, Венгрии, Чехословакии, Югославии, Австрии.

Незадолго до победного дня, в конце апреля 1945 г., после освобождения Вены, У. Балафендиев был тяжело ранен. С тех пор в теле воина навечно остался осколок фашистской мины. Из госпиталя ему уже не суждено было вернуться в строй, и он был демобилизован инвалидом 2 группы.

После Отечественной войны У. Балафендиев получил новую профессию. Окончил Московскую юридическую школу, а затем Всесоюзный заочный юридический институт.

У. Балафендиев воспитал трех сыновей, двух дочерей, имеет много внуков. Уружбек Оруджевич рассказывает им, как братство народов страны оказалось сильнее фашизма, и завещает свято хранить дружбу между людьми.

Будучи на встрече с однополчанами в городе Краматорске, который он освобождал вместе с другими воинами, У. О. Балафендиев написал в местной газете: «Ушли в прошлое те суровые дни, но в последнее время почему-то чаще вспоминаются друзья-товарищи военных лет. Вспоминаются своими чистыми помыслами, той энергией, которую горды были отдать своему Отечеству.

Любой фронтовик может подтвердить, что воевали плечом к плечу воины всех национальностей. Победу отстаивали все вместе: и русский, и узбек, и грузин, и казах. Почему же сегодня мы стали забывать, какой ценой нам достались свобода и братство?!».

У Уружбека Оруджевича Балафендиева трудная фронтовая судьба. Но суровые испытания не сломали защитников Отечества, не поколебали их веру в Победу. И она была завоевана 50 лет назад.

ЭММА ТЫЩЕНКО
Член Союза журналистов России

РОЖДАЛИСЬ ЖЕНЩИНЫ ДЛЯ СЧАСТЬЯ

Стою на плацу среди сотен таких же, как я – матерей. Рядом – отцы, дедушки и бабушки. Взоры всех устремлены вперед, где выстроившись в стройные колонны стоят наши сыновья, внуки. Я смотрю и не могу узнать своего сына среди сверстников. Все они будто на одно лицо. Вспоминаю шумную, бесшабашную ватагу вчерашних выпускников школ, озорную, шаловливую, неугомонную толпу, всего два месяца назад встретившую нас у стен училища, куда мы с сыном пришли узнать об условиях приема. Что же случилось с ребятами? Их будто подменили: перед нами стоят подтянутые стройные юноши, уже твердо выбравшие свой жизненный путь. Их объединяет и делает похожими не только форма одежды, общие учебные часы, общие столовые и спальни, их объединяет сознание того великого, чему себя посвятили: защита Родины, защита мирного труда, радостной улыбки ребенка, счастья влюбленных. Они сегодня присягают на верность Родине-матери. И эта присяга в юношеских устах звучит торжественно, продуманно, твердо, ребята клянутся защищать свою землю, свой народ, свою жизнь. Твердо сжимают руки юношей боевое оружие, а нам, матерям, очень хочется, чтоб это оружие стреляло только в день радости, салютом. Мы хотим, чтобы наши дети никогда не испытали того, что выпало на долю их дедов и прадедов.

Война – не женское дело, однако, согласитесь, женщины от нее страдают больше. Женщина дает человеку жизнь, растит его с любовью для мирных дел. Какой же тяжелый, непосильный груз ложится на ее плечи, старит и горбит ее без времени, если ей приходится хоронить свое дитя, свою кровиночку, варварски загубленную войной...

Мой сын сегодня присягает Родине, а мысли мои уводят меня в тот далекий, но никогда не забываемый, кровавый 1941-й год.

ПОЛУЧАЛА ПИСЬМА МАМА

Ей было всего пятнадцать лет, когда началась Великая Отечественная. В первый день ушел на фронт брат, опора и надежда

семьи. Она обила порог военкомата – на фронт! «Мала еще,— едва завидев Соню Мурсалову, настойчивую ахтынку, говорил военком Николай Романович Никифоров, тяжело вздыхая, – учиться тебе нужно, а не воевать, не детское это дело. Иди домой, мама волноваться будет!»

А маме некогда было, женщины в эту тяжкую годину заменяли в работе мужчин. Нужно было накормить, одеть, обуть армию, вооружить, чтобы быстрее избавиться от вероломного фашиста. Соня со своими сверстниками тоже много работала, училась, в агитбригаде выступала. Худенькая, маленькая, черноглазая девочка, кажется, не знала устали ни в чем. И уж очень настойчивой была. Как бы она ни была занята, находила время заскочить в военкомат: «Пошлите на фронт!» — была ее неизменная просьба.

Шел 1943-й год. Соне наполнилось 17, когда пришла и в их дом черная весть – погиб брат. В это время в Актах, пожалуй, не было ни одной семьи, где бы женщины не надели черные траурные одежды. Зажав в кулаке похоронку, девушка снова пришла в военкомат. Твердо сомкнутые губы, решительный и такой грустный, с затаенной недетской болью взгляд подсказали военному, что его уговоры бесполезны.

– Я хочу быть там, где был он,— девушка разжала кулачок,— я отомщу...

– У тебя большое горе, девочка, но злость плохой советчик. Подумай. Сейчас не только ты в беде, вся Родина в крови.

— Поэтому и прошусь на фронт,— твердо сказала Соня.

Девушка получила повестку. Собралась быстро. Отрезав свои длинные косы, завернула их в белый платочек и спрятала на дно сундука. Написала маме письмо, в котором попросила прощения за то, что оставляет ее одну, пообещала вернуться с войны живой. Храбрости проститься с мамой не хватило, Соня знала, что для матери она теперь все богатство, все надежды.

Соня попала в роту связи. 347-й стрелковой дивизии 44-й армии. От нормальной работы связи на фронте зависело многое, и связисты обеспечивали связь, как ни тяжела была катушка с кабелем, железные когти, как ни свирепствовали враги. Ни в холод, ни в жару, ни в ливень у связиста работа не отменялась, связь не ждет. И девушки делили эту непосильную работу.

— Чего вы, Соня Ганиевна, больше всего боялись там, на войне?— спрашиваю собеседницу.

— Конечно, смерти, к ней никогда не привыкнешь, Страшно, когда теряешь друзей... На войне как-то быстро роднишься с людьми. А еще я очень боялась... мышей,— зардевшись, смущаясь, сказала Соня Ганиевна. — Помню, случай был такой. Я сменилась и, зарывшись в сено, крепко заснула. На передовой редко удавалось хорошо поспать. Проснулась от какого-то скрежета, посмотрела, а в углу нар мышка скребется. Я так закричала, что все в землянке подбежали ко мне. У меня, видимо, такой ужас застыл в глазах, что окружающие на миг потеряли дар речи. Потом, когда узнали, кого я так испугалась, смеялись весь день. А наш старшина еще долго ворчал: «Девчонка и есть девчонка! Под пули лезть не боится, смерти в глаза смотрит, а какого-то мышонка испугалась!»

...В 453-м отдельном батальоне Соня обслуживала центральную телефонную станцию, работала без устали, упорно, неделями не отходила от аппарата, не выходила из землянки. Она не по годам была серьезной, и ей доверили быть начальником 4-го поста 155-й отдельной роты связи. С ней работали еще четыре девушки. Сколько раз им приходилось без отдыха, без смены дежурить у аппарата?! Линия связи и в мирное время не всегда действует безотказно, а тут кругом взрывы, нужно постоянно быть готовой к тому, что придется искать обрыв. Бывало, только приляжет Соня на топчане, вдруг слышит: «Товарищ сержант, пытались найти повреждение, да ничего не нашли. Как быть?» И Соне приходилось находить выход: захватив с собой инструменты, винтовку и телефонный аппарат, шла налаживать связь. Да, она боялась смерти, но старалась о ней не думать, и только об одном писала домой: как хочется скорее прогнать врага, чтобы люди мирно трудились, учились, ездили друг к другу в гости. Соня дошла до Берлина и на стене рейхстага угольком поставила свою подпись.

До сих пор Соня Ганиевна не может забыть ни одного мгновения жизни на войне. Перед ее глазами и сейчас стоит веселая, жизнерадостная хохотушка Лида, которая очень любила танцевать и делала это почти профессионально, мечтала об ансамбле. Ее изящные, красивые ножки при любом удобном случае выбивали чечетку, подхватывали на лету любую мелодию, но вот наступил ужасный миг, когда из прекрасной танцовщицы. Лиды фашистский снаряд сделал калеку, оторвав ей обе ноги. И Соня Ганиевна понимала, что Лида лишилась не только ног, девушка лишилась мечты, жизни. Она вспоминает, как выносила из-под обстрела

раненого старшину, который умолял оставить его, считая, что он все равно уже не жилец. Но она упорно тащила его на своей спине, и уже в безопасном для жизни окопчике сержант тихо прошептал: «Не жаль, что в таком возрасте умираю, жаль, мало сделал для Родины!» Это были люди, это были герои. Их забыть нет сил.

Память цепко держит воспоминания военных дней, и, когда Соне Ганиевне снова пришлось через 40 лет проехать путь от Дагестана до Берлина, он не стал короче от того, что совершался в мирные дни: она останавливалась у каждого обелиска, у каждого памятника, каждой братской могилы – здоровалась со своими сверстниками, отчитывалась за прожитые без них: годы...

Народы Северного Кавказа сражались в едином строю против фашистских оккупантов. Патриотизм, горячая любовь к Родине, жгучая ненависть к иноземным завоевателям – вот что характеризовало в годы Великой Отечественной войны все без исключения народы и народности Кавказа.

А. ГРЕЧКО, Маршал Советского Союза

Гаджи Шамов

Член Союза журналистов России

ПОБЕДА ОБЩАЯ

Полвека прошло после окончания Великой Отечественной войны, а каждый год и месяц открывают нам новые страницы летописи победы советского народа над фашизмом. Узнаем мы и новые имена земляков, участвовавших в этой великой битве, с неожиданной стороны раскрываются наши старшие друзья, коллеги по работе, просто знакомые.

Али Магомедовича Нурбагандова, долгое время возглавлявшего Министерство сельского хозяйства, а затем Министерство лесного хозяйства Дагестана, хорошо знают в республике как умелого организатора и руководителя, участника Великой Отечественной. Но мало кто слышал или читал о подробностях его военной биографии, поскольку он, из-за своей скромности и большой деликатности, никому об этом не рассказывал. А ведь он является одним из первых дагестанцев, добровольно отправившихся на фронт в юном возрасте. Пройдя с боями от Кавказа до Чехословакии, он умножил славу нашей Отчизны, за что награжден орденами Октябрьской Революции,

Красной Звезды, Отечественной войны 1-й степени, а уже в мирное время – орденом Трудового Красного Знамени и медалью «За трудовое отличие», не считая различных званий и Почетных грамот.

И вот сегодня, в преддверии 50-летия Великой Победы, мы имеем возможность опубликовать, хоть и в кратком изложении, его мемуары.

«Родился я в селе Сигурбимаки Сергокалинского района. В настоящее время этого села нет, оно было переселено на равнину в 1949 году. В нем насчитывалось около 40 хозяйств, объединенных в достаточно крепкий, богатый колхоз имени А. Микояна. Председателем колхоза был мой дядя – Нурбаганд Нурбагандов, тоже добровольно ушедший на фронт в самом начале войны и не вернувшийся оттуда. Отец мой по происхождению – крестьянин, в конце 20-х годов окончил учительские курсы и преподавал в школах соседних сел. Каида мне было 4–5 лет, мать и младший брат умерли от тифа. Поскольку отец все время был в разъездах, я оставался один и меня фактически вырастил дядя.

В 1933 году я пошел в школу сразу во 2-й, класс, так как уже умел читать и писать, благодаря иногда удававшимся поездкам с отцом и посещениям его уроков. Вообще мне учеба давалась легко, и после окончания начальных классов отец отвез меня в Сергокалинскую школу-интернат. Таким образом, в 1939 году я окончил семь классов и поступил на подготовительный курс педучилища в г. Буйнакске. Здесь успел отучиться только до 1 курса, так как в 1940 году ввели плату за обучение. Поскольку денег у меня не было, я вернулся домой в Сигурбимахи и пошел в 9-й класс Урахинской средней школы. Она располагалась в 9-ти километрах от нашего села, и мне приходилось каждый день отмеривать около двух десятков, а то и больше километров пешком.

Во время летних каникул 1941 года мы, сельская молодежь, работали в родном колхозе, я был тогда секретарем школьной комсомольской организации. И вот, помню как сейчас, солнечным летним днем пасем мы с ребятами рабочих волов и лошадей и видим, как от села по тропинке бежит один из наших друзей, машет руками и кричит: «Война, война, война!..». Мы ничего не понимаем, какая война, где война? Он подбежал, запыхавшись, и объясняет: «Из сельсовета пришел гонец и сказал, что началась война с немцами».

Тогда, я вскочил на коня и погнал во весь опор в село, прискакал, захожу в дом: дядя сидит, подперев голову руками, и вздыхает: «Да, сынок, война. Говорят, немцы уже нашу границу перешли».

И с этого дня жизнь всех нас резко изменилась, стала напряженной обстановка, тревожнее за родных и близких, мужчин, которых забирали на фронт. Где-то в октябре ушли добровольцами и мой отец и дядя, оставив на мое попечение семью, где я был старшим. Возвращаясь из школы, я каждый раз заходил на почту и приносил в село газеты и письма с фронта, а также призывные повестки. Мне довелось провожать до военкомата в Урахи почти каждого, отправляющегося в армию сельчанина. Я настойчиво просил в военкомате -отправить и меня поскорее на фронт. Был такой искренний порыв и, патриотический дух, желание не отстать от других, тем более, что я был секретарем комсомольской организации колхоза.

После первого заявления меня вызвали в военкомат и объяснили, что я еще мал для фронта, после второго и третьего – прислали повестку и, помню, один лейтенант сказал: «Слушай, надоел ты нам всем».

Я ответил: «Если надоел, отправьте меня в армию».

Тут они посоветовались, посоветовались и говорят: «Мы формируем группу для учебы в Тбилисском пехотном училище, врачебная комиссия будет в г. Дербенте. Если ты там пройдешь комиссию, тогда – пожалуйста».

Таким образом, я оказался в г. Дербенте, где успешно прошел комиссию, но в городском военкомате что-то смотрю, на меня никто не обращает внимания. Стоим в коридоре, других вызывают, меня – нет. Подхожу к какому-то подполковнику и спрашиваю, почему меня никто не вызывает.

– А мы не можем тебя никуда отправить, кроме как домой,— отвечает он, – мал ты еще.

– Домой я не вернусь ни за что – взъерепенился я, – сяду в первый же попавшийся военный эшелон.

– Ну, что мне с тобой делать,— развел руками подполковник,— давай, собирайся, раз ты такой настырный.

– Вот так я попал в Тбилисское пехотное училище, это было в начале февраля 1942 года- Располагалось оно на берегу Черного моря в Гаграх, одновременно с учебой мы охраняли берег моря, железнодорожный мост. В августе того же года мы сдали

госэкзамены и ждали присвоения офицерского звания. 28 августа нас подняли по тревоге и пехотным маршем перебросили мимо озера Рица на горный перевал Санчара – Чумахара, где высадился немецкий десант. Здесь мы воевали до конца октября, а когда пошел снег, наш батальон спустился вниз, отделение же, которым я командовал, осталось на перевале, как заграндозор.

Помню, очень трудно пришлось нам здесь в первое время. Мы были в летнем обмундировании, в старых ботинках, каких-то обмотках и сильно мерзли. Но самое трудное – нечего было есть, то, что оставалось: пачку концентрата, 400 граммов сухарей и банку консервов – мы съели в первый же день. Девять суток мы питались только щавелем и пили холодную воду. Опухли ноги, и бойцы еле двигались, у меня ныла рана в ноге, полученная в здешних боях. Но вскоре наши части освободили от немцев близлежащий аэродром и к нам стали летать самолеты, сбрасывать одежду и питание. В ноябре, когда уже перевал полностью завалило снегом, мы спустились на равнину, в расположение своей части, и здесь выяснилось, что у меня обморожение нот. Меня тут же самолетом отправили в Сухуми, где я пролежал в госпитале около месяца.

В 20-х числах декабря я выписался из госпиталя и был отправлен в Кутаиси, где попал в 1-й горнострелковый отряд альпинистов и был назначен помощником командира взвода. Воевали на Клухорокском перевале, и с боями дойдя до Теберды, освободили ее.

В конце августа 1943 года меня направили в военно-педагогическое училище, располагавшееся в Степанакерте. Там встретил своего сокурсника и земляка из села Мулебки Гебека Магомедова. Его отец нас в свое время провожал в армию. Гебек, оказывается, попал сюда после ранения, и уже год занимался.

Через полтора месяца я подал рапорт на имя начальника училища с просьбой досрочно допустить меня к выпускным экзаменам. В ноябре вместе с другими курсантами я сдал экзамены, получил звание младшего лейтенанта, и нас отправили на фронт, поездом через Баку, Дербент, Махачкалу и т. д. Со мной в вагоне был и Гебек, который накануне дал телеграмму домой, чтобы его встретили на станции Каякент родные. Мы подъехали туда глубокой ночью, смотрю: Гебек спит. Не стал его будить, а вышел из теплушки и пошел на станцию. Зашел в пустое полутемное здание вокзала, вижу: в углу сидят и дремлют трое горцев в папахах. Легонько тронул одного из них за плечо: «Где здесь вода?»

– Там, – он спросонья неопределенно махнул рукой.

Тогда я по-даргински интересуюсь: «Из какого села вы будете?»

– Из Мулебки, – отвечает.

– Передайте, – говорю, – отцу, родственникам Гебека Магомедова, что его и Али Нурбагандова, сына Магомеда из Сигурбимахи увезли на фронт.

Тут мой собеседник окончательно проснулся: «Так вот же, – говорит, – отец Гебека, а мы его двоюродные братья, ждем вас уже третьи сутки».

Схватил я их, и побежали мы к вагону, растолкали Гебека и только тогда обнялись и принялись за расспросы. Они доехали с нами до Гудермеса и здесь распрощались.

Когда эшелон прибыл по назначению, наши с Гебеком дороги тоже разошлись: он попал на 1-й Украинский фронт, я – на 4-й. Наша часть с боями прошла от Мариуполя, через Николаевскую, Запорожскую области, до самой Одессы. Схватки были тяжелые, упорные, так что, можно сказать, весь этот путь я проделал на животе, локтях и коленях. Командовал автоматным взводом в составе 230-й Сталинской ордена Кутузова Краснознаменной стрелковой дивизии.

В апреле 1944 года наша дивизия форсировала Днепр и подошла к самой Одессе, нашему взводу была поставлена задача перерезать железнодорожную ветку и захватить небольшую пригородную станцию. Помню, еще лежал рыхлый снег и идти местами было нелегко. До станции оставалось где-то около 150 метров, как вдруг с двух сторон в нас ударил пулеметный огонь. Эти огневые точки оказались почему-то незаселенными нашими разведчиками. Мы залегли, кругом ровная гладкая степь, а огонь не прекращается. Думаю, перебьют здесь нас, как зайцев, надо броском ринуться в окопы противника, а там – чья возьмет. Скомандовал: «В атаку!», и мы ринулись в сторону противника. Не пробежал и нескольких десятков метров, как что-то толкнуло меня, и я упал лицом прямо в снег. Лежу на земле и боковым зрением вижу, как из шеи на снег бьет пульсирующим фонтанчиком кровь, а сам думаю: почему это у меня руки назад стянуты. Затем потерял сознание.

Очнулся наутро в каком-то сарае, на соломе, рядом еще несколько бойцов лежат. Это наши санитары подобрали раненых с поля боя и принесли сюда. Потом нас на подводах отвезли в уже освобожденную Одессу, в госпиталь, где выяснилось, что у меня

сквозное ранение в шею и правую руку. Оказывается, мне еще повезло: пуля прошла в 3–4 мм от сонной артерии.

В общем, провалялся я в госпитале шесть месяцев с контузией спинного мозга, повреждением 3-го шейного позвонка, атрофией рук. Сначала в Одессе и Днепродзержинске, а потом погрузили в эшелон и повезли в Тбилиси. Около Махачкалы у меня открылось кровотечение, и меня 20 мая 1944 года высадили в городе. В то время в здании пединститута размещался сортировочный госпиталь, меня привезли вначале туда, а затем поместили в военный госпиталь, находившийся в помещении 2-ой школы. Здесь я лежал до 20 сентября 1944 года. Со мной сюда попали еще два офицера из нашей дивизии, и мы попросили начальника госпиталя выписать и отправить нас в свою дивизию. Хотя я и выписался с определением: годен к ограниченной строевой службе, т. е. с инвалидностью, но все же поехал в дивизию. В районе Кременчуга нас остановили и вернули в Харьков, так как вышел приказ о том, что лиц из офицерского состава, получивших ранения и инвалидность, на фронт не допускать.

В Харькове я был в запасном офицерском полку до конца 1944 года, потом начал проситься на фронт. Наконец, в апреле 1945 года я уехал на 1-й Украинский фронт в 2154-ю дивизию, 954-й полк и вместе с ним закончил войну 10 мая под Прагой.

После этого мы пешком через Польшу вернулись в Западную Украину, где пришлось повоевать с бандеровцами. В 1946 году демобилизовался, вернулся домой, а нашего села – нет. К счастью, оказалось, отец тоже вернулся с фронта живым и работает в селе Гичи Тапиры участковым уполномоченным, с ним я и поселился. Решил продолжать учебу, собрал документы и поступил на исторический факультет Дагпединститута. В апреле 1949 года поступил на работу в органы госбезопасности, в 1954 году стал инструктором орготдела обкома партии. В 1960 году окончил Высшую партийную школу в Москве и 12 с лишним лет работал первым секретарем Сергокалинского райкома КПСС. В 1973 году был назначен министром сельского хозяйства, а в 1975 – министром лесного хозяйства Дагестана, где и проработал до ухода на пенсию в 1985 году.

Несмотря на это, продолжаю и сейчас трудиться в Министерстве по национальным делам и внешним связям. Такова вкратце моя биография, и в ней главное то, что она неразрывно связана с историей моей страны, моей республики. Этим я и горжусь».

С. СОТАВОВ

Член Союза журналистов России

МУЖЕСТВО

В степях Украины раскинулось село Корделевка, все утопающее зелени, в нем есть совхоз, колхоз, крупный сахарный завод, комбинат хлебопродуктов, 2 средние школы, торговый центр, Дом культуры, кинотеатр, детские ясли и сады.

В мае особенно красива Корделевка. Я много ходил в дни своей командировки по ее улицам: и днем, под сенью огромных канадских тополей, акаций, плакучих ив, и вечером, когда перед закатом золотистые лучи солнца ласкали эту мужественную землю – свидетельницу больших событий. У пруда, расположенного в центре села, рыбачат ребяташки. В поле, на заводе – везде кипит напряженный, самоотверженный труд, течет счастливая, мирная жизнь. И не скажешь, что в годы войны село почти полностью было разрушено гитлеровцами.

Корделевцы, особенно пожилые, помнят тяжелые военные годы, чтят память о погибших за освобождение села. Мне показали где шли ожесточенные бои с 9 по 13 марта 1944 года, потом мы подошли к высокому красивому памятнику у братской могилы, где похоронены 280 советских воинов. На мраморных плитах золотом высечены имена тех, кто отдал жизнь за освобождение села. Подхожу к могиле. Читаю. Первая фамилия: «Абдурахманов Ильяс Латипович — гвардии старший лейтенант, погиб 10 марта 1944 года». Не верю своим глазам. Перечитываю. Ведь это мой земляк, казмааулец! Много слышал я о нем от стариков - односельчан.

Сколько же может рассказать всего одна строчка на могильной плите: о мужестве, о человеческой судьбе, о храбрости и бессмертии...

Заинтересовавшись судьбой своего земляка-казмааульца, гвардии старшего лейтенанта Ильяса Латиповича Абдурахманова, я много беседовал с жителями Корделевки, переписывался с его однополчанами, запрашивал военные архивы. И вот что удалось мне узнать.

...К концу сентября 1943 года советские войска вышли к Днепру. Весь в огневых точках и. мощных укреплениях, этот рубеж составлял основу так называемого Восточного вала — стратегического пункта

обороны противника, где гитлеровское командование намеревалось остановить наших воинов. Он создавался с весны 1943 года, в расчете на то, что Красной Армии не под силу будет после длительных непрерывных боев в таком же стремительном темпе преодолеть Днепр – труднейшую водную преграду. Пойма реки заболочена, имеет много притоков...

Гитлер надеялся, что овладев плодородными районами Западной Украины, железной рудой Кривого Рога, марганцем и цветными металлами Запорожья и Никополя, румынской, венгерской и австрийской нефтью, Германия еще несколько лет сможет продолжать войну и стабилизирует свое положение. В те годы он хвастливо заявлял: «Скорее Днепр потечет обратно, нежели русские преодолеют его».

Но надежды фюрера были напрасными. После тяжелейших наступательных боев, на плотках из бревен и досок, на паромах, построенных из пустых бочек, на рыбацких лодках одни за другими переправлялись полки и дивизии через Днепр. Отвагу и сверххрабрость проявили здесь наши воины. В неожиданно короткие сроки остались позади такие притоки Днепра, как река Сож, достигающая местами ширины до 150 метров, Десна – вдвое больше.

18 октября 1943 года «Правда» писала: «Сражение за Днепр приняло поистине эпические размеры. Красная Армия, давшая миру уже столько примеров воинской доблести, словно превосходит самое себя».

...Я стою на том месте, где лежал смертельно раненый политрук Абдурахманов.

В предсмертные минуты перед ним, словно кадры на пленке, проплыло детство, годы учебы в Хасавюртовском педагогическом училище им. З. Батырмурзаева, работа в Казмааульском сельском совете... Он вспоминал свою мать Марзият, изрезанное морщинами ее лицо, мягкие руки, не раз ласкавшие его, вспомнил он землю и свободу после победы Октября, младшую сестру Умрахбат. А младший брат Казакмурза и не помнит его. Ему было всего три года, когда Ильяс уходил на фронт...

Вспомнил Ильяс и дни краткосрочного отпуска после ранения в руку. Сколько тогда просила мать, чтобы он еще хоть немного побыл дома! Из 10 дней отпуска он использовал только два.

– Мама, не могу больше оставаться, не могу ходить по улицам. Все женщины в трауре. Когда я иду по селу, они долго смотрят вслед.

Такими грустными глазами, мама! Ты их не замечаешь, потому что я рядом. А мне кажется, будто в их горе виновен только я. Нет, не могу, уезжаю,— сказал он. — Прости, родная, меня за это. Ты; тогда не стала больше просить меня остаться. Потому что ты поняла меня. Да, поняла, так надо было...»

На следующий день рано утром Ильяс отправился в республиканский военкомат, чтобы попроситься на фронт. Но здесь ему отказали: рана еще была глубокой. Предложили работу в военкомате. Проработав здесь немного, Ильяс добился разрешения отправиться на фронт.

Освобождение Киева имело большой международный резонанс. Лондонское радио в те дни отмечало: «Времена изменились. Германия уже слышит звон похоронного колокола. На нее надвигается лавина».

Для врага Днепр стал особым рубежом. Понимая, что с потерей его открываются пути к границе, гитлеровцы сопротивлялись отчаянно. Но, несмотря на все усилия, остановить наше наступление противник не смог.

Битва за Днепр продолжалась четыре месяца. И к концу декабря 1943 года она завершилась.

«Он остался позади, горячий 1943 год,— писал в «Правде» Борис Горбатов — Донские степи и кубанские станицы. Курская дуга и твердыня Орла. Мелитопольские валы и Смоленские ворота.-.

Позади реки, стоящие против нас и ставшие нашими. Позади Днепр. Хороший год».

На украинской земле ожесточенные бои шли в начале 1944 года. В сражениях за освобождение Винницкой области, в том числе и села Корделевка, принимали участие войска Украинского фронта под командованием прославленного полководца Н. Д. Ватутина. В составе 81 отдельной стрелковой бригады 335 гвардейского стрелкового полка участвовал в этих боях и гвардии старший лейтенант Абдурахманов Ильяс Латипович.

...Перед грозой всегда наступает тишина. После очередного боя солдаты отдыхали в окопах. Шутили между собой, делились скромным солдатским пайком. Кто рассказывал о семье, кто мечтал вслух о том, чем займется после войны.

Были свои мечты и у Нажмува Умарова. Он думал о родном селе, о своем тягаче «Универсал». На войну Нажмува не призывали. Колхозу нужны были механизаторы. Но он ушел добровольцем...

Нажмув не знает, что служит в одном полку со своим земляком, Ильясом Абдурахмановым. Это вчера ночью, 12 марта 1943 года, во время наступления, они оказались рядом.

– Откуда родом будете?— опросил рядового Умарова старший лейтенант.

– Из Дагестана.

– Дагестан большой.

- Из какого района?

– Бабаюртовского.

Не осталось никаких сомнений, что они земляки. (В годы войны Казмааул относился к Бабаюртовскому району).

Они крепко обнялись, расспросили друг друга о здоровье, о том, что пишут родные. Сколько вопросов и ответов было за минутную встречу! И сколько еще не успели сказать друг другу! Была дана команда к атаке. Начались бои за освобождение Корделевки. Когда земляки прощались, старшему лейтенанту сообщили, что погиб командир батальона. Взяв командование на себя, гвардии лейтенант Абдурахманов повел солдат в атаку.

На следующий день Нажмуву Умарову сообщили, что пал смертью храбрых отважный сын Дагестана Ильяс Латипович Абдурахманов.-.

Похоронили его друзья по оружию в Корделевке, в братской могиле. Нет, не было на похоронах ни жены Ильяса — украинки Клавдии Абдурахмановой, ни дочери — Татьяны, ни родных и близких.

Жена и дочь, придут сюда потом, после войны, положат живые цветы на могилу дорогого им человека. Клавдия расскажет дочери о ее отце, о том, каким мужественным и храбрым был он бойцом. Не забудет рассказать, как они познакомились, когда Ильяс Абдурахманов учился на ее родине, в Винницком военном училище. Расскажет она также об их совместной военной службе в годы финской войны и о том, как в первые дни Великой Отечественной войны в ожесточенном бою она вынесла своего тяжелораненого будущего мужа с поля боя. Расскажет все, ничего не забыв, ничего не упустив. Потому что Татьяна не помнит своего отца, она родилась в военном 1942, и ей хочется узнать все о нем. Из рассказов матери Татьяна Ильясовна Абдурахманова поймет, каким был ее отец, и не пройдет ни один праздник Победы, чтобы она не была на его могиле и не положила на нее первый букет весенних цветов...

Как-то брат Ильяса Казакмурза Абдурахманов – водитель такси г. Хасавюрта, получил письмо из Баку. Учитель одной из школ столицы Азербайджана Ибрагимов, отец которого похоронен в той же братской могиле, где и Ильяс Абдурахманов, заинтересовался этой фамилией. Написал по разным адресам, спрашивал и нашел брата погибшего. В письме говорилось: «Ваш брат гвардии старший лейтенант Абдурахманов Ильяс Латипович похоронен в братской могиле на Украине». И далее подробный адрес. Вскоре Казакмурза впервые навестил могилу брата. И с тех пор он ежегодно приезжает в Корделевку. И встречают его всегда радостно, как самого дорогого человека. Однажды мы с Казакмурзой Абдурахмановым вместе посетили могилу его брата.

9 мая у братской могилы состоялся многолюдный митинг. Пришли жители села, учащиеся школы. На почетном месте – гости и ветераны войны.

На митинге выступил и Казакмурза Абдурахманов. Вот несколько слов, сказанных им.

– Весна Победы особенно знаменательна для нас, потому что она принесла освобождение вашему селу. Вместе со всеми я разделяю эту радость – ведь Корделевка в какой-то мере и для меня родина: за эту землю погиб мой брат, в этой земле покоится его прах, а его имя первым высечено на могильной плите.

Пользуясь случаем, хочу выразить благодарность всем корделевцам за то, что вы храните в сердцах память о погибших за вашу землю, за Родину.

Гвардии старший лейтенант Ильяс Латипович Абдурахманов, идя навстречу смерти, не думал о славе. Он погиб, как и 20 миллионов советских людей, выполняя свой священный долг перед Родиной, защищая ее честь и независимость.

Митинг закончился. Мы с Казакмурзой еще долго стояли у братской могилы. Наши раздумья отвлекли очень знакомые звуки: на фоне чистого голубого неба, прямо над могилой, пролетал клин журавлей.

– Смотри, – сказал Казакмурза, показывая на стаю. – Как красиво! Таковую картину не напишет даже самый признанный художник.

А мне вспомнились слова Расула Гамзатова, ставшие символом бессмертия героев:

Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,

Не в землю эту полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей.
Они до сей поры с времен тех дальних
Летят и подают нам голоса.
Не потому ль так часто и печально
Мы замолкаем, глядя в небеса...

В памяти народной вечно будут жить годы войны с захватчиками. Лучших своих сыновей и дочерей в те годы горцы Дагестана проводили на фронт. Вместе с русскими и белорусами, узбеками и украинцами, грузинами, молдаванами и другими народами дагестанцы смело и храбро сражались под Москвой и Ленинградом, на берегах Волги и Днепра, под Курском и Кишиневом. Многие из них прошли по дорогам войны до самого Берлина.

С. ТИМОШЕНКО, Маршал Советского Союза

ВЛАДИМИР ДЕМЬЯНЕНКО
Член Союза журналистов России

ДОРОГИ ФРОНТОВОЙ СЕСТРЫ

Это для тех дни бегут, у кого забот много. А в одиночестве день проведешь – годом покажется. Хорошо, знакомых много, то позвонят, то соседки зайдут время за чаем скоротать. Вечера зимние длинные, надоест телевизор смотреть, подойдешь к книжной полке – обязательно на книгу о войне наткнешься. Никуда от нее, проклятой, не деться- 50 лет прошло, считай – целая жизнь, а начнешь вспоминать, словно вчера все было. И трудное детство и кубинской станице, и раннее замужество, и вдовство в 19 лет, когда жизнь, казалось, только-только начиналась.

Может, кого другого несчастье сломило бы, но не Евдокию. Приехала со знакомыми в Дагестан. Хоть и маленькая дочка на руках, решила учиться, тем более давно о медицине мечтала. В Махачкале окончила медицинскую школу. Трудно, конечно, было учиться, работать, воспитывать малышку, но на добрых людей везло, наверное, потому, что сама к ним с открытой душой была.

Перед войной, казалось, все устроилось: дочка, Шурочка, росла девочкой разумной, смысленной, специальность, о которой мечтала,

получила, да и личная жизнь сложилась – нежданно-негаданно вошел в ее судьбу лейтенант Черкашин. Он стал заботливым отцом дочке и ей опорой. А тут война. И стала вчерашний фельдшер Куценко-Черкашина командиром санитарного взвода 503 полка 91 стрелковой дивизии. Получила 8 солдат в подчинение и начала их обучать медицинским премудростям: как делать противостолбнячные уколы, перевязывать раны, как оформлять документы для отправки раненых в тыл.

19 апреля 1942 года сформированная дивизия, получив приказ выступать в Сальском направлении, погрузилась в вагоны и двинулась к линии фронта.

Сказать, что тяжело было – ничего не сказать. До сих пор Евдокия Исидоровна себе удивляется: как выдержала, не испугалась, подальше от передовой не попросилась. Ведь и повод был: командир полка, видевший ее до отправки на фронт в гражданских сарафанчиках, в туфельках на каблуках, отнесся к ней с недоверием. Знаю, мол, вас, наманикюренных, и пока в бой не вступили, отправлю в медсанбат, чтоб панику на передовой не разводила. Но Евдокия, пигалица пигалицей, 48 килограммов весу, но характер был твердый. Еще посмотрим, кто в панику ударится. Первый бой и показал, кто есть кто. Случилось это за Зимовниками, где впервые столкнулись с врагом.

Что бы ни говорили о долге, о неизбежности потерь, нельзя смириться со смертью, с тем, что молодых, здоровых ребят, которые еще вчера в вагоне пели с тобой песни, шутили, вспоминали о доме, война увечит, корежит, убивает. А ты мчишься на каждый зов о помощи, стремишься облегчить страдания и мучаешься от своего бессилия перед неумолимостью смерти. Страшно самой и горько до слез, что не можешь вернуть всех к жизни. Вот как Абдулу Абакарова, командира пулеметной роты.

Шел бой под Цимлянском, трудный бой, Раненых было много, только успевай перевязывать и оттаскивать в безопасное место. Вдруг крик: «Сестра!». Поползла на зов, случайно глянула в сторону — немецкие танки. Прямо к тому месту направляются, где Абдула за пулеметом лежал. Только успела закричать: «Танки!», как один из них прямо по ногам Абдулы проехал. Немецкий офицер из люка высунулся: «Урус, сдавайся!». Но Абдула, весь в крови, вместо ног – страшное месиво, все стрелял, пока офицер не упал. Подползла Евдокия к Абдуле, начала перевязывать, а он одно твердит: «Уходи,

сестра, уходи». До пистолета дотянулся – и к виску... Понимал, что все одно, не выжить...

Столько лет прошло, а лицо, глаза в памяти остались. Как-то после войны прочла случайно в «Дагестанской правде» письмо однополчанина из Батайска. Служил, мол, с Абдулой Абакаровым из Дагестана, хотел бы разыскать, узнать о его судьбе. Написала ему, как героически погиб Абдула. Прошло еще время. Как-то возвращается Евдокия Исидоровна после работы — дома женщины ждут, все в черном. А одна, что помоложе, кого-то напоминает, а кого – никак не вспомнить. Подали фотографию: «Вы его знаете?». Ну, конечно же, это был он, Абдула Абакаров, а женщина его сестрой оказалась. Долго о брате расспрашивали, как воевал, где и как погиб...

Вообще, жизнь – штука сложная. Кажется, идет себе по прямой, отмахивая год за годом, а потом такой зигзаг выкинет, что диву даешься. Знала ли Евдокия, что село Уманцево, что в степях, вновь возникнет в ее жизни через 25 лет? В войну оно шесть раз переходило из рук в руки: то сдадут село фашистам, то отобьют. Когда, наконец, Уманцево окончательно освободили, расположились в избах на ночлег. Евдокии отдыху особенно рада была, можно расслабиться, в порядок себя привести. Косы у нее были густые, длинные, ни одна пилотка на голове не держалась. Поглядела на нее хозяйка, на тонкое военное обмундирование, молча порылась в сундуке и вытащила платок, большой, пушистый. «Сама вязала, хоть и не по уставу, но ты, дочка, его возьми, пригодится». И точно, тот платок с ней всю войну прошел да еще и Шурочке сгодился, когда в Москву на учёбу поехала.

Взамен оставила Евдокия хозяйке швейную машину, что солдаты на дороге подобрали и ей в двуколку с медикаментами сунули. На том и расстались.

Спустя четверть века съехались в Уманцево однополчане. Все, вроде, в селе как прежде: клуб тот же стоит, баня, где солдаты мылись, и даже дерево, у которого санитарная палатка стояла. Солдаты на нем вырезали имя: «Дуся», так и оно осталось, только больно высоко за эти годы над землей поднялось.

Рассказывая школьникам о кровопролитных боях за село, вспомнила Евдокия Исидоровна и свою добрую хозяйку. Начали ребята гадать, кто ж она, и вычислили: «Тетя Зина это! У нее и сыновей двое, и швейная машинка есть». Встретились, как родные, и пока были в Уманцеве, не отходила от гостей тетя Зина и все за

подарок благодарила. Машина та помогла в голодные годы ребят обшить и прокормить. На прощанье за одну ночь связала тетя Зина с помощью подруг для Евдокии новый платок, до сих пор цел.

«Платок платком, а надо бы костюм посмотреть, в порядке ли. В театр пригласили и просили быть при полном параде»,— и руки привычно скользнули по наградам. 2 ордена, «Звезды», первым наградили.

Отправилась группа в разведку, но нарвалась на мину и обнаружила себя. Немцы, видно, дозор неподалеку выставили, тот и стал группу обстреливать. Командира Борматова ранило. Едва его перевязала, как дал он Евдокии пистолет и приказал подобраться к немцам с тыла, Подползла, прицелилась и выстрелила. Попала в ухо. Немец обернулся, только и успел удивленно произнести: «Фрау?!» Тут его Евдокия и застрелила. И сама – в обморок. Шутка ли, человека убить, пусть фашиста, но человека. И долго еще ей возглас удивленный чудился, глаза вспоминались. Нет, не женское это дело – убивать. Она для другого создана: жалеть, помогать, лечить. Село, возле которого та стычка была, наши войска все-таки взяли, отличившихся наградили.

В разведку Евдокии не раз ходить приходилось, медики и в разведке нужны. К тому же нередко на лошадях передвигались, а она к ним привычная, без седла с детства в станице ездила. Не всегда, правда, все гладко обходилось, бывало, в сложные ситуации попадали. Так, однажды возвращались после задания, группа большая была, противник и засек чужих в своем тылу. Начали уходить от погони и набрали на болото. В нем и укрылись среди камыша. Сутки в воде провели, вторые, третьи. Ясно было, что без помощи не пробиться. Тогда Евдокия вызвалась идти за подмогой., Договорились об условном сигнале, чтоб свои отыскали, и она пошла. Пробралась-таки в полк, доложила, где группа скрывается. Выручила всех после четырехсуточной отсидки.

Что тогда помогло? И терпение в мокроте сырья сидеть, и смелость, ведь каково одной мимо вражеских постов пробираться, и, наверное, везучесть. Без нее на войне тоже нельзя. Повезло, что места те румынскими войсками заняты были. А румыны, известно, вояки слабые. Хотя одной им попасться дело страшное.

А вот с немцами один на один столкнуться пришлось. Так получилось, что приотстала от своих, пока раненых в сарай забирали, чтобы в тыл отправить. Вдруг двое немцев идут. Бежать – поздно.

Как только сообразила, сама не знает: плюхнулась лицом в лужу крови и дыхание затаила. Тут еще накануне зуб заболел, всю щеку разнесло. Получилось, вроде давно убитая лежит. Помогло, прошли фашисты мимо. Евдокия потом сама не своя к раненым прибежала.

Довелось ей одной и на поле боя по приказу идти, как в случае с Чиквиладзе. Трудный был бой, отступали в спешном порядке, даже не всех раненых выносить успевали. Когда закрепились на новом рубеже, оказалось, что нет начальника связи Чиквиладзе. Начали выяснять, кто видел, что с ним случилось. Евдокия заметила, что он упал, но ранен, убит ли, кто знает, не смогла к ним пробиться. Ей и пришлось за ним отправляться. Взяла лошадь и поехала, а следом подводу отправили. На поле тихо, морозно, стога сена темнеют, убитые кое-где лежат. Стала звать: «Чиквиладзе! Чиквиладзе!» Вдруг где-то в стороне откликнулись: «Сестричка!» «Нет,— думает,— не поеду, может немцы заманивают, да и начальник связи в другом месте упал». Нашла все-таки Чиквиладзе, убит он был. Документы забрала, а тут и подвода подъехала, чтоб его вывезти. Тут на всякий случай еще раз позвала «Чиквиладзе», и опять голос: «Сестричка, помоги!» Решилась, подъехала к стогу, а там наш солдат. Повезло ему, что нашла, а то бы замерз в степи. На лошадь затащила, он много крови потерял, и уже без сознания привезла его в ближайший медсанбат.

И тут опять судьба виток сделала. Через несколько месяцев сама раненая Евдокия в госпиталь попала. Подлечилась немного, начала коллегам помогать, лишние руки всегда нужны. А тут еще устроили концерт для раненых. Евдокия тоже на сцену петь вышла. Смотрит, в зале шум, кто-то к сцене пробиться хочет, а его не пускают, чтоб не мешал. После концерта подошел к ней тот найденный ею солдат, но Евдокия его не узнала. Сколько их, раненых, изувеченных, с поля боя вынесла, сколько через ее умелые сострадательные руки прошло, разве всех упомнишь. А вот он, красноармеец А. Городецкий, запомнил, и о том, как его ранили в бою, как, очнувшись, увидел, что остался один и, уже потеряв надежду, услышал в морозной ночи такой родной женский голос, принесший ему спасение. Все это он подробно описал во фронтовой газете «Сын Отечества», назвав лейтенанта Куценко своей сестрой и спасительницей.

По-разному называли в войну Евдокию Исидоровну Куценко-Черкашину: и по званию, и сестрой, и боевым и надежным товарищем, но оставалась она прежде все- то женщиной. С

нетерпением ждала писем от мужа, дочки, с гордостью рассказывала об ее успехах, мечтала о счастливой послевоенной жизни. И всюду старалась чисто по-женски украсить казенный фронтовой быт. Старшина, степенный уралец, человек в годах, понимал, как трудно женщине на фронте, на передовой, и всегда заботился, чтобы у командира санитарного взвода была своя землянка с возможными в военно-полевых условиях удобствами. А уют в своих временных жилищах Евдокия наводила сама. С ранней весны до поздней осени стояли в металлическом стакане от снаряда цветы. И те, что росли рядом, на изрытых окопах и дзотах российских полей, и те, что чудом уцелели на улицах освобожденных городов и сел.

Скрашивали военную жизнь и приезды делегаций из Дагестана. Трижды приезжали земляки: когда сражались под Сталинградом, на Дону и в Прибалтике. Как радовались воины, получая из рук гостей письма от родных, подарки! «По запаху яблок в землянках узнавала о приезде земляков», – улыбается Евдокия Исидоровна.

Тяжелейший путь к победе 91 стрелковой дивизии пролег через Сталинград, Донбасс, Крым, Севастополь, Прибалтику, до самого Кенигсберга. Много однополчан полегло на полях сражений, кого-то война достала позже болью ран, застарелыми болезнями. Все меньше бывших воинов собирается на традиционные встречи. А так хотелось бы еще раз встретиться с однополчанами, обнять живых, помянуть павших, вспомнить военную суровую жизнь и, как эстафету, передать молодым свои, пронесенные через пять лет войны идеалы дружбы, товарищеской взаимовыручки и воинского братства.

Трудящиеся Дагестанской республики, как своей жизнью и честью, дорожили и дорожат нашей прекрасной Отчизной. Именно поэтому славные сыны и дочери дагестанского народа героически сражались против фашизма.

С. БУДЕННЫЙ, Маршал Советского Союза

К. ЯРМОЛЕНКО

Член Союза журналистов России

ВETERAN ИЗ ЧАГАРОТАРА

«110 чагаротарцев принимали участие в Великой Отечественной войне. К родным очагам вернулись 25 человек. Остальные погибли, некоторые пропали без вести. В настоящее время в живых осталось

шесть ветеранов: Абдулхаким Исмаилов, тоже водрузивший знамя над поверженным рейхстагом, Амай Акавов и Махмуд Каирбеков, дошедшие до Берлина, Абдулбасир Салимурзаев, проливший кровь за освобождение Украины, Яраш Османов и Надыр Салавов, отличившиеся в боях соединений Белорусского фронта» (Историческая справка).

По своему возрасту Чагаротар является одним из старейших поселений Хасавюртовского района. Вначале он располагался на правом, более низменном берегу некогда бурной и своенравной реки Аксайки, а со временем переместился на левобережье. Ныне это компактное, утопающее в зелени село, с добротными, домами, Дворцом культуры, просторной двухэтажной средней школой, объектами бытового назначения.

С годами меняется Облик села. Недалек день, когда в Чагаротаре появится природный газ. Неизменными остаются лишь неторопливый бег воспетой поэтами Аксайки, загадочный шепот деревьев, посаженных вдоль улиц, да нестареющая память сельчан о своих земляках, сложивших головы в годы Великой Отечественной войны.

В центре села высится памятник погибшим на поле брани. В глазах рябит от длинного списка. Не зарастает к памятнику народная тропа, не вянут цветы у его подножия. Нескончаема наша боль по безвременно ушедшим.

УМАР АГАЕВ

участник Великой Отечественной войны

СУМЕВШИЙ ПОБЕДИТЬ СМЕРТЬ

(Отрывок из повести)

В центральном архиве Министерства обороны России в гор. Подольске среди многих документов, рассказывающих о подвигах советских воинов в годы Великой Отечественной войны, хранится донесение начальника политотдела 15-й Сивашской дивизии полковника Ковалева, датированное 29 января 1945 г-

Вот оно дословно: «В ночь с 26 января на 27 января 1945 года, при подходе к реке Висла большую отвагу в борьбе с врагом проявили бойцы и командиры 2-го батальона 321 стрелкового полка. Ночью батальон наткнулся на засаду противника, который открыл по нему огонь. Стойко дрались наши бойцы и командиры. Рядовой –

молдаванин Неделько П. Г. 1914 года рождения, уроженец Катульского района, в рукопашной схватке уничтожил 15 гитлеровцев».

Я хорошо помню этот бой.

Январь 1945 года на территории Польши был неустойчивым. Морозы и метели сменялись теплыми днями и слякотью. Продолжалось наступление в направлении городов Грауденц и Данциг. Лесистая местность со множеством речушек, раскисшие дороги, заболоченные берега речек... И все же наша дивизия шла вперед, громя отступающие части противника. А те с яростью обреченных оборонялись на каждом подходящем рубеже.

Гитлеровцы нередко прибегали к самым коварным приемам. На дорогах и мостах через речки устанавливали мины и фугасы, устраивали завалы и засады.

Наш 321-й стрелковый полк наступал на правом фланге дивизии. При переправе через речку Соня мы встретили сильное сопротивление противника. Речка была небольшая, шириной 10 метров и глубиной 1 метр, но берега ее были сильно заболочены. И если учесть, что противник заминировал мосты через речку, установил на ее западном берегу проволочное заграждение в четыре кола и мины, она стала серьезной преградой.

Командир полка собрал командиров батальонов и отдал приказ о наступлении. Командиру нашего батальона – капитану Ожигову была поставлена задача – наступать в авангарде полка, переправиться через речку Соня и овладеть селом Гутково.

Действия батальона будут поддерживаться арт-огнем 3-го дивизиона и двумя пушечными батареями 1-го дивизиона, – пояснил командир полка. Затем, посмотрев на раскрытую карту, добавил:

– Хорошо бы нанести по этому селу отвлекающий удар. Скажем, с севера.

– Я об этом уже думал, – ответил капитан Ожигов, – полагаю, что 8-я рота старшего лейтенанта Агаева с этим делом справится.

– Что ж, за инициативу спасибо. И ни пуха вам, ни пера. А ваш успех мы разовьем действиями батальонов Леладзе и Хайцева.

Падал мокрый снег, дул ветер, было неуютно и холодно. Ожигов направил мою роту севернее Гуткова с задачей разведать возможность организации переправы через речку Соня. В эту разведку я послал отделение сержанта Лаптева в составе рядовых Неделько, Ангела, Друна, Куликова и Черно мудр она. Я и раньше не

раз поручал этим отважным и находчивым бойцам трем молдаванам и трем белорусам выполнение ответственных заданий по разведке. И всякий раз они четко и быстро их выполняли.

Не прошло и получаса, как от разведчиков прибыл связной Неделько, он доложил, что примерно в километре севернее Гуткова лес вплотную подступает к речке и там были обнаружены в воде опоры бывшего моста.

– По ним мы перекинули доски и переправились через речку. Противника нет, – сказал он. Я похвалил его и спросил, где остальные.

– Они остались там. В лесу мы нашли полуразрушенный сарай. Вот они и снимают с крыши доски, делают настил через речку, – ответил Неделько.

Мы углубились в лес, быстро подошли к переправе и увидели уже сложенный на опоры настил. Бойцы отделения Лаптева находились на западном берегу. Под их прикрытием солдаты роты цепочкой переправились через речку и, пробравшись через густой кустарник, вскоре вышли к северной окраине Гуткова. О выполнении задания я доложил (через посыльного) комбату Ожигову.

Атака началась в 12-00. Две гаубичные батареи 3-го дивизиона капитана Гончарова открыли огонь по западной и северной окраинам Гуткова. Одновременно по проволочному заграждению к минным полям на западном берегу Сони ударили прямой наводкой пушечные батареи 1 дивизиона. Огневой налет, как было заранее договорено, длился 10 минут. И как только смолкли орудия, над боевыми порядками нашего батальона взлетела серия красных ракет. По этому сигналу 7-я и 9-я роты начали переправу через речку на плотках, бревнах и найденных где-то лодках. Капитан Ожигов сразу же повел бойцов 7-ой роты в атаку, 9-я рота лейтенанта Воронина, переправившись, пошла в атаку во главе с заместителем командира полка подполковником Коваленко Н. А. Стремительным броском наши бойцы смяли заслон противника и заняли его траншеи на западной окраине села. Но не успели они закрепиться, как около сотни гитлеровцев с тремя танками пошли в контратаку.

По вражеским танкам открыли огонь прямой наводкой пушечные батареи 1-го дивизиона. Расчет командира орудия старшего сержанта Денисова двумя выстрелами поджег вражескую машину. Второй танк был подбит расчетом сержанта Кравченко.

Но гитлеровцы продолжали наседали на наш батальон. И когда они подошли вплотную к занятым нашими бойцами траншеям, стремясь любой ценой отбить их, я поднял роту в атаку.. Оттеснив небольшой заслон противника на северной окраине села, мы вскоре овладели его центром.

В бою за село особо отличилось отделение сержанта Лаптева. Оно подавило три огневые точки врага и уничтожило до двух десятков фашистов. Метко разили врага воины-молдаване Неделько и Ангел.

Неделько ненавидел гитлеровцев, причинивших большое горе его односельчанам и землякам. У него был и личный счет к захватчикам. Незадолго до этого на польской земле гитлеровцы убили его родного брата. И Неделько поклялся отомстить.

В центре села по наступающим нашим бойцам в упор ударил из дзота фашистский пулемет. Рота моя залегла.

— Ваня, прикрой,— крикнул Неделько своему другу Ангелу. Тот выбрал удобную позицию и ударил из автомата. Неделько ползком и перебежками подобрался к огневой точке с тыла, поднявшись, бросил противотанковую гранату и подорвал дзот вместе с пулеметным расчетом.

До реки Висла оставалось немного.

В ночь на 27 января погода испортилась. Пошел густой снег, поднялся сильный ветер. Видимость резко ухудшилась. В этой обстановке наш 3-й батальон, находясь на правом фланге полка, продолжал наступать в направлении гор. Грауденца. Впереди батальона головным дозором шло, отделение сержанта Лаптева. В полукилометре позади двигались основные силы моей роты и всего батальона.

Наступила ночь. Впереди показались дома небольшого населенного пункта Шейнах. Сержант Лаптев направил Ангела предупредить об этом меня, а сам с Неделько и Друном осторожно стал пробираться к домам. Их прикрывали Куликов и Черномудров. В поселке разведчики не обнаружили противника. В нем не было и местных жителей, видимо, угнанных гитлеровцами. На западной окраине поселка разведчики дождались нас, а затем снова пошли вперед. Наступила глубокая ночь. Пройдя около километра от поселка Шейнах, дозорные увидели перебежавших дорогу людей. И в этот момент в небо взлетели красные ракеты. Затем ударили пулеметы и автоматы. Мы напоролась на засаду противника. Заняв

круговую оборону по обочинам дороги, бойцы батальона открыли ответный огонь. По накалу боя комбат понял, что батальон окружен крупными силами противника, и начал искать выход из сложившейся обстановки.

Я подбежал к комбату и доложил, что разведчики обнаружили в двухстах метрах впереди, справа и слева от дороги траншеи и окопы противника-

– А гитлеровцы в них есть?— спросил капитан.

– Не больше взвода, как сообщил сержант Лаптев.

Видно, противник основные силы выдвинул на наши фланги.

– Это же выход!— повеселел комбат.— Гитлеровцы думают, что мы подадимся назад. Надеются при отходе нас как следует проучить. А мы рванем вперед. Именно на этот опорный ряд, пока мы будем. Берите траншеи, а мы потом к вам присоединимся.

И наша рота скрытно, по-пластунски двинулась вперед. Пурга для нас была хорошей союзницей. Метров за тридцать до окопов противника я поднял роту. Более полусотни наших бойцов, словно призраки в метельной ночи, обрушились на врага. Первым в траншею оказалось отделение Лаптева.

Не прошло и 20 минут, как вражеские траншеи на расстоянии до ста метров были заняты моей ротой. Я послал связного к комбату, и он приказал командирам 7-й и 9-й рот перевести личный состав в эти траншеи и переоборудовать их для круговой обороны.

Гитлеровцы плотным кольцом окружили нас, и на рассвете следующего дня, после артиллерийского обстрела, ринулись на позиции батальона. Наши бойцы встретили врага метким пулеметным и автоматным огнем, и, понеся большие потери, немец отступил.

Но и наши ряды поредели. Был тяжело ранен сержант Лаптев, рядовые Астафьев, Петров и другие, погибли командиры взводов Макаров, Турсунов, верный друг Павла Неделько — рядовой Иван Ангел и многие другие. Раненые бойцы, перевязав друг друга, остались в строю и вели огонь по противнику. Наступил день, и он оказался не легче сумасшедшей ночи. Наш батальон отбил шесть атак противника. К полудню в наше расположение из штаба полка пробились двое связных. Командир полка сообщал нашему комбату, что 1-й батальон капитана Леладзе вместе с Краснознаменным полком полковника Варюхина уже на западном берегу Вислы и дерутся за удержание и расширение плацдарма. В связи с этим

нашему батальону надо во что бы то ни стало удержаться на занятых позициях, отвлекая на себя силы противника.

Задача была понятная, но как держаться, когда в батальоне всего-то осталось три-четыре десятка бойцов и командиров, и боеприпасы на исходе. Но мы держались. Без сна, без отдыха, без пищи. По цепочке пошел последний сухарь, последняя щепотка махорки. А по траншеям, не прекращая огня ни на минуту, били минометы, пулеметы и орудия противника. На исходе дня гитлеровцы при поддержке двух самоходок еще раз устремились на позиции батальона. Им удалось захватить часть окопов. Основной удар был нанесен по нашей роте, немцы ворвались в траншеи, и завязалась жестокая схватка не на жизнь, а на смерть. На окоп, который оборонял Неделько со своим земляком Друном, с криками «Русс, хенде хох!» бросились до 20 гитлеровцев. Подпустив их поближе, Неделько и Друн выпустили по ним все патроны, оставшиеся в дисках автоматов. Гитлеровцы наседали. Тогда Неделько швырнул в них последнюю гранату. Несколько вражеских солдат упали замертво. «Георгий, прикрой меня!» — крикнул Неделько и бросился врукопашную. Двоих прикончил прикладом, схватился с третьим, рослым верзилкой. Справившись и с ним, Неделько хотел подняться, но тут за его спиной разорвался снаряд, и он упал на своего поверженного врага.

Когда санитар подполз к нему, то поблизости лежали 15 убитых фашистов, а у Неделько не было живого места. Позже санитар сказал нам, что ничем не мог уже помочь бойцу. Так мы думали, что Павел Неделько погиб, и впоследствии сообщили родным о его героической гибели. А он оказался жив! Об этом рассказал на встрече ветеранов 65-й армии в городе Москве в 1975 году подполковник в отставке Гончаров И. М., бывший командир артдивизиона 321 стрелкового полка, ныне член Союза журналистов, проживающий в гор. Ленинграде. Дело было так.

С поля боя санитары доставили Неделько в бессознательном состоянии в медсанбат, где ему ампутировали правую руку, а на перебитую правую ногу положили гипс. В медсанбате Неделько пролежал больше месяца, только иногда приходя в сознание. За это время сделали ему три операции, удаляли осколки, сшивали раны на голове, груди и ногах. Потом санитарным поездом его вывезли из Польши в Белоруссию и поместили в военный госпиталь в гор. Борисове. Здесь он лечился до 1946 года. После выписки из госпиталя

его по состоянию здоровья демобилизовали. В 1986 году ему были вручены ордена Боевого Красного Знамени, Отечественной! войны 1-й степени, 2-й степени и несколько медалей.

Низкий поклон ему, спасителю моей жизни и сумевшему победить смерть!

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Багаутдин Митаров	7
Сообщите друзьям.....	10
Война	12
Мухтар Абакаров	12
Письмо бойца	13
Багатыр Магомедов	15
Если завтра война.....	16
Моя земля.....	17
Манувах Дадашев	18
Песня о Родине	18
Абдул-Вагаб Сулейманов	19
Проводы на фронт	19
Вернись.....	20
Муталиб Митаров	21
Баллада об отце.....	21
Магомед Сулиманов	24
По дорогам войны	24
Абдул-Мажид Хачалов	25
Другу, не вернувшемуся с войны	25
Абачара Гусейнаев	27
Мать	27
Азиз Иминагаев	28
Победа за нами	28
Сайгид Абдуллаев	29
Песня фронтовика	29
Николай Власов	31
Письмо друзьям	31
Даниил Атнилов	31
Памятник герою	32
Мирза Магомедов	32
Отец говорил.....	32
Алил Амаев	34
Сон	34
Юсуп Хаппалаев	35
Зов матери	35

Расул Гамзатов	44
Солдаты России	44
Фазу Алиева	51
В день победы.....	51
Мальчишки сорок первого	52
Память	53
Я не была еще солдатом	53
Раджаб Дин-Магомаев	54
Клятва	55
Эффенди Капиев	59
В бой	60
Из фронтовых блокнотов.....	62
Штурм.....	65
Агалар Гаджиев	67
Я с Гитлера шкуру сниму	67
Камиль Абакаров	72
Письма	74
Миши Бахшиев	75
Лейтенант из Дербента	76
Ибрагим Керимов	77
Март 1944 года	77
День рождения героя	79
И умением, и хитростью.....	84
«Это он».....	87
Вторая встреча	90
Хизгил Авшалумов	93
Сын.....	93
Абакар Мудунов	101
Ястреб	101
Раджабали Омаров	107
Камиль вернулся!	107
Зульфугар Зульфугаров	113
Сумей	113
Мусаиб Стальский	127
День рождения комсомола	128
В. Бутаев	129
Король неба.....	129
Э. Дени	136
Дал крылья ему Дагестан	136

В небо	138
Последний бой.....	141
Память	142
Раиса Абуева	142
Фронтowej хирург	142
Ильгар Гусейнов	146
Фронтowe треугольники	146
Багиш Багишев	153
Военный характер	153
Эмма Тыщенко	160
Рождались женщины для счастья.....	160
Получала письма мама.....	160
Гаджи Шамов	163
Победа общая.....	163
С.Сотавов	169
Мужество.....	169
Владимир Демьяненко	174
Дороги фронтowej сестры	174
К. Ярмоленко	179
Ветеран из Чагаротара	179
Умар Агаев	180
Сумевший победить смерть	180

ТЕМА ВОЙНЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
ДАГЕСТАНСКИХ ПОЭТОВ, ПИСАТЕЛЕЙ И
ЖУРНАЛИСТОВ

К 80-летию Победы советского народа
в Великой Отечественной войне